М.В.ПАНОВ

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ОРФОГРАФИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В занимательной форме рассказано, как связано русское правописание с фонетикой, о сущности основных принципов отечественной орфографии, ее законах.

- М. В. ПАНОВ
  - Предисловие
  - Картинка и буква
    - Нет ли?
    - Понятно всем
    - Узор на горшке
    - Письмо топором
    - С помощью обстановки
    - Шорилэ
    - Все-таки не настоящее
    - Пиктография торжествует
    - Спорт и пиктограмма
    - Ложки-вилки
    - Ее недостатки несущественны
    - По обед
    - Пришел Полупшённый
    - Буква «Ты»
    - Иринушка имела резон
    - Иероглифы
    - Свои родные…
    - Попробуйте без цифр
    - Творец иероглифов
    - «И др.»
    - Две ступеньки. Где третья?
    - Что может буква
  - Буква — слуга звука?
    - Как будто ясно
    - Нет, не ясно
    - Нехорошее междометие
    - Познакомились
    - Многоликий согласный
    - Если постараться
    - Точно следуя за звуком
    - Много ли?
    - Поставим мысленный опыт
    - Что-то не так
    - Василии Кириллович Тредиаковский (1703–

1768)
- Буква — слуга морфемы?
  - Прикинем
  - Если в обеих руках чемоданы
  - Звукам в морфеме привольно
  - Для всех морфема или не для всех?
  - Она для всех
  - Слово ученого
  - Слова, придуманные поэтами
  - Самовар Полупшённого
  - Нечего ей меняться!
  - Волшебник меняет лицо
  - Потеряв чувство меры
  - Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765)
  - Взгляд назад
  - Снова царь Салтан
  - Может, нетипично?
  - Михаил Николаевич Петерсон (1885–1962)
  - Нерешенный вопрос
- Повелительница букв
  - Чередования
  - Какие-то они разные
  - Будто струны
  - Полупшённый диктует
  - Позиция
  - Про музыкальную шкатулку
  - Металлы в пятницу не расширяются?
  - Ноз белый
  - Маленький великан
  - Гласные под прессом
  - Скандалит!
  - Важная обязанность
  - Чаши весов
  - Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929)
  - «Звуки играют роль»
  - Надежда Ивановна и напрасная надежда
  - Появляется главный герой нашей книги
  - Сделаем вид, что их нет
  - Про хамелеонов
  - Спор об имени
  - Одолели холод
  - На что-то они похожи!
  - На Полупшённого не угодишь

- Непозиционные — какие они?
- Старое недоумение
- Крепкий сн
- Полупшённый ворчит
- Если звуки разные
- А мы их пересчитаем!
- Их как будто 34
- Их, несомненно, 34!
- Почему звуки языка нельзя сосчитать?
- Ответы совпали
- Снова про зайца
- Ровно пять
- Мы испортили гласные
- Почему им удалось спрятаться?
- Итого
- Но тут…
- «Докудова разность…»
- Вот до чего!
- С растяжкой и без растяжки
- Вот кто повелевает буквами!

○ Слабая, но коварная
- Совпали
- Сродни
- Два ряда скрестились
- Где можно сделать ошибку?
- Ошибки и описки
- Легкое средство делать ошибки
- Ошибки нас учат
- Не буду помогать
- Четыре коня
- Сомнение…
- Исполнительный Полупшённый
- Рыбачка и рыба
- Сухо, протокольно итожу
- Кстати
- Рубен Иванович Аванесов (1902–1982) и Владимир Николаевич Сидоров (1903–1968)
- Хоть брови-то должны быть похожи!
- Ирина Сергеевна Ильинская (1908–1980)
- Не нюхайте букву!
- Несомненные сомнительные

○ Где надо сомневаться?
- Толпа незнакомцев?
- Дорога всегда одна

- Полупшённый ищет другую дорогу
- Пять ступенек
- Работаем по плану
- Тащут или тощут?
- Учитель послушался
- А если забыл?
- Сказано, да не доказано
- Ровная неравнина
- Не и ни
- Про странную рифму
- От бабушки к бабушке
- «Долой путеводитель!»
- Словно горошина
- Идут косяками
- Можно крупно выиграть
- Игривое настроение
- Про рога
- Еще раз — по ступенькам…
- Полезная пропажа
- Банщик с барабанщиком
- Из ряда вон выходящее слово
- Казалось бы, другой случай…
- Танцуют парами
- У Полупшённого все проще
- На полпути
- Парад орфограмм
- Кольцо за кольцо…
- Гражданка Порожковская в городе Перетянужске
- Проницательный Бодуэн
- Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942)

○ Строптивое меньшинство
- Суетливые приставки
- Вопреки
- Снова свои, родные иероглифы
- Самые трудные
- Главный — в отлучке
- Полупшённый злорадствует
- Не совсем бездельники
- Александр Иванович Томсон (1860–1935)
- Борьба за простое письмо
- Роман Федорович Брандт (1853–1920)
- Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914)
- Плов- и плав-
- Какая же наша орфография?

- Работа по совместительству
  - Разобраться!
  - С серьгой
  - Пятнадцатый знак
  - Мы придумали букву Я
  - Про Эмиля Золя
  - Тютелька в тютельку
  - Неплохой лисенок
  - Ленивая буква
  - Это вам не удастся
  - Слева направо и справа налево
  - Еще одна нужная буква
  - Таинственная незнакомка
  - Николай Феофанович Яковлев (1892–1974)
  - Одинокие
  - Полупшённый чуть-чуть изменился…
  - Буквы — молодцы
  - В неуказанном месте
  - Таинственное похищение
  - Следственная гипотеза
  - Простая улика
  - Потаенные двоегласные
  - Приставка-сорока
  - Неудачное возражение
  - Полупшённый и арбуз
  - Улеглось
  - Прощание с читателем
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

○ 17
○ 18

М. В. ПАНОВ
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ОРФОГРАФИЯ
Книга для внеклассного чтения учащихся 7–8 классов

Предисловие

Не успел я дописать эту книгу, как получил несколько писем о ней. Наверное, И. С. Полупшённый, мой сосед, очень общительный, рассказал о ней своим знакомым. (О Полупшённом прочтете дальше, в самой книге.)

Вот одно письмо:

«Я часто делаю ошибки, просто ужас. А вы написали книгу против ошибок. Я быстро ее прочту и перестану ошибаться в буквах. Пришлите мне безошибочную книгу. Федя». (Письмо было с ошибками, я их исправил.)

Федя не понял, зачем написана эта книга. Может быть, Полупшённый ему неверно объяснил. Она — не пособие для не успевающих по русскому языку. Тем, кто не в ладах с орфографией, она не поможет писать грамотно.

Эта книга рассказывает, как устроено наше письмо. Возьмем любую машину. Например, трактор. Будущие трактористы изучают, как он устроен, какие у него части, для чего они нужны, как друг с другом соединены, как они все вместе работают. Это полезные знания, они пригодятся. Но, узнав об устройстве трактора, еще не станешь трактористом. Не сядешь и не поедешь в поле на уборку хлеба. Вести трактор, управлять им, уметь со

сноровкой на нем работать — этому надо учиться особо.

Так и здесь. Я рассказываю, как устроено наше письмо. Но умело владеть им, писать правильно, не ошибаться — это особое дело. Ему долго и упорно учат в школе. Для этого дела есть учебники, словари, справочники.

Правда, если знаешь устройство трактора, то и работать на нем научишься быстрее и лучше. Так и здесь: поняв, как устроено наше письмо, можно более сознательно, значит — более прочно, усвоить орфографические умения. Такая косвенная связь есть. Но не прямая: узнал устройство письма — поэтому перестал делать ошибки.

Я послал Феде не «Занимательную орфографию», а толстый орфографический словарь.

Пришло другое письмо:

«Глубокоуважаемый коллега!

Я с большим удовлетворением узнал, что Вы изучаете проблемы письма. Тема необыкновенно интересна! It is very interesting, как говорят англичане. Сколько здесь сложных вопросов! Например, соотношение перцептивной и сигнификативной функции буквенных знаков, типы их перекодирования в разных коммуникативных условиях — и так далее! Und so weiter, как говорят многие немецкие ученые!.. Не могли бы Вы мне посоветовать, где я могу приобрести Вашу книгу?

Целиком Ваш

профессор Калач».

Профессор тоже не понял, какая это книга. Не трактат. Не новый вклад в науку. А рассказ для школьников, для того, чтобы они, читая, не скучали, не томились. А понимали, какое наше письмо, почему в нем должны быть именно такие правила.

Профессору Калачу послано вежливое разъяснение.

А потом зазвонил телефон.

— Кто говорит?

— Слон. Николай Сергеевич Слон.

— Слон?

— Да, это моя фамилия. Не вы ли составляете «Занимательную орфографию»?

— Я.

— Оч-чень хорошо! Я вам вышлю наложенным платежом много кроссвордов, ребусов, песенок, загадок и прибауток.

— Зачем же мне они?

— Как зачем! Вы же знаете, что кроссворды и прибаутки состоят из слов? и слова надо писать правильно? Вот, например, слово *капуста*. Вы горизонтально пишете в кроссворде: *капуста*, с

буквой *а*. Вертикально через это слово проходит другое: *сапог*. Вы догадываетесь, что *сапог*, и пишите — *сапог*! С буквой *а*! Кроссворд вам подсказал, как писать это слово! И *капуста*, и *сапог* — оба с *а*!

— Можно преспокойно на перекрестке этих слов поставить *о* и оба их сразу написать неверно!

— Зачем же писать *о*, если оба слова — через *а*? Кто сам себе враг, кто будет так неразумно поступать?

— Не присылайте мне кроссвордов, ребусов, песенок, загадок и прибауток!

— Пришлю!

— Не присылайте!

Еле-еле я его уговорил — не присылать. Я объяснил Н. С. Слону, что «Занимательная орфография» — не книжка для развлечения. Русское письмо устроено просто. Но тем не менее, чтобы понять его законы, нужен труд мысли. Многие страницы придется читать медленно, со вниманием, вдумываясь в текст. Нет, это не развлекательная книга, она требует серьезного чтения.

Кроссворды и прибаутки остались у Н. С. Слона.

И вдруг опять зазвонил телефон, да так громко!

— Тут автор «Занимательной орфографии»?

Я растерялся и ответил:

— Тут.

— Это что же вы задумали? «Занимательная орфография»! Противоестественное сочетание слов! Орфография — и вдруг занимательная? Нет, орфография — это серьезно! Учить ее надо! Долбить! Долбить! Долбить! В орфографическом словаре — 110 тысяч слов. По 30 слов в день — вот порция для каждого ученика! — (Слово *порция* было сказано с особым удовольствием.) — Писать и в алфавитном порядке, и в полном беспорядке, слева направо, справа налево… Тогда за 10 лет можно одолеть весь словарь. И спрашивать! Не знаешь? — Кол тебе! И выговор! И никаких «Занимательных». Вы размягчаете волю, вы отвлекаетесь от дела, сочиняя все эти штучки. Чтобы больше этого не было. Понятно? Моя фамилия Сусликов. Ясно? Об исполнении доложить по адресу…

И он назвал адрес.

От Полупшённого я узнал, что это очень добродушный и симпатичный человек, пенсионер-садовник, но почему-то он решил, что с орфографией шутки плохи.

Но я и не шучу. Я хочу занимательно, то есть не скучно, но в то же время и серьезно, рассказать о нашем письме. Орфографии от этого нет никакого ущерба. А удалось ли мне… Читателю

виднее.

Вдруг принесли телеграмму:

НИКАКИХ УЖ ЗАМУЖ НЕВТЕРПЕЖ тчк ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ знк вскл УРА знк вскл ВСЮДУ МЯГКИИ ЗНАК тчк РЫСИСТЫЙ

Эту телеграмму я сразу понял, потому что знаком с Рысистым. Я ему говорил о своей книге. У него есть рационализаторское предложение: все наречия на шипящую писать с мягким знаком. Если пишут настежь, вскачь, навзничь, невмочь, наотмашь, то и наречия уж, замуж, невтерпеж тоже надо писать с мягким знаком. Он всем досаждает своим требованием, как будто сам, по своему усмотрению, может менять правописание. И хочет, чтобы я в книге писал эти наречия по-рысистому. Верно то, что наше письмо изменяется, отшлифовывается, улучшается. И будет, наверное, улучшаться. Но кустарщина здесь нетерпима. Нельзя каждому вразброд менять правила орфографии. Я пишу книгу о современном письме, а не о том, которое, возможно, когда-нибудь будет. И не о его возможных улучшениях. Это — другая тема.

Поэтому я телеграфировал Рысистому:

УЖ ЗАМУЖ НЕВТЕРПЕЖ НИКАКИХ МЯГКИХ ПАНОВ.

Читатель, я чувствую, ворчит:

— Ну, это все автор выдумал.

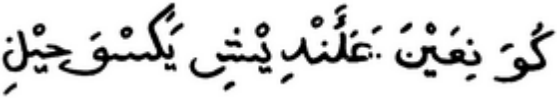
Конечно, выдумал. Мне надо было объяснить, чего читатель не должен ждать от книги и что он в ней найдет. С помощью Феди, Калача, Сусликова, Слона, Рысистого я это и сделал.

Все. Предисловию конец[1].

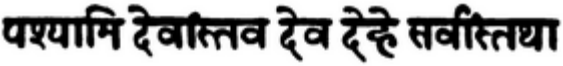
Картинка и буква

Нет ли?

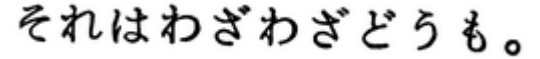
Вот как пишут по-арабски, на арабском языке:



А это письмо называется деванагари, оно — для языков Индии:

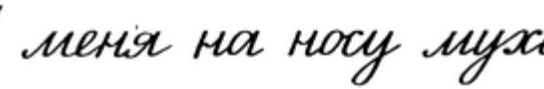


Посмотрите, как пишут по-японски:



А это по-грузински:

Можно и так написать:



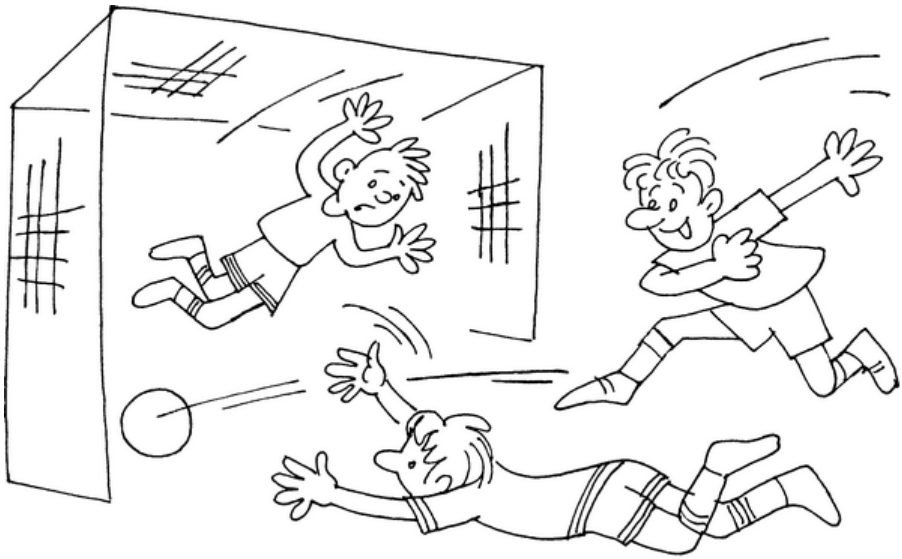
Вы правильно догадались: это на русском языке.

Так что же: письмо всегда передает какой-нибудь язык? Обозначает речь на определенном языке? А нет ли письма просто так — ни для какого языка, а чтобы оно было само по себе?

Понятно всем

Наверное, есть. Поищем. Нам что нужно? Найти письмо, которое не передает какой-то язык, а само по себе понятно. На каком языке ни говори, а такое письмо в тупик тебя не поставит.

Вот такое письмо:



Тут вы скажете: это не письмо, это картинка!

А почему картинка не письмо? Подумаем!

Узор на горшке

Вот сидит горшечник. На каждом своем горшке он рисует узор:

Можно считать, что это письмо? Нет, письмо должно значить. Оно — средство передать мысль. Для мысли нужны разные знаки.

Ну, вот они разные:

Все равно не письмо. Во всяком письме есть условные знаки. Не изобразительные, не такие, что кто ни посмотрит — и поймет, про что этот знак. А условные.

Здесь, на втором рисунке, посмотрел — и видно: вот значок — это лев, художник про льва думал, когда рисовал.

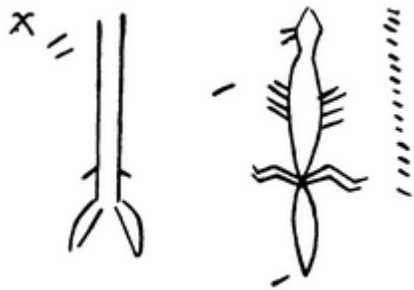
Но такое письмо могут составить только художники, а настоящее письмо — для всех, для тех, кто не умеет рисовать.

Да и не всякую мысль передашь изобразительно, картинкой. Нарисуйте: «Берегите честь смолоду!» Нельзя это нарисовать.

Значит: письмо должно включать неизобразительные, условные знаки. Потому что оно для мысли, для ее передачи.

Письмо топором

У народа манси (живет на севере, между Уральским хребтом и Обью) есть такой вид письма: знаки, вырубаемые топором на деревьях; обычно — рассказ об охоте. Вот такие знаки:



Левый рисунок-письмо означает: «Два человека убили лося. С ними были две собаки». Правый рисунок читается так: «Один человек убил 15 белок. С ним была собака». Здесь есть и наглядные изображения (белка), и условные знаки. Например, собака обозначена горизонтальной черточкой.

Мы с вами прочли эти записи по-русски. Манси, посмотрев на запись, перескажут ее по-мансийски. Это запись на всяком языке.

С помощью обстановки

Такое письмо понятно на всяком языке, потому что обозначены в нем не слова (они в каждом языке свои), а наглядные представления о вещах и людях. Представления, пока они не связаны со словами, общие для всех людей. Поэтому такое письмо можно читать (разгадывать) на любом языке.

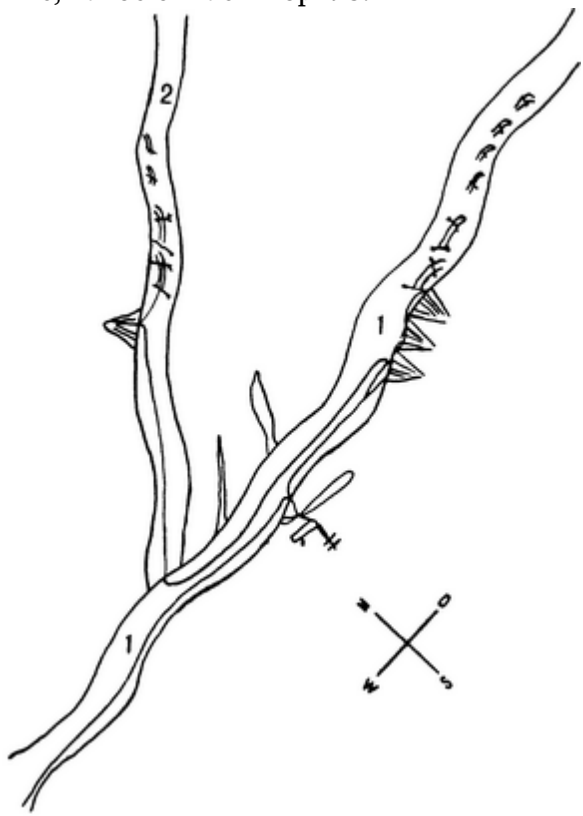
Хорошее письмо! Оно называется пиктография — рисуночное письмо (от латинского pictus «живописный» и греческого grapho «пишу»).

Но его «всеязычность» куплена дорогой ценой. Чтобы его понять, надо знать ситуацию — обстановку, обстоятельства, в которых писалась пиктограмма. Немногое может быть выражено таким письмом. Только то, что проясняется, что дорисовывается известной обстановкой.

Шорилэ

Свое рисуночное письмо юкагиры (народ, живущий на крайнем северо-востоке СССР) называют шорилэ. И так же они называют настоящее, буквенное письмо. Значит, и то, и другое для них — письмо.

Посмотрите, какое бывает шорилэ.



Путешественник, получивший это шорилэ, пишет: «В устье Коркодона мы должны были найти промышленников (т. е. охотников, промышлявших зверя), но вместо них мы нашли на дереве берестяное письмо. (1 — река Коркодон, 2 — приток его Россоха; средние линии между берегами рек означают направление пути.) Весной коркодонские одулы (юкагиры), имея 3 урасы (шатра), в которых помещались четыре семейства, поднялись с устья Коркодона вверх по реке. По дороге на левом берегу у них умер человек (нарисована могила на таком месте, где раньше не было никаких могил). Мои спутники сейчас же сказали, кто именно умер. Несколько выше могилы все 3 дома остановились для промысла. Потом разъехались. Два семейства (на это указывают два карбаса с гребными и рулевыми веслами) с

одной урасой и двумя промышленниками (на это указывают две ветки с одним средним, двухлопастным веслом) поехали назад и поднялись по Россохе. Другие два семейства поплыли еще выше по Коркодону».

Много можно прочесть в пиктографичеком шорилэ! Но, видно, что для этого надо хорошо знать, на какие события может указывать письмо-рисунок. Надо знать обстановку, в которой было написано шорилэ.

Все-таки не настоящее

Да, настоящее письмо понятно без подсказки обстановки, обстоятельств. Пиктография — на пути к письму, но полноценным письмом ее не назовешь. Поэтому она широко используется на тех ступенях культуры, когда буквенное письмо еще неизвестно.

И используется в узком кругу людей. Среди тех, кто на четверть прочтет, на три четверти догадается. А если она адресована кому-либо за пределами узкого круга родственников или соплеменников, то надо такую пиктограмму нести к адресату и самому ее читать и объяснять.

Индейские племена отправили обращение американскому президенту, вот такое:

Понимается эта пиктограмма так: «Племена журавля, трех куниц, медведя, морского человека и морского кота поручили в едином порыве (это изображено линиями, соединяющими все фигуры) сердец главе племени журавля обратиться с просьбой к президенту о разрешении им переселиться в область озер». Послы индейских племен разъяснили президенту содержание послания. А сам-то он, наверное, не понял бы.

Зачем же нужна тогда пиктограмма? Пускай бы послы сказали ему на словах!.. Нет, пиктограмма нужна: она — документ. А то где бы президент поставил свою резолюцию?

Пиктография торжествует

Казалось бы, пиктография обречена на смерть. Буквенное письмо ее повсюду вытеснило. И вдруг во всех многолюдных городах — возрождение пиктографии! Ее расцвет! Ее торжество! Возьмите дорожные знаки:

Движение запрещено | Въезд запрещен | Дети | Неровная дорога | Дикие животные

Последний знак не для Москвы: он висит на одной сибирской дороге.

Все это настоящие пиктограммы. Условный рисунок, который не связан ни с каким языком. Глядя на него, и русский, и грузин, и казах, и француз, и чех, и суданец поймут одно и то же. И на каждом языке значение дорожного знака можно передать разными словами. Например, знак «Въезд запрещен» (его попросту называют кирпичом). Его словесно можно так перевести: «Стоп!», или: «Поворачивай назад!», или: «Проезд закрыт!», или «Куда едешь? Не пущу!» А для француза этот знак имеет другие, французские словесные истолкования. Для финна — опять свои, и тоже можно перевести разными словами.

Значит, это на самом деле пиктограмма: это рисунок, включающий условность, не связанный с определенным языком, потому что он не связан с определенным словом.

Спорт и пиктограмма

На международных спортивных соревнованиях — в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Алма-Ате — бывают люди из разных стран. И для них вывешивают такие знаки:

Пятиборье | Гимнастика | Борьба вольная и классическая | Плаванье | Велоспорт

Видите знак — и понимаете: здесь — состязание по пятиборью или по гимнастике. А если знак со стрелкой — значит: во-о-он там пятиборье или гимнастика.

Ложки-вилки

А на улицах Москвы появились во множестве такие знаки:

Зачем нужны такие знаки?

В Москву приехало много туристов из разных стран. Они говорят на множестве разных языков. Сделать вывески сразу на всех языках невозможно. Выручила пиктография.

Ее недостатки несущественны

Почему пиктография так привольно обосновалась на улицах городов? Бесспорное ее достоинство — она понятна для всякоязычных людей. А современный город вмещает много языков: много туристов, дипломаты, представители заграничных фирм, деятели культуры из дальних стран, студенты отовсюду, участники международных конференций… Надо заботиться о тех, кто не прочтет русскую вывеску.

Позаботится о них пиктограмма.

А ее недостаток (непонятна без обстановки) здесь не играет существенной роли. Увидел прохожий скрещенные вилку и ложку… Не столовая ли? — мелькнула мысль. Зашел и убедился: столовая. Обстоятельства ведь тут же, на месте. И помогают понять пиктограмму.

Так пиктограмма из зарубок и рисунков охотников и оленеводов стала жительницей машинного, вихревого города XX века.

По обед

У многих москвичей объединились те и эти знаки: спортивные и ложки-вилки. И те, и другие в большом количестве появляются во время спортивных соревнований.

А вот смешной рисунок:

Дядя с судками отправился по обед; на лыжах припустился с трамплина. Спортсмен!

Пришел Полупшённый

Мой сосед Иван Семенович Полупшённый — очень требовательный и настойчивый. Пришел ко мне, сел в кресло и говорит:

— Ты что-то пишешь. Советуйся со мной. Ведь ты многого можешь не знать, и я тебе буду помогать; надо ведь направлять твою мысль. Тем более что мы соседи.

Я говорю:

— Вот какая неясность, Иван Семеныч. Я про пиктограмму думаю. В одних книжках написано, что пиктограмма всегда должна быть наглядной, она рисует предмет…

— Конечно. Как же иначе? Тут сомнений нет, — решительно сказал Полупшённый.

— А в других книжках сказано, что у пиктограммы важно другое. Она не связана с определенным словом, ее можно прочесть по-разному.

— Именно так! Сознайся, что это убедительно! — воскликнул Полупшённый.

— А как же быть: знак «Проезда нет!» — из окна виден… Во-он там… Кирпич в красном круге. Пиктограмма или нет?

— Ты этот вопрос ставишь верно! Теперь ты на него должен ответить! Это главное!

— То-то и оно. Кирпич не изображает никакой преграды. Наглядности нет. Вроде бы и не пиктограмма. Но какой смысл у этого знака?

— Ясно какой. Ррраз! — и торможу!

— Ну, а слово-то, слово какое?

— Гм… Какое же слово?

— Либо «Стой!» Либо «Ехать нельзя!» Либо «Проезд закрыт». Либо «Не въезжать!» Либо «Стоп!»

— Во-от! Во-от! Видишь, как это просто! Напрасно ты тут затруднялся. Стоило тебя чуть-чуть пошевелить, и ты сразу понял!

— Ну, а все-таки? Пиктограмма или нет? Так посмотришь — да. Этак посмотришь — нет. Вот и реши!

— Именно! Это надо решить. Вопрос нельзя оставлять нерешенным. Теперь решай.

— Я думаю, важнее второй признак: со словом не связано. Наглядный знак или нет — не так важно.

— Ты это должен обосновать. Может быть, ты и прав. Но докажи!

— Все дело в том, Иван Семеныч, что не наглядные, не

изобразительные знаки есть во всяком письме. И в пиктограмме тоже! Вот посмотри — собака изображена черточкой. Непохоже на собаку…

Полупшённый взял рисунок в руки и с подозрением уставился на него, изредка посматривая на меня.

— Неизобразительность знаков, хотя бы немногих, отличает письмо — всякое! — от рисунка… И, значит, не может быть отличием одного вида письма от другого.

— Ты говоришь как-то длинно. В голове плохо укладывается.

— Вот пиктограмма: есть знаки-нерисунки. Мало, но есть. Вот иероглифы: есть знаки-нерисунки. Отличаются они этим?

— Этим — нет. А тем?

— Пиктограмма: нет единого чтения. Можно разными словами прочесть… А вот строчка иероглифов: читаются одним образом, кто ни станет читать, — слова одни и те же. Вот в чем разница! Каждый знак связан со словом (или словосочетанием).

— Наконец ты разобрался. А то ведь, сознайся, просто растерялся. Тебя надо поддерживать, направлять — и тогда ты быстро начинаешь понимать… Ну, я пошел.

— Спасибо, Иван Семеныч.

Буква «Ты»

У писателя Леонида Пантелеева есть рассказ «Буква «Ты». Девочка Иринушка учится читать.

«Я, как всегда, показал ей букву, дал ей как следует ее рассмотреть и сказал:

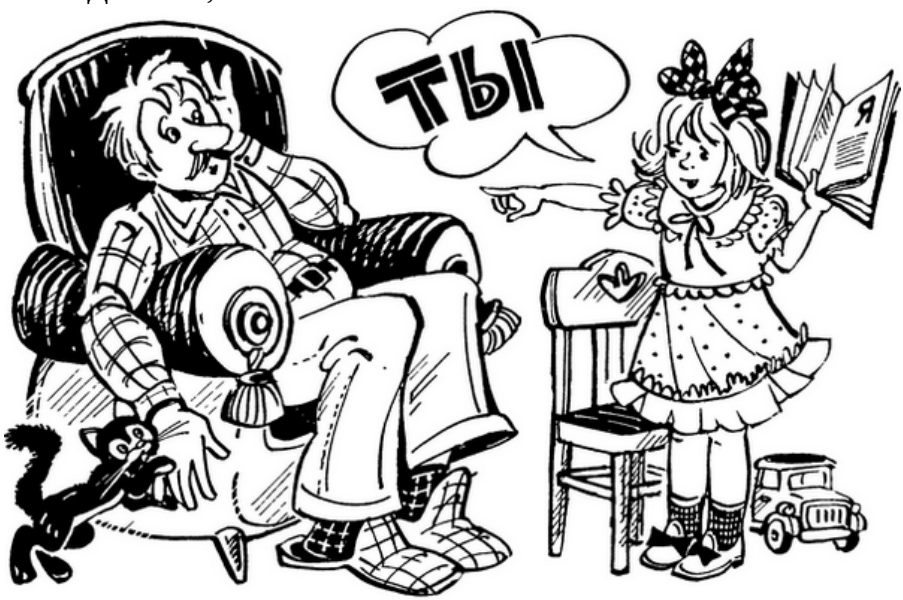
— А это вот, Иринушка, буква «я».

— Ты?

— Почему «ты»? Я же сказал тебе: это буква «я».

— Буква ты?

— Да не ты, а «я».



Она еще больше удивилась и говорит:

— Я и говорю: ты…»

Как ни бился рассказчик этой истории, не смог объяснить, что это за буква. Села после девочка книжку читать. Она «бегло, не переводя дыхания прочла:

— Тыкову дали тыблоко.

От удивления я даже на стуле подскочил:

— Что такое? Какому тыкову? Какое тыблоко?..

Посмотрел в букварь, а там черным по белому написано:

«Якову дали яблоко». Вам смешно? Я тоже, конечно, посмеялся. А потом говорю:

— Яблоко, Иринушка! Яблоко, а не тыблоко!

Она удивилась и говорит:

— Яблоко? Так, значит, это буква «я»?

Я уже хотел сказать: Ну, конечно, «я»! А потом спохватился и

сказал:

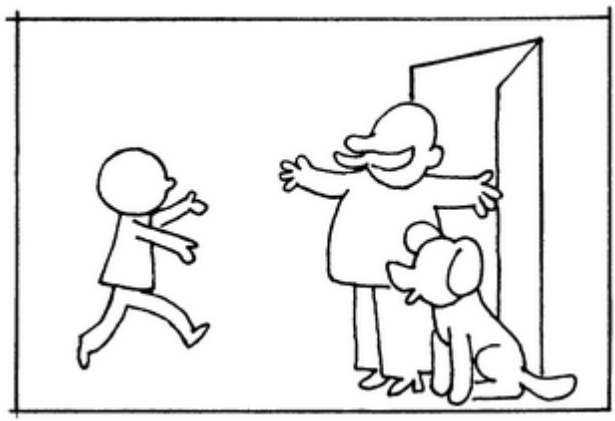
— Да, правильно. Это буква «ты».».

Иринушка имела резон

Почему Иринушка, девочка догадливая и умница, с таким трудом одолевала букву «я»?

Я захотел нарисовать пиктограмму. О том, как Митя шел ко мне в гости. На пиктограмме я и себя показал — усатого, толстого.

Вот моя пиктограмма:



— А это кто? — спрашивают у меня, указывая на последнюю картинку.

— Я!

— Ты?

Знак пиктограммы может (и даже должен) читаться так: если один говорит: этот знак — я, то другой должен его прочесть: это знак — ты. Пиктограмма не связана со словом «я», не связана со словом «ты», а связана с самим предметом или лицом.

Девочка к букве подошла так, будто это пиктограмма. Как будто буква «я», минуя язык, обращена прямо к действительности: для нее «я» обозначает конкретное лицо. Вот этого дядю.

Ученые говорят: в онтогенезе повторяется филогенез. То есть каждый человек проходит в своем развитии те ступени, которые прошло все человечество (или даже все живые существа). В истории каждого человека повторяются, хотя и очень изменчиво, история рода человеческого.

Пиктография, иероглифика, буквенное письмо — три ступени в развитии письма, в развитии культуры. Может быть, в жизни человека, в его детстве, есть такое время, когда ему ближе пиктография, чем мир букв? Не потому ли девочка, умница, внимательная и усердная, букву приняла за иероглиф?

(Вы, пожалуй, скажете: пиктография — это письмо картинками. А разве «я» — картинка? Отвечаю: пиктография

включает и некоторые некартинки, условные знаки. Об этом говорилось. Главное в пиктографии — то, что она прямо обращена к миру, минуя язык.)

Иероглифы

А то еще есть иероглифы. В древнем Египте была иероглифическая письменность, вот такая:

В Китае и до наших дней пишут иероглифами. Вот так:

这是我们的教室。我们的教室很大

Каждый иероглиф передает слово или часть слова. Это письмо уже связано с языком: слова в разных языках разные. Не зная китайского языка, китайские иероглифы не прочтешь.

Свои родные…

У нас тоже есть иероглифы. Ну-ка, прочтите: *1, 2, 3, 4, 5, 6*… Каждый прочтет так: *один, два, три, четыре, пять, шесть*… Знак «6» читается: *шесть*, и только так. Он соответствует слову *шесть*. Никто, видя 6, не прочтет: *три плюс три*, или *шестерюшка, шестерога, шестишечка*. Знак «6» соответствует одному-единственному слову[2].

Это иероглиф.

Цифры отличаются от других иероглифов тем, что они интернациональны. Русский, видя «6», скажет: *шесть*, англичанин — *six* [сыкс], немец — *sechs* [зекс], но смысл этих слов один. В каждом языке знаку «6» отвечает одно слово, четко закрепленное за этим знаком. (Вы помните: пиктограмму можно раскрасить разными словами.) Но сами-то цифры — конфигурации, линии — во многих языках одни и те же.

Это редкий случай иероглифов-интернационализмов.

Попробуйте без цифр

Даны два числа: пять тысяч девятьсот тридцать семь и шестьсот восемьдесят девять. Сложите их, но не употребляйте цифр! И не только писать их нельзя, — и в уме не представляйте их написанными! Сложите, представляя их в буквенном облике…

Думаю, вам это не удастся. Чтобы сложить два числа (тем более — умножить или разделить), нам необходима цифра. Реально написанная или «написанная» в уме.

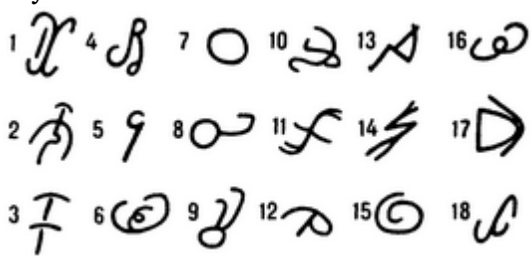
Очевидно, для обозначения чисел на письме цифра, т. е. иероглиф — основной знак, она здесь главнее буквы.

Творец иероглифов

Цифры (так называемые «арабские») пришли к нам давно. Изобретены они много веков назад. А сейчас создаются где-нибудь новые иероглифы? Ну, не сейчас, а вообще — в наше время? В XX веке?

В двадцатые годы нашего века чукотский пастух Теневиль изобрел иероглифическое письмо. До этого чукчи вообще не знали письменности. Теневиль был гениальный изобретатель: он догадался — сам, без подсказки со стороны, не зная о других письменностях, что можно слово обозначить линией, знаком; летучее, животрепещущее, неуловимое слово — поймать, пригвоздить, заставить жить долго… с помощью кривых линий.

Иероглифы у Теневиля были такие.



Они обозначают: 1. Отец. 2. Мать. 3. Сын. 4. Маленький. Тайный. 6. Вороватый. 7. Я. 8. Мой. 9. Наш. 10. Еда. 11. Бояться. 12. Сделал. 13. Действительно. 14. Вверх. 15. Теперь. 16. Еще нет. 17. Нет. 18. После того.

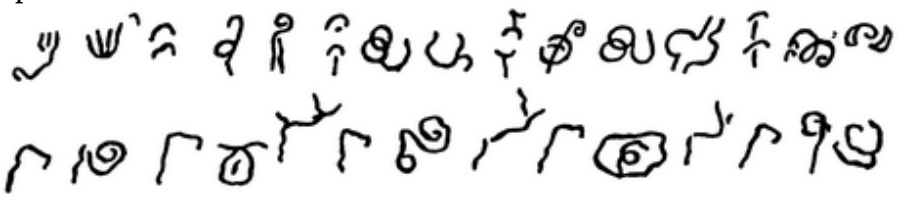
Некоторые иероглифы похожи на рисунки; они близки к пиктограммам. Такое начертание имеют знаки, предназначенные для понятий: тарелка, стакан, чайник, блюдце, банка с керосином или жиром. «По-видимому, по отношению к этим чужим малознакомым предметам мышление Теневиля оказалось не в силах подняться до условных начертаний, и он ограничился просто пиктографическим изображением»[3].

Однако письмо Теневиля — иероглифическое, не пиктограмма: каждому знаку соответствует слово; иногда — два слова, но все равно эта связь закреплена, постоянна, ее не надо угадывать — ее надо знать. (Пиктография часто требует, чтобы ее знаки угадывали и обозначали словами по своему выбору.) И большинство знаков у Теневиля — не картинки, а условные кренделя.

Сохранились записи-таблицы Теневиля. «Таблицы написаны на узких деревянных дощечках по обеим сторонам. Некоторые из этих дощечек, по-видимому, сняты с товарного ящика. На них

остались следы гвоздей. Надписи отчасти выцарапаны железным острием, тоже, должно быть, гвоздем, а отчасти написаны химическим карандашом».

Вот одна из этих табличек; внизу — расшифровка второй строки.



«Один человек хороший, другой — плохой, один мастеровитый человек, другой — вороватый, тайно ест» (у чукчей даже во время голода есть в одиночку считалось позорным, признаком дурного человека).

Какой же был великий мудрец Теневиль!

Но время иероглифов ушло. Изобретение Теневиля не пригодилось: в начале 30-х годов была создана чукотская буквенная письменность.

«И др.»

В нашей жизни иероглифика не занимает заметного места. И нового подъема она, в отличие от пиктографии, не пережила. И все-таки скромное место у нее есть.

Написано: «Помогают ему брат, сестра и др.». Что это значит? Тот, кто никогда не встречал такого «и др.», может по-разному его понять. «И друзья»? «И дрыгают ногами»? «И драгоценная его супруга»? Нет, значок «и др.» всегда обозначает «и другие». Да, «др.» — это единый, целостный значок: не бывает «др.» без начального «и». «Это сделают др.» — так никто не пишет, такая запись непонятна. «И др.» выступает как целостный иероглиф: такой значок всегда соответствует словам «и другие», а раз он связан с определенным словом, то он — иероглиф.

У замечательного советского поэта Б. Пастернака в одном из произведений сказано:

> Суконщики, С. Я., то есть
> сыновья суконщиков
> (Форточки наглухо,
> конторщики в отлучке)…

Описывается старая, дореволюционная Москва. Московские улицы. На этих улицах были обычно такие вывески (их-то и вспомнил поэт).

Сокращение «С-я», или «С^{я}», или просто «СЯ» значило: «Такой-то фабрикант и его сыновья». Тоже иероглиф[4].

Две ступеньки. Где третья?

Пиктография не имеет непосредственной связи с языком. А язык — главное средство общения. И думаем мы с помощью языка. Тонкость мысли пиктограммой не передашь. И для точного сообщения о чем-нибудь новом, неизвестном пиктограмма не годится.

Иероглифическая письменность ближе к языку. Иероглиф соответствует слову. (Иногда — части слова.) Но и такое письмо не позволяет передать язык во всей его полноте, во всех его тонкостях. Для разных синонимов придумывать разные иероглифы? Очень уж громоздкая будет система письма.

Так оно и есть: иероглифика либо очень громоздка (китайское письмо), либо «толста», не берет всех тонкостей, на которые способен язык.

Нужна третья ступень. Буквенная. То есть такая, где знак (буква) соответствует звуку. (Потом мы точнее определим, чему соответствует буква, а сейчас хорошо именно такое определение.)

Буквенное письмо было изобретено в седой древности финикийцами, и, пройдя через века и народы, оно пришло к славянам — сначала к западным и южным, а потом к нам, восточным славянам. Об этом долгом пути буквенного письма нужна особая книжка, а сейчас мы говорим о нашем современном письме.

Буквенное письмо у нас господствует. Следы пиктографии и иероглифики в нашей современности нам пришлось отыскивать, а буквенное письмо искать не надо: это — океан. Мы живем в волнах этого океана.

Что может буква

Все знают слово *певец*. А у Маяковского — неологизм *певун*.

Представим себе, что у нас иероглифическая письменность… Для слова *певец* есть иероглиф (может быть, знак «петь», а перед ним — определитель, «детерминатив»; он указывает, что речь идет о человеке).

Но нам нужно передать не общеизвестное слово *певец*, а новое, созданное поэтом: *певун*. Как быть? Иероглифа для слова *певун* нет. Подождать, пока оно войдет в язык, станет обычным, и тогда для него «приготовят» иероглиф? А оно никогда не войдет в язык, то есть не станет общеупотребительным. Не для того оно придумано Маяковским. Оно — навсегда новое слово, то есть навсегда удивительное, необычное, праздничное, а не будничное.

Не ждать, пока появится для него, для этого неологизма, иероглиф, а самим его придумать? Мы-то придумаем, да никто его знать не будет. Не бегать же по всем знакомым и незнакомым, разъясняя: вот — видите? — это иероглиф обозначает певун…

(Полупшённый: «А пусть не придумывает! Еще чего! Напридумывают слов, а мы их употребляй!»)

Один из героев И. С. Тургенева говорил *принсипы* вместо *принципы*. У А. Н. Островского лакей произносит *сумлеваюсь*. Герой современного фельетона, невежда с притязанием на образованность, употребляет слово *аксепт* вместо *аспект*. Все это нужно для характеристики героев. Как это передать на письме? Буквами легко, а иероглифами — трудно или нельзя.

Выходит, с помощью букв мы можем передать все богатство языка: и необычные слова, и стилистические особенности произношения, и всякие языковые новшества — на это иероглифов не напасешься. А буква легко берет самые неожиданные, нетрадиционные, необычные слова.

Буква — слуга звука?

Как будто ясно

Что же передает буква? Например — *д*? или *о*? или *м*? Как будто ясно: звук она передает.

Вот слово *дом*.

Звук [д] — и буква Д.

Звук [о] — и буква О.

Звук [м] — и буква М.

(В квадратных скобках у нас будут обозначения звуков; так легче отличить их от букв. Если написано [о], в квадратных скобках — это не буква О, в виде баранки, а звук, который произносится с округленными губами.)

Нет, не ясно

Итак, буква — передатчик звука. Решено. Например:

домой

Снова начнем: буква Д — и звук [д].

Буква О — и звук … Какой же звук? Послушайте. Ведь [а] произносится! Звуки вот какие: [дамо́й]. Буква О передает звук… [а]!

Или так:

нос — носы

А звуки-то: [нос] — [насы́]. Буква О, а звук: то он [о], а то, как ни кинь, [а]!

Этого мало. Произнесем: *Уроки заданы на дом. Он меня водит за нос.* Ударение здесь падает на предлог: *на́ дом, за́ нос*.

А что произносится на месте буквы О? Странный какой-то звук. И на [а] непохож, и на [о] непохож. Явно не [о]. И кажется, что не [а] … Какой же он?

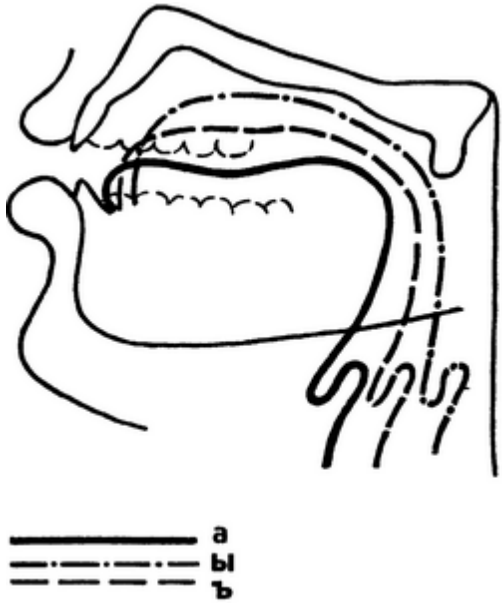
Языковеды говорят: может быть так, что звук мы хорошо, легко произносим, но сказать, какой он, не можем. Так бывает, если этот звук мы не привыкли произносить отдельно. Давайте поучимся наш таинственный звук в словах на дом, зй нос произносить отдельно.

Произнесите: [а] … Тяните, тяните его. Теперь произнесите [ы]. Тоже протяжно. Запоминайте мускульным чувством положение языка. Медленно пройзносите, переходя от [а] к [ы]:

— [а] … [ы] … [а] … [ы] …

Несколько раз.

Теперь самое главное: отправляйтесь от [а] к [ы] и остановите язык посредине пути! На равном расстоянии от [а] и от [ы]! А гласный произносите! Слышите, какой звук? Тот, который между [а] и [ы]? На полдороге? Это он и есть! Искомый звук.



Мы его искали — и нашли. В фонетике его обычно передают знаком [ъ]. В этом случае он уже не «твердый знак», а знак гласного… Какого? Того самого: на полпути от [а] к [ы]. Гласного [ъ].

Нехорошее междометие

Тот самый гласный, который вы научились произносить отдельно (а в составе слов произносили его каждый день множество раз), всегда бывает безударным. Это делает его особенно неуловимым, трудноузнаваемым: безударные гласные кратки, изменчивы, умеют хитро скрываться от наблюдения.

Хоть бы разок его послушать под ударением! Один разок, пожалуй, можно. Есть одно плохое междометие. Рассердится один человек на другого, да как крикнет: «Ах, чтоб тебя!..» А иной еще в сердцах добавит: «Ах, чтоб тебя разорвало!» Кричать-то незачем. Как будто криком делу поможешь… Но нам нужно послушать, как произносится это междометие. Поэтому давайте его разок прокричим.

Вот как произносится оно: Ах, [штъ́п] *тебя!* (Конечно, вы смогли верно его произнести, если слышали его. Тогда можете наблюдать свое произношение и делать выводы.) Под ударением — [ъ] произносится. Только в одном этом слове. Здесь наш неуловимый гласный легко расслышать.

Познакомились

А теперь слушайте такие слова (сами их произносите и слушайте): *подбежал… хорошо… тосковать… золотой… колбаса… крокодил… докажи… возвратясь… пропустил…*

Замечаете? Во всех этих словах в первом слоге произносится гласный [ъ]: *п*[ъ]*дбежа́л, х*[ъ]*рошо́*. Вы его должны узнать. Вы с ним теперь познакомились. Вы и раньше с ним все время имели дело: он — один из самых частых звуков в русской речи. Но вам его не представили. И вы с ним знакомы не были.

А теперь — замечаете, что он тот же самый, что в междометии [штъп]. И тот, который вы нашли, двигаясь из пункта [а] в пункт [ы].

Значит, буква О передает звуки [о], [а], [ъ] … и еще другие, о которых мы не говорили.

Многоликий согласный

Или вот буква С. Иногда она передает звук [с]: *сколотить, сколочу*. А иногда — [з]: *сгладить, сглажу*. Теперь послушайте: здесь. Какой согласный в начале? Вы думаете — [з]? Послушайте внимательнее. Мягкий согласный [зь] — именно он шествует в начале этого слова! Еще: понаблюдайте, какой согласный у слова *сжать* самый первый. Только произносите просто, естественно, как обычно его произносите. Наверное, вы смогли заметить, что здесь первый согласный — [ж]. Произносится: [жжатьь]. Именно так.

Если постараться

Один читатель, шустрый, расторопный, дотошный, мне и говорит:

— Еще чего придумали — [жжатьʲ]! Я вам вот как произнесу: [сжатьʲ]. У меня в самом начале — [с]. Слушайте…

И он с усердием произносит: с! жать!

Произнести, конечно, можно. Если постараться. Искусственно. Следя, чтобы непременно был [с]. Но у нас-то речь о другом: не о том, как можно со старанием исказить русское слово, а о том, что произносится обычно в речи культурных людей.

В обычной речи, когда не хотят «доказать», что буква равна звуку, а просто говорят, произносится: [жжатьʲ] или [жа̄тьʲ] (записано по-разному, но звуки обозначены те же). Так все и говорят — если не кривляются, стараясь произнести почуднее или по какой-либо другой причине.

А мой знакомый, Иван Семенович Полупшённый, кричит (я ему дал прочесть то, что сейчас написал).

— Это безобразие! Кто смеет произносить не по буквам? Не допущу! Буду считать невыполнением буквы!

Ну, Полупшённый — известный буквоед. Что ему законы русского языка, правила произношения? Он их и знать не хочет. Он ото всего загородился своим самодовольством.

Пусть покричит. Толку от его крика никакого нет, но и вреда большого нет.

Точно следуя за звуком

Ученые-лингвисты любят фонетическую транскрипцию — точную запись того, что произносится. Счастливый — обычное наше письмо, [шъисьлъи́вый] — его фонетическая транскрипция. В транскрипции не буквы, а транскрипционные знаки. Хотя они очертаниями и похожи на буквы, все-таки они не буквы: их дело — быть точнейшими передатчиками звучания, а буквы такого назначения не имеют.

Посмотрите на транскрипцию, составленную известным лингвистом Василием Алексеевичем Богородицким:

ос'ичæка

jæ$_{\text{ɤ}}$*ъ*$_{\text{д}}$*ызвошчик с'єм'он склад'*$_{\text{jу}}$ *глухойдâро*$_{\text{гъj}}$ *пâгол*$_{\text{му}}$ *ров*$_{\text{н}}$*ъ*$_{\text{му}}$ *с'тæпномм'æс*$_{\text{ту}}$ *б'ædан'*$_{\text{з}}^{\text{и}}$*пол*$_{\text{д'ит}}$*ъсухо*$_{\text{д'ит}}$ *анajд'отб'æда* $_{\text{р}}$*ъ*$_{\text{с}}$*твâр'ajв*$_{\text{}}$*ъ*$_{\text{}}$*рâта такâдноз*$_{\text{}}$*ъдруг'им* *нътєб'ajивал'*$_{\text{цаз}}$*ъдым'и*$_{\text{лъс'у}}$*jизвошчькаос'ад'єррєв'*$_{\text{н'идъл'}}$*æкокакн'jб'ил*$_{\text{}}$*с'єр'-д'єчнъj штон'ид'æл н'æт н'ичæм*$_{\text{н'ъ}}$*уjм'от клат'т'*$_{\text{ж}}$*жолъjаакак*$_{\text{у}}$*жæрас* *зъгâр'æл*$_{\text{с}}$*ъос' то*$_{\text{}}$*из'в'æс*$_{\text{на}}$ *хат'брос'*

Транскрибирован такой текст (начало сказки В. И. Даля «Ось и чека»): «Ехал извозчик Семен с кладью глухой дорогой, по голому ровному степному месту. Беда не по лесу ходит; а найдет беда, растворяй ворота, так одно за другим на тебя и валится. Задымилась у извозчика ось, а до деревни далеко. Как ни бился, сердечный, что ни делал — нет, ничем не уймет; кладь тяжелая, а как уж раз загорелась ось, то, известно, хоть брось…»

Здесь каждое различие в знаках передает определенное различие в произношении. Например, слабое произношение звуков передано мелким шрифтом, если слог дан жирным шрифтом, он особенно сильный, паузы между словами выражены большими или меньшими промежутками — смотря по длительности — и т. д.

Если речь бытовая, бегло-небрежная, ее особенно трудно транскрибировать. Вот эта речь (четные строки — орфографическая «разгадка» транскрипции):

выр'ӣшы́л'йс'ъо́д'н'итивбал'шо́и// ид'и́т'ъкт'ъа́т
вы решили сегодня идти в Большой// Идите к теат-
ру/ выъб'иза́т'нъ пъпад'о́т'и// а́б'иза́т'ьл'нъ кто́
ру/ вы обязательно попадёте// О-бя-зательно кто-
н'ибъ́т'н'ипр'ид'от/ ъстайу́ъб'ил'э́ты́//
нибудь не придёт/ остаются билеты//

Как видно, транскрипция очень далека от нашего письма. А

письмо, значит, далеко от транскрипции, от того, чтобы передавать произношение.

Однако это все очень точные транскрипции. А если взять неточную? Самую простую? Даже примитивную? Посмотрим, не совпадет ли она с нашим письмом.

Много ли?

Может быть, все-таки звук и буква большей частью совпадают, а не совпадают только изредка. Может быть, буква о обычно передает звук [о] и только изредка — другие звуки. Тогда ничего, терпимо. Все-таки можно считать, что буква — передатчица звука, а если с ней изредка и случится такая оплошность — не свой звук обозначила — можно ей и простить. Кто не ошибается!

Чтобы это проверить, возьмем какой-нибудь сплошной текст и посмотрим, много ли несовпадений. Пушкина возьмем:

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».

[как-услы́шълъ царьъ атьэ́ц,
што-дань о́с йиму́ ганьэ́ц,
в гньэ́вьи на́чьил-он чьудьэ́сьитьь
и-ганца́ хатьэ́л павьэ́сьитьь;
но-сьмьихчьи́фшысь на-сьэй-ра́с,
дал ганцу́ тако́й прьика́с:
жда́тьь царьо́ва възвращэ́ньйа
длъ-зако́ннъва рьишэ́ньйа]

Видно, что несовпадений много. Буква О передает звук [о] 6 раз, и 10 раз — какоц-нибудь звук «не [о]» (либо [а], либо [ъ]). Нет, не изредка буква передает «не свою» букву. Посмотрите на транскрипцию: таких случаев полным-полно.

Поставим мысленный опыт

Когда говорят: буква передает звук, то предполагается, что одна буква передает один звук. Оказалось — не так. Что ж, разве нельзя считать, что одна буква передает разные звуки?

Может быть, это ничего? Пусть буква показывает звуки, хотя бы разные.

Поставим мысленный опыт.

Предположим, у нас есть три буквы:

□ может обозначать *т, д, с*.

∨ — *о* или *а*.

* — *м* или *н*.

Тогда сочетание □∨* можно прочитать на много разных ладов: *том — дом — сом — там — дам — сам — тон — дон — сон — дан — сан* … Почему это сочетание можно прочитать как *тон*? По условию задачи. Буква □ передает *т*? Передает. А буква ∨ передает *о*? Сказано в условиях задачи (то есть нашего эксперимента), что передает. Буква * годится для обозначения *н*? Годится, смотрите условие. Итак, □∨* — это *тон*. Но на тех же основаниях, то есть по условиям задачи, сочетание □∨* — это *сам*. И еще много других слов.

Да, если каждая буква станет передатчиком нескольких звуков, то, пожалуй, хорошего письма не получится. Мы-то предположили (в нашем мысленном опыте) — всего по два, по три звука стоит за каждой буквой, а на самом деле их гораздо больше. Например, буква С имеет 8 звуковых соответствий.

Что-то не так

Мы как-то запутались. Буквы у нас передают звуки. Каждая буква — по нескольку разных звуков. И письмо у нас неплохое, понятное. Но если каждая буква передает несколько звуков, то понятного письма быть не может. Мы только что в этом убедились.

В нашем рассуждении где-то ошибка. А где?

Мы неверно предположили, что буква передает звук. Нет, не звук.

Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1768)

Услышав фамилию Тредиаковский, многие начинают смеяться. И вспоминают плохие стишки, будто бы написанные Тредиаковским.

У него и в самом деле есть плохие стихи, но и есть и удачные. Пушкин называл прекрасными такие строчки:

Корабль Одисеев,
Бегом волны деля, из глаз ушел и сокрылся…

Верно ведь: стихи плавные и сильные, они хорошо рисуют бег корабля по могучему морю.

Но главным делом всей жизни Тредиаковского была филология, учение о человеческом слове. «Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны», — писал Пушкин.

Он открыл законы русского стихосложения. После этого открытия поэты стали писать хореем и ямбом — теми размерами, которыми пишут и сейчас. И другое было у него большое дело: он много думал о законах русского языка. И написал замечательную книгу: «Разговор о русской ортографии» (то есть об орфографии), 1748 год. Это — первое глубокое, многогранное исследование о русском письме. Книга большая, в ней 300 с лишним страниц.

Тредиаковский боялся, что читатель не одолеет научную книгу: не было еще привычки у людей читать длинные исследования. И он построил свой «Разговор» в виде диалога. Спорят, соглашаются, дополняют и опровергают друг друга два человека — Россиянин и Чужестранец. Речь Россиянина особенно жива, полна шуток, взволнованна, убедительна, — видно, что для Россиянина достоинства русского письма не постороннее дело. Так же как и для автора книги.

Тредиаковский так объясняет, почему он об орфографии пишет шутливо, забавно, образно: он хочет смягчить «мрачность материи»… В глазах читателя XVIII века теория письма была «мрачной материей», скучным предметом. И Тредиаковский идет навстречу читателю — развлекает его и учит размышлять над филологическими вопросами.

Тредиаковский был сторонником — горячим, упорным сторонником — письма «по звонам», то есть по звукам. Как произносят— так и надо писать. Он предвидит возражения: есть много омонимов, они звучат одинаково, а значат разное. Что же, и их писать одинаково? Тогда слова *плот* и *плод, молот* и *молод, рот* и *род* и многие другие придется писать одинаково. Нехорошо!

Тредиаковский возражает: по окружению, по контексту всегда будет ясно, какое слово употреблено. «Так, не имеет, кажется, быть никакого замешания в содержании, когда напишется слово *плод* по звону (то есть по звучанию): *Плот*, который в моем саду вырос сего лета, я сам оный и съел; *Плот* бревен сплавлен рекою».

Находчиво, изобретательно доказывал Тредиаковский: лучше всего писать «по звонам». Многое придется ломать в русском письме? Тредиаковского это не смущало.

И все-таки не смог он доказать, что писать по звукам хорошо. Для русского языка это и невозможно доказать. Но, рассуждая о письме, Тредиаковский сделал ценные наблюдения, прояснил много неясностей — достойно начал созидание теории русского письма.

Буква — слуга морфемы?

Прикинем

Итак, мы было подумали, что буква означает звук. Но рассудили, прикинули так и этак — не получилось. Зачем же нужны буквы? Чему они служат?

Отвечают: нужны, чтобы передавать морфемы. Единица, которую оберегают и передают наши буквы, — это морфема.

Морфема… Надо снова прикинуть: она ли героиня нашего письма? Но сначала разузнать бы, что такое морфема.

Если в обеих руках чемоданы

Морфемы… Это что-нибудь сложное? Нет, скорее простое.

…Изобрели особый прибор: шляпоприподниматель. Вы идете по улице, в обеих руках чемоданы, а навстречу — знакомый. Вы киваете ему головой, а шляпоприподниматель вежливо снимает с вас шляпу, приветливо приподнимает ее и потом снова нахлобучивает на вашу голову. Кивок приводит в действие механизм шляпоприподнимателя. В журналах были об этом известия, может быть в шутку.

Я уверен, что, прочитав слово *шляпоприподниматель*, вы его поняли. Почему? Вы знаете слова *выключатель, взрыватель, усилитель, звукоулавливатель, картофелесажатель, громкоговоритель*… Они обозначают прибор; и у всех есть часть *-тель*. Значит, *-тель* сообщает нам: этим словом назван прибор.

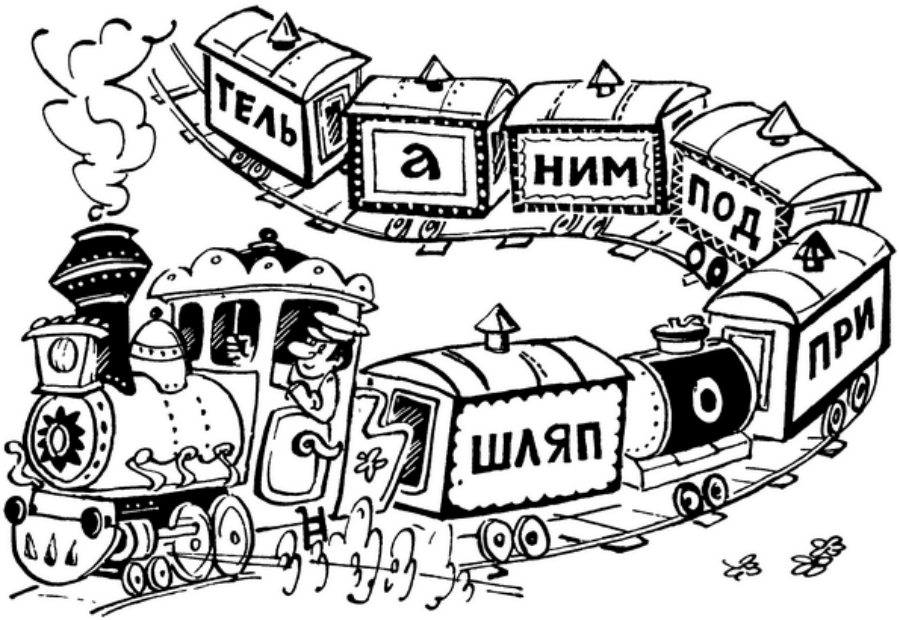
Если *-тель* значит «прибор», то, выходит, *-тель* — значимая часть слова. Значимая часть слова называется морфема.

Морфемы бывают такие; корни, приставки, суффиксы (*-тель* — как раз суффикс), окончания… В слове *шляпоприподниматель* такие части: *шляп-о-при-под-ним-а-тель*. Корень *-ним-*. Он имеет значение? Сравним: *с-ним-а-ть, под-ним-а-*

ть; -ним- обозначает физическое действие. Какое — это уточняет приставка[5].

Слово похоже на поезд:

шляп-о-при-под-ним-а-тель



Каждая часть — особый вагон. Он может быть прицеплен к другому поезду: вот так:

-ним-: с-ним-а-ть,

шляп-: шляп-а, шляп-к-а,

при-: при-встать,

под-: под-брас-ыва-ть,

-тель: анти-об-лед-ен-и-тель.

(Поняли, что значит это слово? По составным частям, по морфемам, можно понять.)

Все значимые части на рисунке — вагоны, а почему *-о-* соединительное в слове *шляпоприподниматель* — цистерна? Не вагон с окошками? Потому что это не морфема. Кроме морфем, в слове есть интерфиксы, «междуморфемия». Они служат для соединения морфем, но сами значения не имеют. Вот мы их и рисуем по-другому.

Итак, на скорую руку разобрались. Знаем, что такое морфема. Оказалось, понять нетрудно.

Звукам в морфеме привольно

Посмотрим, как ведут себя звуки внутри морфемы. Сравним:
водный [во́дный],
вода [вода́],
водовоз [въдаво́с],
заводь [за́въть],
вод [вот] (род. п. мн. ч.)

Морфема — одна и та же. Звуки — разные. В одной и той же морфеме они меняются, как только им угодно. Корень один, а звуки? То [вод], то [вад], то [въд], то [вть]. Морфема не стесняет звуков, позволяет им своевольничать — меняться то так, то этак. Что ж, так и обозначать на письме все эти разные звуки? Тогда будет трудно сообразить, что [за́вть], [во́дный] и [вода́] — однокоренные слова, трудно вникнуть в их смысл.

Мы пишем, чтобы смысл передать. А мельчайшая смысловая часть — морфема. Ее и надо сохранить в неприкосновенности, что бы там звуки ни вытворяли!

Посмотрите на слова с корнем *-вод-*. Звуки разные, а буквы-то одни и те же: *вод*! Буквы берегут единство морфемы.

Так вот что передает наше письмо: морфемы — как значимые части слов! Письмо сохраняет в неприкосновенности их облик в разных словах. Поэтому позволяет быстро их узнавать — и поэтому позволяет быстро узнавать слова. Слова — из морфем.

Конечно, буква все-таки передает звук, но за эту работу с нее спрашивают нестрого. Буква не обязана точно обозначать звук: можно немножко приврать. Звук обозначается с такой только строгостью, чтобы сохранить неизменным облик морфем.

(Надо помнить, что мы ни к какому окончательному выводу не пришли; мы только ищем: что же обозначается с помощью букв. Оказалось — не звуки. Теперь проверяем другую догадку: не морфемы ли мы обозначаем? Не их ли обслуживают буквы?)

ВОТ
ВАД
ВОД

Для всех морфема или не для всех?

Морфемы… Состав слова…

В школе слова разбирают по составу.

Ученым-языковедам бывает нужно узнать, какой состав слова и в современных языках, и в древних.

А в естественной жизни языка, когда мы говорим или пишем что-нибудь свое, — для нас-то, для нелингвистов, морфемы разве существуют? Не выдумка ли они, нужная только для всяких ученых затей? Обыкновенные люди, когда говорят, они-то и не думают о морфемах.

Вспомним: мы хотели узнать, как устроено наше письмо. А устроено оно так или иначе, действует, живет — не для одних только ученых: пишут-то все. И его устройство может ли покоиться на ученой выдумке — на каких-то морфемах?

Она для всех

Нет, морфема — не ученая выдумка. Всякий человек знает морфему, даже тот, кто не учился в школе или давно забыл все школьные знания. Знают и любят ее, да!

Язык все время пополняется новыми словами. Посмотрите, вот новинки в нашем языке — они вошли в употребление всего 10–15 лет назад[6].

Меховушка. Меховая одежда, например шапка (— *Как тебе меховушка, подошла? — Как раз!*).

Ополаскиватель. Приспособление для ополаскивания стаканов (*У буфета визг: испортился ополаскиватель стаканов, брызги попадают в людей*).

Подзапоздать. Немного запоздать. Сравнить: *подзабыть, подзакусить, подзаправиться, подзаработать*.

Молокопровод. Труба, по которой течет молоко (*Молоко теперь от фермы пойдет прямо по молокопроводу на молокозавод*).

Полярка. Зимовка в Арктике или в Антарктике (*Полярка 1965 года была особенно трудной*).

Отфутболить. Отослать к другому лицу (*Заявление взял и, ничего не сделав, отфутболил в другой отдел*).

Нержавейка. Нержавеющая сталь.

Обездвижить (в профессиональной речи). Лишить возможности двигаться (*В медведей стреляли ампулами, чтобы на 10–15 минут обездвижить этих серьезных зверей*).

Пропылесосить. Обработать пылесосом (*Номер в гостинице убрали, пропылесосили*).

Окномойка. Машина для мытья окон (*Прилежно долизывают стекла резиновые языки окномоек*).

Из многих сотен слов, которые вошли за последние 20 лет в русский язык, здесь взяты единицы. (Может быть, некоторые из них живут в языке давно, но не были замечены словарями; а другие еще не совсем вошли, раздумывают: войти или нет? Но сейчас не это важно.)

Важно другое. И по этим единицам можно понять, как делаются новые слова. По образцу других!

Есть слово *водопровод*. А тут новое — *молокопровод*. Старый образец, но в него вбежала новая (для этого образца) морфема: *молок-*.

Есть слова: *непроливайка* (чернильница, из которой не проливаются чернила), *впайка, вклейка, жнейка, выкройка, пристройка*.

С одной стороны:

непроливайка
впайка
вклейка
жнейка
выкройка
пристройка
С другой стороны:
не проливать
впаять (то есть *впай-ать*)
вклеить
жать, жну
выкроить
пристроить

Взять основу глагола и добавить суффикс *-к-* (или *-йк-*) — вот как созданы эти слова. Так же образовано новое слово *нержавейка*. И образец старый, и морфемы старые — и только их объединение по образцу — ново, небывало.

Значит, морфемы находят в старых словах, и из них делают новые слова. Кто делает? Ученые? Нет, просто те, кто владеет русским языком. А если морфемы выбирают из старых слов, вынимают их оттуда, то, выходит, признают, чувствуют их смысловую отдельность.

Видно, морфемы — не выдумка ученых, а единица, с которой считаются все говорящие. Ведь кто-то слово придумал, но все его поняли, — значит, все так же выделяют морфемы, как придумыватель.

Слово ученого

Слово морфема сравнительно недавно вошло в научный обиход. Одним из первых его стал использовать и умно применять в исследованиях Василий Алексеевич Богородицкий (1857–1941). Он спорил с теми, кто считал, что морфемы — искусственная выдумка, что они есть в уме языковедов, а другим они ни к чему. Нет, доказывал он, морфемы — реальность самого языка, и каждый с ними считается и держит их в уме. Он писал:

«Вновь создающиеся слова … являются с частями, морфологически имеющимися в языке; такое появление раньше не употреблявшихся соединений морфологических частей, такая подвижность морфем доказывает действительное существование их в языке. Примеры:

Сочувственник. «Эх, ты, сочувственник, — брякнул Шубин и сам засмеялся новоизобретенному слову». (Тургенев. «Накануне».)

Расхачивать. «Я начал уже расхачивать пить чай». (Из разговора.)

Перевысказывать. «Я это говорил, и повторял, и перевысказывал». (Из журнала.)

Напредставить. «Я все это напредставил и выдумал». (Достоевский. «Подросток».)

Осюрпризить. «Я был осюрпризен». (Из разговора.)

Литературничать. (В смысле ‘заниматься писательством’; Иван Аксаков в письме.)

Слова, употреблявшиеся прежде с одними префиксами, суффиксами, окончаниями, принимают иногда по аналогии

другие вместо них. Сравните, например, произношение *держут* вместо *держат*.

Морфемы, вообще являющиеся только соединенными, получают иногда самостоятельное существование, выделяясь в слова. Так, *вич*, например, в поговорке *Наши вичи едят одни калачи*». (Назвать кого-нибудь *Ивановичем, Степановичем, Петровичем* раньше было знаком уважения; *вичами* были люди состоятельные, отсюда — эта пословица.)

В. А. Богородицкий заключает: «Действительное существование в языке морфологических частей доказывается появлением этих частей в новых условиях».

Слова, придуманные поэтами

А вот поэты каких только слов не придумают! Маяковский, например, любил неологизмы. Как он их создавал?

Поэт грозит:

Досыта изыздеваюсь, нахальный и едкий…

Он хочет

Издинамитить старое…

Он видит счастливое будущее:

Цветы испавлинятся в каждом окошке…

Таких глаголов у него много:

…Пулей
сельскую темь
кулак иссверлил, неистов…

Глаголы созданы так: к существующим в языке словам прибавлена приставка *из- (ис-)*. Получилось новое значение: действие нарисовано как неистовое, напряженное, многообразно и сильно выявленное. Это приставка *из-* внесла в глагол такое значение.

Сам Маяковский придумал такую приставку *из-?* с таким значением? Нет, нашел в давно известных словах: *бранить — избранить (Избранил меня в пух и прах), бродить — избродить (Я избродил эти места вдоль и поперек), грызть — изгрызть (Мыши изгрызли весь пол), убрать — изубрать (Елку изубрали всякими украшениями), дергать — издергать (Он издергал меня своими замечаниями), мерзнуть — измерзнуть (Мы так измерзли, дожидаясь поезда!), ломать — изломать (Он в гневе изломал все вокруг).*

Поэт нашел приставку *из-* в языке, в давно известных словах. И перенес ее в свои новые слова. С этим именно неистовым значением.

Но если нашел, перенес, то, значит, для него приставка *из-*

(притом — с таким именно значением) была живой; не выдумка ученых, а реальность языка!

Снова выходит: морфема всем нужна. И поэтам, и их читателям. И все ее уважают, как самый крохотный «атом» языка, несущий смысл.

Самовар Полупшённого

Иван Семенович Полупшённый любил чаек попивать из самовара. И вдруг самовар прохудился — в боку у него та-акая дыра! Вся вода выливается.

— Я и решил, ввиду этого обстоятельства, — рассказывал Иван Семенович, как всегда помахивая указательным пальцем перед собою, — переименовать самовар и теперь называю его *тфулява*. Придут гости — не угостите ли чаем? из самовара? А я им разъясняю: это не самовар, самовара нет, это тфулява. Они ничего не понимают и, необоснованно обидевшись, покидают мою квартиру. Вдруг прибежали мои племянники. Орут, необъективно шумят: «Дядя, чаю хотим». — «Нет чаю, нет самовара», — говорю. «А это что?» — «Тфулява». — «Что такое *тфулява*?» — «Самовар, в котором нельзя кипятить воду», — и показываю на дыру. «А-а, так он, значит, *само-не-вар! Ничего-не-вар! Пусто-вар!* Дырковатый *недовар!*» Бегают, всем рассказывают: «У нашего дяди *само-не-вар!*..» И пошло! Все спрашивают: «Починили ваш *самоневар?* Ваш *пустовар?*»

Тут Полупшённый разводит руками и с недоумением говорит:

— Почему получилась такая неувязка? Моего слова *тфулява* не понимают, а их — поняли и всюду разнесли… Уж эта мне молодежь!

А что тут удивительного? Так и должно было случиться. Подумайте, почему?

Нечего ей меняться!

Теперь ясно: каждый из нас морфему знает, каждый ее ценит. Многие не догадываются, что ее имя — *морфема*, но на деле с ней считаются. А как же? Она помогает понять слово.

Но если морфему писать, всякий раз подчеркивая (буквами) ее изменчивость, то это будет помеха для понимания. Стали бы мы, положим, писать: *снек — снига — снижок — снишки — снежный*… Сразу и не поймешь, что эти слова — про одно и то же. Про снег.

Нет, буква должна стоять на страже морфемы. Оберегать ее постоянство. Раз слова: *снег — снега — снеговик — снеговой* — про одно, про снег, раз у них один и тот же корень (одна и та же морфема) — пусть буквы и покажут это. Пусть подчеркнут постоянство морфемы, даже если звуки и не совсем одинаковые. Смысл-то у этих слов один, а морфема как раз смысловая, значимая единица.

Волшебник меняет лицо

Есть сказка о волшебнике, который умел менять лицо. Но так, что каждый раз что-нибудь одно меняется. Он не мог сразу изменить и свои глаза, и нос, и губы, и лоб, и волосы, а мог либо то, либо это. Но и одного изменения ему было достаточно, чтобы всех обмануть. Вдруг окажется, что зарос бородой — из нее еле видны нос и глаза. Нос и глаза волшебниковы, и по ним его можно бы узнать, да борода сбивает с толку — не бывало у него такой рыжей, такой могучей, такой густой, такой все закрывающей бороды! И пока его разглядят и узнают, волшебник успевает много бед натворить.

Или нос вдруг себе вмиг отрастит — свешивается, как кривой ятаган, и на нем такие смешные, фигурно-выразительные родинки, что все на них смотрят и шепчутся: «Кто этот носовик? Никогда не видели такого!» И пока разберутся, пока поймут, кто он, он успевал исчезнуть, что-нибудь испортив…

Вы поняли, на что это похоже? Это похоже на морфему, если бы письмо передавало ее изменения. Но морфема — такой волшебник, которого надо легко узнавать. Как этого добиться? Да запретить ей изменяться!

Буква и запрещает. Она не может изменить произношения. Произношение морфемы остается изменчивым. Но на письме буква утихомиривает морфему: она придает ей постоянный облик.

Итак: морфема в произношении — волшебник. Изменяется. Буквенная маска делает ее облик постоянным.

Потеряв чувство меры

Иногда морфемы, меняя свой облик, что называется, теряют чувство меры. Глаголы: *ходить — шел, шла…* ведь у них корни разные? Сейчас — разные. Исторически (в прошлом) — один и тот же.

Чередование *х || ш* — для нашего языка дело обычное: *успех — безуспешно, орех — орешник, ухо — уши, просохнуть — просушу…* Чередование гласного *о* с его отсутствием — тоже известно; это — беглый гласный: *сон — сна, рожь — ржи*. Наконец, и *д* чередуется с «ничем»: *ведут — вел, упадут — упал, бредут — брёл, украдут — украл, пропадут — пропал…* Все отличия обычны. Но здесь, у морфемы *ход-, шё-, ш-*, меняются все звуки. Получаются совсем разные по звучанию корни:

ход-ил

шё-л[7]

ш-ла

К тому же мена *х || щ* бывает всегда в конце морфемы, а в этом корне — она начальная. Непривычно. Поэтому мы и считаем, что эти корни (в современном языке) — разные. Слишком много отличий.

На что это похоже? На другого волшебника: который может изменить сразу и нос, и глаза, и рот, и прическу. Конечно, и не узнаешь его, измененного, превращенного.

Так и с переменчивостью морфемы. Нашего старого волшебника, который может у себя менять что-нибудь одно, легче узнать, чем нового, во всем непостоянного волшебника. А все-таки и старый, и новый затрудняют узнавание. Помехи могут быть то меньше, то больше, но они есть.

И хорошо, что буква иногда помогает нам не обращать внимания на эти изменения. Волшебник отрастил себе нос, а мы приказали ему ходить в маске — в одной и той же постоянной маске. И по этой маске всегда легко узна́ем его.

Хорошая маска, полезная!

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765)

Пушкин писал о Ломоносове: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Этот университет — Михаил Васильевич Ломоносов — имел и филологический факультет, факультет словесных наук. Изучению законов русского языка Ломоносов отдал много сил.

С увлечением собирал Ломоносов материал для своей «Российской грамматики» (вышла в 1757 году). Тысячи записей! И каждая — какое-нибудь наблюдение, вопрос, обобщение, предположение. Вот например:

отъискать,
отискать,
отыскать…

Одно слово записано в трех вариантах. Ломоносов ищет: какую орфографическую форму избрать? Утвердилось последнее написание, сам Ломоносов отдавал ему предпочтение:

искать — отыскать,
играть — сыграть,
итог — подытожить,
икать — разыкался…

Ломоносов чутко отмечал, что отвечает духу нашего письма, а что — противоречит.

Раздумывает он и о самых главных основах нашего письма.

По его мнению, «в правописании наблюдать надлежит, чтобы оно … не удалялось много от чистого выговору и чтобы не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений».

Что это значит: «чтоб не закрылись следы»? Сравните:

косит, | *косит,*
касить, | *косить,*
казьба, | *косьба,*
пракощик. | *прокосчик.*

Слева написаны слова по выговору. И не видно, что эти слова однокоренные, *косьба* образовано от *косить, прокосчик* от *прокос*. Корень один и тот же, а носит разные буквенные маски: *кос — кас — каз — кощ*… Не догадаешься, что корень-то один и тот же! Справа «следы произвождения слов» не закрыты. Ломоносов, значит, был сторонником такого письма, которое не наносило бы ущерба морфеме. В разных словах одна и та же морфема пишется одинаково — вот «следы произвождения слов» и ясны!

Ломоносов, как видно из его слов, хотел сразу двух зайцев убить: и писать по произношению, не удаляться от него, и морфему сберечь. Но как эти два требования объединить?

Ломоносов решения не нашел.

Взгляд назад

Напомним, каким путем мы шли.

Мы задумались: не обслуживают ли буквы морфему? Но нас взяло сомнение — а уж такая ли морфема важная птица? Ее ученые-языковеды выдумали, а что до нее всем остальным пишущим?

Оказалось (мы это проверили), что до морфемы всем есть дело. Все в ней заинтересованы. И именно в том, чтобы каждая на письме передавалась одинакова, неизменно. Раз у одной и той же морфемы один и тот же смысл, пусть и передается всегда одинаково, чтобы было легко ее опознать и быстро понять ее смысл.

Как это сделать? Можно так: для каждой морфемы придумать особый значок и всегда его употреблять, когда понадобится такая именно морфема, например: такой-то корень. Но тогда, значит, — сколько морфем, столько и значков. Тысячи! Корней очень много. Получается что-то очень похожее на иероглифику. Не годится!

Придумали другое, очень здорово: буквы. Букв нужно совсем немного. Буквы должны изобразить морфему. И пусть они не строго следуют за звуком. А так, чтобы сохранить нерушимым облик каждой морфемы, хотя бы ценой звуковой неточности.

Вот как устроено наше письмо! Поняли мы его устройство!

Дело осталось за пустяком: посмотреть, действительно ли наше письмо заботится о том, чтобы каждую морфему сохранить в разных словах одинаковой. Конечно, заботится! Мы же знаем: *сне*[к] — *сне*[г]*а*. Звуки разные (то [к], то [г]), а буква одна и та же: *г*.

Все-таки еще раз это тщательно проверим.

Снова царь Салтан

Вновь возьмем отрывок из «Сказки о царе Салтане»:

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».

Посмотрим на корни слов. Все ли они пишутся так, что их буквенный облик остается неизменным, во всех словах одинаковым?

Услышал. Какие другие есть слова с этим корнем? *Слух. Слушаю. Слухи. Неслыханно.* Один и тот же корень дан в трех… нет, в четырех видах: *слыш-, слух-, слуш-, слых-*. Неизменности морфемы нет ни в произношении, ни в письме.

Царь. Царский. Вы, пожалуй, скажете, что здесь корень имеет одинаковый вид. Напрасно вы так невнимательны! Если бы корень сохранял буквенную верность самому себе, то надо бы писать: «царьский». Но так не пишут. И нельзя так писать — пришлось бы неверно произносить это слово. Корень представлен в двух видах: *царь — цар-*.

Отец. Отца. Отчизна. Отчий кров. В этих словах один корень (*отчизна* — земля отцов, корень тот же, что в слове *отец*). Но пишется он по-разному: *отец-, отц-, отч-*.

Донес. Донос. И здесь нет неизменности букв, хотя корень один и тот же.

Гонец. Гонца. Когда-то в этом слове выделялся корень *гон-*, и оно было однокоренным, например с прилагательными *гончий, гончие.* Но сейчас, в современном языке, здесь корень *гонец-, гонц-*. Неодинаково он пишется в разных словах. Читатель, пожалуй, может сказать: ну, вся-то разница в одной букве. Да, в одной. Но эта одна буква показывает, что не соблюдается на письме постоянство буквенного облика морфемы.

Посмотрите на другие корни в словах нашего отрывка: особым шрифтом выделены корни и те буквы в них, которые меняются.

*Гнев. Гневлюсь (*и *гневаюсь).*

Начал. Начинать.
Хотел. Хочу.
Повесить. Вешать.
Смягчившись. Мягко. Мягок.
Дал. Дадут.
Приказ. Прикажут.
Ждать. Поджидать.
Возвращенья. Возврат.

Оказывается, морфемы в нашем письме вовсе не имеют постоянного облика! Очень многие из них в одних словах буквами изображаются так, в других — этак!

Всего в отрывке из «Сказки о царе Салтане» около двух десятков разных полнозначных слов. Из них — 14 имеют корни, которые не обладают буквенным постоянством.

Мы-то ожидали… Оказалось — не так.

Может, нетипично?

Есть еще надежда: а вдруг нам отрывок такой попался? Нетипичный? Не такой, как большинство других? Здесь случайно оказалось много непостоянных корней. А вообще-то их мало… Ох, уж этот автор «Занимательной орфографии»! Нарочно выискал такой отрывок.

Нет, не случайно и не выискал. Какой бы текст мы ни взяли, в нем найдем много слов с корнями, которые разнобуквенно изображаются на письме. Непостоянная у них буквенная одежда.

Помните, мы говорили: надо заставить морфему носить одну и ту же маску? Оказалось: очень многие морфемы носят две, три, четыре маски. И не заставить их носить одну.

Правда, нужна одна оговорка. В научных текстах таких переменчивых морфем бывает немного. Вот вам пример:

«Бломберген выдвинул идею квантового парамагнитного усилителя, в основе которого лежит парамагнитный резонанс. В 1962 г. Бломбергеном была развита теория поляризации, кубичной по амплитуде светового поля. Им впервые наблюдалась 2-я гармоника рубинового лазера при отражении от полупроводникового кристалла арсенида галлия. Ряд экспериментальных работ Бломбергена посвящен исследованию многофотонной диссоциации молекул в сильном инфракрасном поле лазерного излучения».

Да. Это не «Сказка о царе Салтане». Много терминов-существительных, и они почти все обладают неизменными корнями. Многообразный буквенный облик имеют глагольные формы:

выдвинул (сравни: *выдвижение*),
лежит (сравни: *лег, лягут, ляжет*),
развита (сравни: *разовью*, буквы корня *ви-, вь-*),
посвящен (сравни: *посвятить*).

Глагольных слов в отрывке мало, но почти во всех есть буквенная многоликость. Потому что эти слова — не термины, а слова обычной речи. И, как множество слов обычной речи, они не склонны обходиться одной буквенной маской.

Итак, есть тексты, где корни буквенно постоянны. Но это — особые тексты. А в обычных — морфемы очень часто носят не одну, а две, три, четыре маски. Значит?

Значит, буквы вовсе не стоят на страже неизменности морфемы!..

— Сорвалось! — говорит рыболов, когда совсем было вытянул рыбу из воды, да вдруг она в последний миг, хлестнув

хвостом, ушла в воду.

Так и у нас. Уже второй раз. Вот уж, кажется, нашли решение, как устроено наше письмо, поняли, что именно передают буквы… И вдруг, в конце концов, оказывается, что ничего не поняли. Обидно!

Михаил Николаевич Петерсон (1885–1962)

Мы шли тем же путем, каким шла настоящая большая наука. Многим ученым казалось, что буква передает звук. Эту мысль хотел, например, доказать талантливый лингвист Михаил Николаевич Петерсон. Он тщательно развивал этот взгляд, изобретательно искал для него доказательства; но все же путь оказался ошибочным.

М. Н. Петерсон был смелым мыслителем. Он умел, взяв в основу определенный взгляд, идти, бесстрашно и неколебимо, к тем выводам, которые вытекали из этого взгляда. Хотя бы выводы и казались необычными, хотя бы они и пугали многих.

С другой стороны, его мысль не была топорно-прямолинейной: он любил язык в его сложности и гибкости. Он только не терпел уклончиво-вялых, извилисто-неопределенных решений в науке («с одной стороны… все же… тем не менее… но, принимая во внимание…»).

Его убеждение было: буква предназначена для передачи звука. Такая у нее природа, в отличие от иероглифа. Она не всегда передает звук? Значит, плохо работает. Надо сделать, чтобы русское письмо полностью было звуковым. Так думал М. Н. Петерсон.

Но сделать этого нельзя. Слишком большая нужна ломка. И сомнительно, на пользу ли пойдет отказ от той гибкости, которая свойственна нашему письму: оно то чтит звук, то лукаво — и незаметно — ему изменяет.

М. Н. Петерсон был ярким ученым, многие его труды оказали

значительное влияние на отечественное языковедение. И в теории письма он сделал много ценного и нужного. Но его убеждение, что хороша только звуковая орфография, было ошибочным.

А другие ученые считали, что задача нашего письма — передавать морфему в ее неизменном виде. Как мы видели, это тоже неубедительная теория.

Нерешенный вопрос

Почему у нас сорвалось? Факты оказались против нашего предположения. Мы думали — на письме морфема передается единообразно. Оказалось — нет.

Но даже если бы факты не восстали против наших предположений, против нашей теории, все равно она была бы плохой.

Почему? Потому что теория должна объяснять. А наша — не может. Сейчас увидим, чего она не может.

Сравним:

дорого [до́ръгъ],

дорога [дърага́],

дороже [дарóжы].

Гласные первого слога меняются. А письмо на эти перемены не обращает внимания. Во всех трех случаях пишем: *до…* — с буквой *о*.

Гласные второго слога тоже меняются: то это безударный звук [ъ], то — [а], то — [о]. Почему из всего этого разнообразия буквами надо постоянно обозначать о в первом слоге? И о во втором? Чем обусловлен выбор?

Говорится: надо сохранить постоянство морфемы на письме. Но это требование не содержит никаких указаний: что же надо выбрать, какие именно буквы нужно для сохранения постоянства. Можно сказать: но мы же всегда знаем, какие буквы надо сохранить, то есть выбрать для письма. Практически мы это, конечно, знаем. А у нас речь идет о том, какими разумными принципами обусловлен выбор.

И на этот вопрос часто отвечают (буквально, без преувеличения!) так:

— Вы спрашиваете, чем обусловлен выбор? Как выбирать буквы? А надо так, чтобы хорошо получилось! Чтоб читалось правильно! И чтоб никаких затруднений не было, когда, значит, применяются буквы!

Нет, это не ответ. Настоящая теория должна объяснить, почему, например, слово *дорога́ (память дорога)* надо писать с *о… о…* Почему именно эти буквы могут обеспечить постоянство (относительное) морфемы, единство всех ее проявлений?

Может быть, есть такая теория, которая это объясняет?

Снова пустимся в путь. А вдруг найдем такую теорию?

Повелительница букв

Чередования

И сказали звуки: — Братцы,
Надо нам чередоваться…

(В. Левин)

Продолжаем наши поиски. Надо же нам понять, как устроено наше письмо, какие единицы языка оно передает. Не звуки, не морфемы — а что?

Звуки, как вы знаете, чередуются. *Поскакал — поскачу*. Корень *-скак-*, но он же и *-скач-*. В одном слове такой, в другом — почти такой же. Значение одинаковое и там, и здесь. Но в одном звуке разница: *-скак- / -скач-*… Это и есть чередование. Итак:

Даны в языке два слова.
И у них корни — с одним значением.
И звуки, из которых корень, у них те же.
Значит, у них один и тот же корень.
Но есть различие в одном-двух звуках…
Звуки явно принадлежат этим одинаковым корням.
Но — разные.
Тогда говорят: чередуются эти звуки.
Говорят: это чередование.

Бывает в квартире — все жильцы постоянные, а одна комната сдается. То один в нее въедет, то другой. А квартира-то, конечно,

та же. Только в одной комнате жильцы чередуются.

Какие-то они разные

Чередования бывают какие-то разные. Одни такие:

ры[б]*а* — *ры*[п], *яго*[д]*а* — *яго*[т],

тра[в]*а* — *тра*[ф], *лы*[ж]*а* — *лы*[ш],

кни[г]*а* — *кни*[к], *берё*[з]*а* — *берё*[с].

Согласные чередуются, а письмо как будто не замечает чередования.

Но бывает и по-другому:

нарезать — нарежет, огородить — огорожу,

помазать — помажет, берег — безбрежность, ходить — хожу, могу — возможность…

Здесь письмо заметило чередование. Буквами его обозначило.

Еще Василий Кириллович Тредиаковский задумался: почему такое различие? И он решил: оно ни к чему; если в случаях *могу* (или: *возмогу* — старинный глагол) и возможность надо писать «по звонам», то есть по звукам, обозначая чередование *г*||*ж*, то и во всех случаях надо писать по звукам, просто на слух. Письмо наше будет простым и легким, думал Тредиаковский, и противоречие исчезнет. Он считал, что обозначать чередования в одних случаях, не обозначая его в других, — значит, быть непоследовательным. А непоследовательное письмо — труднее всего.

Нельзя ли, рассуждал В. К. Тредиаковский, «писать *возмогность* от *возмогу*, не меняя *г* на *ж* (*возможность*)? Всяк из нас скажет, что не можно так написать. Чего же ради? Ибо звон требует буквы *ж*, а не *г*. Что ж больше? Так писать надлежит, как звон требует»[8].

Это и нечестно, рассуждал он, в слове *хлеб* — писать букву *б*, в слове *указ* — букву *з*. Это же обман — произносить *п*, а писать *б*! «Какое в нас справедливое радение о начинающем учиться отрочестве? Не обманываем ли мы их, посадив за азбуку, говоря, что ба есть *ба*, а не *па*, а, натвердив им сие с великою трудностию, потом, — пишет Тредиаковский, — заставляем писать *хлеб, указ*? Что может наибольше противно быть зрелому рассуждению, а к детям любви и попечению об них нашему?»

Вопрос такой: почему одни чередования письмо передает (и, очевидно, имеет свои резоны их передавать), а другие не передает — и как будто не нужно их передавать?

Этому должно быть какое-то объяснение.

Будто струны

Вот два ряда звуков (вы видите квадратные скобки? Это не буквы, это звуки обозначены):

[б в д з ж г]

[п ф т с ш к]

Вверху — звонкие согласные. Внизу — глухие. Когда произносятся звонкие, голосовые связки дрожат. Положите ладонь себе на горло. Произнесите [в], или [з], или [ж]. Произнесите их длительно, тяните их голосом. Ваша рука почувствует, как что-то «внутри шеи» дрожит. Это дрожат голосовые связки — упругие мышцы, натянутые поперек гортани — дыхательного горла. Как будто они струны.

Теперь произнесите звуки [ф], или [с], или [ш]. Это звуки глухие. Когда их произносят, голосовые связки не дрожат. Положите ладонь: ведь верно — не дрожат?

Звонкие согласные, те, которые стоят в верхней строке, не могут быть на конце слова (перед паузой)[9]. Как только попадут на конец слова — сменяются с поста. На их место становятся глухие.

Вот примеры:

роза — много ро[с], *чумазый — чума*[с],

коза — стадо ко[с], *толстопузый — толстопу*[с],

прогрызу — он прогры[с], *арбузы — арбу*[с],

сползу — спол[с], *морозы — моро*[с].

И сколько бы мы слов ни подбирали, не будет ни одного случая, когда бы звук [з], попав на конец слова, преспокойно бы на нем оставался:, то есть произносился бы на конце. Конечно, мы говорим о естественной речи, а с натугой все можно произнести.

Полупшённый диктует

Иван Семенович Полупшённый развел руками и говорит:

— Не знаю, зачем он это придумал!

— Кто — он?

— Да племянник! Уличает меня в том, в чем к конкретно не повинен! Я бы нашел на него управу, но ведь жалко — племянник! А он меня это… дискриминирует. Порочит. Лишает права на уважение!

— А что он?

— Голословно утверждает, будто я говорю неправильно, не по буквам. Я ему диктант диктовал, надо бы ему написать: *В сарае много коз.* А он написал: *кос!* Я ему сделал укоризненное замечание: несосредоточенный ты! Не слушаешь, что я диктую. А он: да ты и диктуешь — *кос-с-с-с!* И такую букву *с* пустил, какой я в жизни никогда не писал! Я ему: нет, я говорил про *коз-з-з-з*…

(Здесь Полупшённый так загудел, будто десять шмелей влетело.) Он замолчал, махнул горестно рукой и сказал:

— Да разве он оказывает мне должное уважение? Твердит себе одно: нет, так не произносят. Я ему: *коз-з-з-з,* прямо в ухо. Он уши зажал и говорит: «Это ты понарошку так теперь дудишь, а взаправду [з] не бывает на конце слова… Ты сказал *кос*!» Про меня — такое… Я, выходит, правильно и сказать уж не могу! По буквам будто бы я не умею! «Понарошку!» Да разве такие слова можно про дядю говорить?

Расстроился Полупшённый. Вот и разберись, кто из них прав.

Позиция

Поняли? На конце слова идет смена караула: согласный [з] уходит, ему на смену является согласный [с]. В естественной, не «полупшённой» речи. Кто приказал караулу смениться? Известно кто: конец слова.

Конец слова — вот условие, когда необходима смена караула: вместо звонких произносятся глухие.

Условия, которые требуют определенного произношения звуков (например, глухого, а не звонкого), называются позицией. Бывают такие позиции: на конце слова, перед согласным, перед таким-то гласным и т. д.

Итак, смена караула происходит потому, что этого требует позиция!

Про музыкальную шкатулку

В разных языках — разные позиции. Например, в украинском языке конец слова не требует, чтобы звонкие сменялись глухими. Произносят:

мороз — на конце [з] (не [с]!),

дуб — на конце [б] (не [п]!),

багаж — на конце [ж] (не [ш]!).

Но в русском языке конец слова — причина смены караула. В каждом языке свои позиции — свои причины того, что один звук сменяется другим.

Причиной можно назвать лишь то, что действует безотказно. Например, металлы от огня расширяются. Причина — нагрев, ее следствие — расширение металла.

А у меня есть железный кружок — он по пятницам от нагревания не расширяется! Вы скажете, что этого быть не может, это нелепость. Причина на то и причина, чтобы действовать безотказно. (Может быть, конечно, взаимодействие с «контрпричиной»: если нагревать бляху под мощным давлением, то она и не будет расширяться. Но эти случаи для нас не важны, ведь у нас речь пойдет о действии одной причины, без «контр».)

Вот случай был. Подарили нам музыкальную шкатулку. Из нее музыка слышится. Старший брат скажет: «Она через пять минут заиграет!» И всегда верно: через пять минут она начинает играть. Мне не показывают, как заводить. Говорят: «Покоя не будет. Ты ее все время станешь терзать».

Я долго думал — как это выходит? Нажимаю шкатулку в разных местах — нет звука. Заметил внизу у нее ключик (она на ножках, и ключик снизу, сразу его не заметишь, он вроде маленького шпенька). Повернул. Через некоторое время заиграла… Нашел! Вот она из-за чего играет!

Брат входит: «Зачем заводишь? Испортишь!» Что-то сделал со шкатулкой. И ушел сердитый. Ключик-то остался, я им верчу, музыки нет. Глядь — а сбоку какая-то стрелка. Ее можно поставить по-разному. Поставил так, как будто это часы — на 10 минут. И завел ключиком. Через 10 минут заиграла. Поставил на 30 минут — через полчаса играет. И всегда без отказа… Брат видит, что я осторожно завожу и не часто, перестал сердиться. «Понял, что к чему?» — говорит.

Так я разгадал, как заводится шкатулка: с помощью ключика и стрелки. Они вызывают звук. Они причина звука. А почему я решил, что причина? Всегда, как я сделаю нужное действие этими ключиком и стрелкой, — звучит музыка. Ровно в то время,

которое заказано.

А если бы — то играла, то не играла; то в то время, то в другое? Тогда было бы, что я не нашел причины музыки.

А потом вышло — завожу, нет звука. Испортилась шкатулка. С одной причиной столкнулась, набегая, другая, антипричина. Починили — заиграла.

Металлы в пятницу не расширяются?

Значит, если причина — должна действовать безотказно. (Когда не мешает какая-то контрпричина.)

Так и в языке. На конце слова всякий звонкий согласный — заменись глухим! И это категорическое приказание всегда выполняется. То-то. Какой ключик заводит этот механизм? Позиция: конец слова. Она и есть причина, почему происходит смена караула, — один звук заменяется другим. Чередования, которые вызываются позицией (и поэтому не знают исключения), называются позиционными. Позиционные чередования — это закономерности языка.

Но они — не то, что законы природы. Металлы расширяются от нагревания — везде. Странно было, если бы кто-нибудь сказал: «А на Украине не расширяются». Но ничуть не странно, что в украинском языке (и во французском, в английском) звонкие согласные преспокойно остаются на конце слова. Никто не пытается их оттуда выгнать. Другой язык — другие законы. Язык — не природное, а общественное явление. Его законы не обладают повсеместной обязательностью. Они — законы только для одного языка. Например, русского.

Нос белый

Какие же законы в русском?

Мы уже знаем: звонких с конца слова — долой, на их место становятся глухие[10].

А еще какие есть смены караула — позиционные чередования согласных? Перед звонкими согласными могут быть только звонкие[11]. Значит, глухие должны уйти, их заменяют собратья в другом мундире. Так велит позиция: положение перед звонким согласным.

Напротив, перед глухими не быть звонким. Их должны заменить глухие.

Покажем на примерах, что это так.

Косить. Согласный [сʲ] — глухой.

Косьба. Перед звонким [б] произносится не [сʲ], а [зʲ]! Вот так: [казʲба́].

Просить. Согласный [сʲ] — глухой.

Просьба. Произносится: [прозʲба]. Вместо глухого — на посту звонкий.

Приставку *от-* знаете? Послушайте, какая она: *откусить, отпустить, оттащить, отсадить*… Везде одна и та же приставка *от-*. У нее глухой согласный [т].

И вот она же: *отбросить, отгрызть, отбить*. Та же, а произносится по-другому: со звуком [д]: [адбʲи́тʲ].

Что же происходит? Перед звонким согласным в русском языке непременно идет смена караула: глухой согласный меняется на звонкий: [т] уходит с поста, на пост становится [д]. И у них дисциплина! Непослушания никогда не бывает! Смена происходит четко, всегда, без исключений.

Да что приставка. Сравним:

Нос посинел.

Нос как нос; произносится: [нос]. А мороз еще сильнее приударил, глядь —

Нос белый!

Произносится [ноз], если дальше без паузы идет белый. Перед звонким [б] глухой согласный [с] уходит с поста, службу несет [з]. Так положено!

Маленький великан

Ну-ка произнесите: *барабан*. Последний согласный — твердый. Еще раз произнесите. Слышите, какой твердый этот согласный? Невероятно твердый.

Произнесите: *барабанчик*. Теперь у вас [нь] — очень мягкий. Просто — лебяжий пух.

«Кончено — и концы в воду!» — воскликнул пират дон Педро». (Это — отрывок из одной повести.) *Концы*. Здесь [н] — сама твердость. Твердокаменный согласный. А *кончено* — с [нь] наимягчайшим.

Вот огромный *великан*. С [н] твердым. А если бы маленький был *великан*? Его бы называли *великанчик*. (Вы скажете: не может быть маленького великана. Вы правы! Тут не поспоришь. Но ведь если нет маленького великана, то слова *великанчик* никто не слышал? Не так ли? А мне именно сейчас нужно слово, которое до сих пор никто не употреблял.)

А вы употребите. Произнесите: *великанчик*. И вы услышите, если естественно, без натуги произнесли, что [нь] произнеслось вами очень мягко. Именно — произнеслось, как бы само собою получилось.

Откуда у всех такое произношение? Что ж там, в слове, мягкий знак стоит? Посмотрите внимательнее:

Великанчик!

Нет мягкого знака… Может быть, вы слышали это слово, запомнили и так произносите, как запомнили? Не слышали вы этого слова! Ведь затем мне оно и понадобилось, невозможное в речи, чтобы не было сомнения: не слышали вы его. Великанчиков-то нет. Маленьких великанов. И слова нет. (А может быть это сын великана? Все равно: вы не слышали такого слова, сознайтесь!) А почему же все знают, что надо произносить [нʲ]?

Наверное, сам язык подсказал… Только как он сумел?

Девочки сделали себе куклу. Хороший у них мальчишка получился; правда, из тряпок и с опилками внутри, но симпатичный. Назвали они его ласково: *Флюнчик*.

Такого имени нет, но они, фантазерки, взяли и придумали. И как, вы думаете, они его произносили? *Флю*[нʲ]*чик*. Именно так. А пришла другая девочка, очень милая, черкешенка (и язык ее родной — черкесский), у них гостила. Она говорит:

— *Флю*[н]*чик*.

— Да нет, нет! *Флю*[нʲ]*чик*! — стали две затейницы ее учить правильно произносить. А они-то откуда знают, как правильно?

Вы подумайте! Сотни читателей сейчас прочли совсем новые для них слова: *великанчик, Флюнчик*. Никто раньше таких слов не произносил. Я попросил их произнести — и все сотни, тысячи читателей произнесли: *велика*[нʲ]*чик, Флю*[нʲ]*чик*. Почему произнесли одинаково? с [нʲ] мягким? Потому что не умеют по-другому. А почему не умеют? Привычки такой нет, навыка нет —

перед [чь] произносить твердый [н]. Негде было этому научиться. А почему? Потому что перед [чь] (он всегда в русском языке мягкий) происходит смена караула: [н] оставляет пост, его занимает [нь].

Это позиционная мена. Как всякая позиционная, она в русском языке не знает исключений. В вашей жизни не было случая, чтобы караул не сменился, — значит, не было случая, чтобы вы произнесли [н] твердый перед [чь]. Поэтому и не приучены вы его произносить.

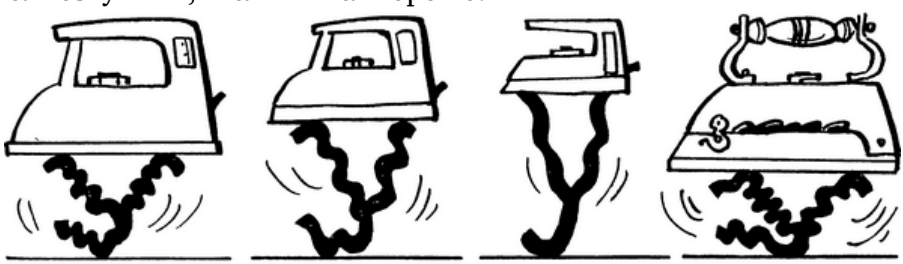
Теперь сами понаблюдайте, как определяет позицию перед собой мягкий согласный [шь]: *барабанщик, обманщик, шарманщик, сменщик, оценщик, гонщик, миллионщик, бетонщик, табунщик*…

Гласные под прессом

Лежат себе гласные тихонько рядком:

у у у у …

Например, в слове *кукурузу (Что ешь? — Кукурузу)*. Одинаковы ли [у] в слове *кукурузу*? Нет. Разные. Одни посильнее, другие послабее. Одни более ясные, другие менее. У одних длительность больше, а у других меньше. Как будто на них действуют прессы: некоторые [у] сплющивают, другие — нет. На ударный гласный — *кукур*[у́]*зу* давит небольшой пресс. Этот звук ясным вышел, пресс его не исказил: он и длительный, и полнозвучный, и слышится хорошо.



Пресс побольше сдавил гласный [у], который в слоге перед ударным: *кук*[у]*ру́зу*. (Этот слог называется первым предударным.) В этом слоге положение для гласных хуже, чем в ударном. Пресс все-таки сильнее действует. Гласный не такой ясный, не так хорошо слышится. А на второй предударный (*к*[у]*куру́зу*) и на заударный гласный (*кукуру́з*[у]) такой груз упал, так их спрессовал, что им уж и плохо пришлось. И слышатся они хуже, чем те, другие.

Бывают ослышки: вместо [кукуру́зу] слышится [къкуру́зу]. Один мальчик записал в тетради: «кокурузу». Почему он ошибся? Ослышался. Вместо [у] он услышал звук [ъ] и передал его буквой *о*. Конечно, такая ошибка — редкость; послушал бы он внимательнее, и написал бы верно. Но все-таки: такая ослышка возможна; ослышка «кукуро́зу» — невероятна. И если кто-нибудь написал в тетради: «кукурозу», — наверное, не ошибку сделал, а описку. Рука не туда пошла. Но прочтет сам писавший, что он написал, — и сам же исправит. Еще головой покачает: ну и написал! А ошибочное «кокурузу» может и не исправить. Недослышал — вот и думает, что так надо. Потому что во втором предударном слоге сам гласный сильно изменен… Чем? Позицией! Это ведь позиционная мена. Это позиция действует…

Позиция под ударением позволяет гласному быть самим собой, не подвергает его нажиму. Позиция в первом предударном

слоге действует на гласный, меняет его облик, но сравнительно мало. Все же в этой позиции достаточно ясный гласный. А во втором предударном слоге позиция просто навалилась на гласный. Сильно помяла. Очень властная и бесцеремонная позиция.

Это она так на [у] влияет. На [у] — это еще что! А с другими гласными она расправляется еще более круто.

Возьмем слово *золотой*. Под ударением — *золот*[о́]*й* — настоящее [о]. Круглое, наливное — ну, [о], да и только!

А в первом предударном слоге? Если бы он в этом слове был ударным, в нем был бы звук [о]; сравните: *позоло́та, позоло́чен*. Но на самом-то деле ударения нет, слог — первый предударный, и произносится не [о], а ослабленный, безударный гласный [а]: *зо*[ла]*то́й*. Для [о] нужно, чтобы губы округлялись, а здесь, в этом безударном слоге никакого округления нет. Позиция ослабила звук. Такая уж это позиция!

Пойдем дальше: что произносится во втором предударном? Будь он ударным, в нем бы тоже оказался гласный [о]: *з*[о́]*лото*. Но здесь, в слове *золотой*, его положение хуже. Позиция его прищучила. Спрессовала. И вышел гласный [ъ]: [зъ]*лото́й*. А все слово такое: [злато́й].

Что ж, только в одном слове — *золотой* — так действуют позиции? Нет, повсеместно! Во всех словах! Помните — было у нас слово *дорогой*? Произносится: [дърагóй]. Видите, что, в нем позиции так же действуют на первый и второй предударные слоги?

А вот вам еще: колокола [кълъкала́], положить [пълажы́тʲ], соскочить [съскачи́тʲ], торопись [търапʲи́сʲ), носовой [нъсавóй], хорошо [хърашó]… Выходит, что это позиционное чередование. Везде его действие без исключений. Первый предударный слог: [о] покидает пост, на работу выходит [а]. Второй предударный слог: [о] уходит с поста, его место занимает [ъ].

Скандалит!

Иван Семенович Полупшённый разбушевался. (Чай пьет и бушует. Тфуляву ему запаяли, и она снова стала — самовар.) Ему бы благодушествовать, радостно крякать от удовольствия. Нет — очень разозлился.

— Это кто же, — гремит он, — позволил: *торопился* — через *а* писать, *соскочить* — через *а* писать, *положить* — через *а*? И еще того хуже — все их через твердый знак? Кто дал такую команду? Вы бы хоть словарь взяли! Посмотрели!

Он оставляет чаепитие, идет к книжным полкам, достает энциклопедический словарь, ищет там слова *соскочить, положить* — их, конечно, не находит (их там и нет) и пуще начинает шуметь:

— Как сговорились! Нарочно, чтобы путать людей, в энциклопедию их не поместили!

Я ему объясняю:

— Никто этих слов с твердым знаком не пишет: [съскачи́тъ] — это фонетическая транскрипция. И не буквы здесь, а транскрипционные знаки. Например, [ъ] — не твердый знак, а обозначение гласного…

— Какого гласного?

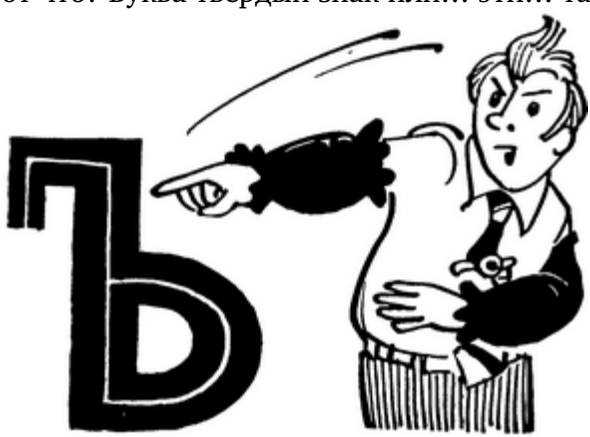
— Гласного [ъ].

— Нет такого гласного! — торжествующе говорит Полупшённый. — Нет, нет и нет! — и он хитро смеется: его не обманешь!

Берет лист бумаги и пишет крупно:

Ъ

— Это вот что? Буква твердый знак или… эти… там… твои?



Я беру карандаш и приписываю слева и справа буквы: *въезд*.

— Если так — то буква. (Это я Ивану Семеновичу говорю.)

Стираю резинкой свои буквы и приписываю: [штъп] — и договариваю:

— [Штъп] тебя…

— Это ты мне сказал? — обиделся Полупшённый. — Ах, ты невежливый! Твердый знак пишет, где не надо, — и еще грубит!

Обиженный, сердитый, ушел. Чай не допил. И теперь со мной не разговаривает.

Важная обязанность

У звуков есть важная обязанность: они должны быть различителями слов. Благодаря звукам слушатель различает слова и поэтому понимает мысль говорящего.

Есть слово дом, есть слово *том*, есть слово *ком*, есть слово *лом*, есть слово *сом*, есть слово *ЦОМ* (Центральное объединение маляров). Предположим, мы первый звук не расслышали, и тогда нам не ясно: речь идет про дом, или про том, или про лом, или про ЦОМ. Или, может быть, про сома.

Наши примеры такие, что звуки [д] (*дом*), [т] (*том*), [л] (*лом*), [с] (*сом*), [ц] (*ЦОМ*) находятся в одной позиции: перед гласным. В этом случае ясно, что они, эти звуки, — различители слов. Никаких сомнений нет: только благодаря этим согласным мы одно слово не путаем с другими.

А вот те-то согласные, которые меняются на посту, позиционно чередуются, они-то способны различать слова?

Посмотрим:

Падает сне[к].

Сне[к]*-то падает и падает.*

Эх, сне[г] *бы пошел!*

Сне[г] *белый-белый…*

Один и тот же корень в одном и том же слове (и падеж — один и тот же: именительный). А произносится: то *сне*[к], то *сне*[г]. Заметили, от чего зависит? От позиции. Если после снег идет звонкий согласный, то произносится *сне*[г]. Нет звонкого согласного — произносится [к]. (Конечна, во фразе *Снег белый-белый* произносится [г] в том случае, если нет паузы… А если вы скажете: *Снег…* — и задумаетесь, вздохнете и потом добавите: … *белый-белый…*, то и будет *сне*[к], как перед всякой паузой.)

Это позиционное чередование. И становится ясно, что со смыслом оно не связано. То [к], то [г] на конце слова, а смысл один? морфема (значимая единица) одна? Да, одна и та же морфема, один и тот же смысл.

Если вам кто-нибудь скажет, что он с корнем *сне*[г] связывает один смысл, а с корнем *сне*[к] — другой, не верьте. Обманывает.

Чаши весов

Да и понятно: позиционное чередование — дело, в конце концов, механическое. Следующий согласный звонкий? Получай в этом корне на конце [г]. Следующий согласный глухой? Или конец слова? Получай в этом же корне [к].

Появление же того или иного смысла в речевой цепи — дело не механическое. Нужна воля человека, чтобы вот здесь, в этом месте, появилось значение такое-то (то есть слово, морфема с этим значением), а потом — другое определенное значение. Ясно, что механическая мена внешнего облика морфемы не оказывает влияния на смысл; смысл — не влияет на позиционные чередования.

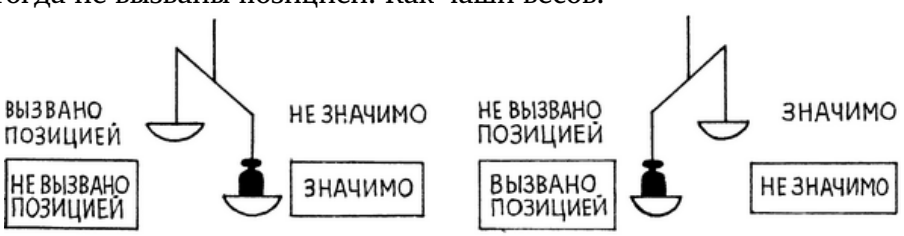
Итак, если два звука позиционно чередуются, то они друг для друга не смыслоразличители. Их мена не связана с меной смыслов.

Представим себе язык. Фантастический, ненастоящий. Но законы чередования звонких и глухих согласных в нем те же, что и в русском языке. В двух разных текстах встретили морфемы: *фрып-* и *фрыб-*. Чем обусловлена разница?

Причины могут быть две. Либо это разные морфемы. А у разных морфем как раз мы и можем ожидать разного звукового состава независимо от позиции. Сравните: *кос-а, коз-а*. Суть, различия в том, чтобы отличать две морфемы. Чтобы не дать им совпасть.

Либо, напротив, морфема-то одна, да позиционные условия различны. Например: *фрып-* на конце слова, а *фрыб-* перед гласным, перед окончанием.

И не надо смешивать эти два случая. Либо звуковые различия вызваны позицией — тогда они незначимы. Либо значимы — тогда не вызваны позицией. Как чаши весов.



Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929)

В 80-х годах прошлого века жил в Казани Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, профессор Казанского университета. Он умел думать глубоко, остро, неожиданно. И всюду, где он работал, вокруг него собирались люди, восхищенные его мыслью и готовые следовать в науке за Бодуэном. Но не идти за ним след в след, а около него, невдалеке от него, поблизости, — он не любил инертных, безвольных подражателей. Он требовал от своих единомышленников творческой, активной мысли.

А почему они все-таки шли вблизи от Бодуэна? Так притягателен был мир мысли этого ученого, такие неожиданные дали он открывал. Бодуэн де Куртенэ и его ученики, отважные исследователи, составили Казанскую лингвистическую школу.

Школа в науке — не та, в которой сидят за партами. Школа в науке — это группа единомышленников. Казанская лингвистическая школа сделала много открытий. Одно из важнейших — открытие фонемы.

«Звуки играют роль»

В 1881 году Бодуэн де Куртенэ писал: фонетика исследует звуки языка, «насколько они играют роль, например, мягких и твердых, простых и сложных, согласных и гласных и т. п.». При этом, добавляет Бодуэн, мягкие звуки могут «в механизме языка» играть роль твердых, простые — играть роль сложных и т. д.

Разберемся в этих словах. Часто люди не замечают, что в слове *моро*[с] — у них [с], а в слове *моро*[з]*ы* — [з]. Скажете — влияние буквы? Нет, причина глубже.

Звуки, которые позиционно чередуются, могут быть очень непохожими друг на друга. А говорящим кажется, что они не только похожи, а просто один и тот же звук! Что [с] в конце слова мороз ничем не отличается от звука [з]: *моро*[з] *был крепкий*, и от звука [ж]: *моро*[ж] *жестокий*, и от звука [ш]: *моро*[ш] *что надо!* Произносится: [маро́ш штона́дъ]! Конечно, так произносится в естественной речи, когда этот ряд слов не разбивается паузами.

Среди читателей книги найдется немало таких, что покачают с сомнением головой и скажут, улыбаясь:

— Ну и ну! «Морош»! Неужто так и произносят? Уж я-то никогда эдак по-чудному не скажу!

Это и будет лучшим доказательством того, что позиционные мены звуков остаются вне нашего сознания.

Надежда Ивановна и напрасная надежда

Какие разные звуки [с — ж — ш — з]! А нам кажется, будто он один! Как же это так?

Есть слово *надежда* (*Надежда в мрачном подземелье Разбудит радость и веселье…*), и есть слово *Надежда* — имя собственное. Могут ли [н] в первом слове и [н] во втором слове помочь отличить одно слово от другого? Проведем опыт. Вы произносите то *Надежда*, то *надежда*, и пусть ваш товарищ, слушая, отгадает, когда какое слово вы произносите.

Вы сердито смотрите на меня и говорите: «Незачем такие дурацкие опыты устраивать. Звук один и тот же. Как он может различать слова?»

Ах, вот оно что: если звук один и тот же, то он не может различать слова. Такой вывод мне и нужен. Кажется, он никудышный, просто — сама очевидность, и все-таки этот вывод важно было ясно и четко сделать.

Итак, если звук один и тот же, то он не различает слова. Говорящие переворачивают это положение другим концом: если звуки не различают слова, то они — один и тот же звук. Не сознательно делают такой вывод, не обсуждают его между собой, а просто подталкиваются к нему — без долгих размышлений — речевой практикой.

Ведь ясно, что

моро[с] (на конце слова),

моро[з] (перед [б]),

моро[ж] (перед [ж]),

моро[ш] (перед [ш]) —

это одно и то же слово. Звуки [с — з — ж — ш] зависят от того, что идет дальше. Чередование, значит, позиционно. Позиционные чередования не различают слова. Поэтому нечего обращать внимание на различие между [с — з — ж — ш] (когда звуки — позиционные чередователи), надо считать что это — одно и то же. «В механизме языка» это один звук.

Итак, два звука, они позиционно чередуются. Один ушел с поста, другой занял его место. Звуки-то разные. Их можно записать каким-нибудь прибором, и прибор покажет: разные звуки, иногда очень разные. Но пост у них один. Например, последнее место в корне мороз. Пока это место «перед паузой» — дежурит [с]. Как это место окажется «перед гласным» — дежурит [з].

Раз пост один — часовой выполняет одно и то же назначение. Так же и звуки [з] — [с]. Когда они позиционно чередуются, то

входят в состав одной и той же морфемы, помогают отличать ее от других морфем. И эти слова *мороз, мороза, морозу* — от других слов.

По звучанию они различны, но в механизме языка, в его устройстве, в его строении они — одна и та же единица.

Поэтому говорящие и не замечают, что на конце слова, перед паузой, не *моро*[з], а *моро*[с]. Для них согласный на конце — все равно [з], все равно звонкий согласный, они игнорируют его отличие от того, настоящего [з], который есть в случаях *мороза, морозу, морозом* и т. д.

Вот что значат слова И. А. Бодуэна де Куртенэ. (Перечитайте их на с. 56.) Видно, на самом деле глухие согласные могут «в механизме языка» играть роль звонких и, наоборот, мягкие — роль твердых и т. д.

С 1881 года началась история особой науки — фонологии, науки о фонемах. Ей, значит, около ста лет.

Для науки это младенчество. Но за сто лет младенчества фонология много успела сделать. Она дала ключ к пониманию того, как устроено письмо. Она позволила проникнуть в тайны многих фонетических систем, то есть помогла понять, как устроена звуковая сторона языков. Здесь всего не расскажешь, об этом нужна другая книга.

Появляется главный герой нашей книги

Если [з] и [с], когда они позиционно чередуются друг с другом, одна и та же единица, то надо ее назвать.

Бодуэн де Куртенэ назвал: фонема. В 1881 году. С тех пор это название утвердилось и стало обычным в трудах языковедов.

Что же такое — фонема? Фонема — это единица, которая служит для различения слов и морфем (вот ее работа в механизме языка!); она выражена рядом позиционно чередующихся звуков.

Эти звуки потому одна и та же фонема, что они друг для друга — не различители.

Вот пример. *Роза — роз*. Произносится [ро́за] — [рос]. Позиционно чередуются [з] (перед гласным) — [с] (на конце слова) Эти [з] и [с] друг для друга не различители, и [роз], [рос] — одна и та же морфема.

Следовательно, здесь фонема представлена чередующимися звуками [з] — [с].

По отношению к другим фонемам она — различитель. Например: слово *роз (роза)* отличается от слов, например, *ром, рой* и от многих других.

Сделаем вид, что их нет

Сказано: различие между звуками, позиционно чередующимися, нефункционально, то есть не имеет значения. В языке эти звуки — одно и то же. Так вот и давайте писать: будто нет позиционных чередований… Пренебрегая ими. Звуки-то разные, а мы не обращаем внимания на их различия! Звуки-то разные, а мы их — одной и той же буквой! Поделом им: они, хоть и разные, но не помогают (своими различиями) одно слово отличить от другого.

Про хамелеонов

Даю вам слова: *холод, холодному, холодновато*. Вместе понаблюдаем, как они произносятся. В слове холод последний звук — [т]. В конце слов, перед паузой, мы вообще не умеем произносить [д], русский язык нас к этому не приучил. Он, наоборот, строго нам велит все звонкие согласные на конце слова заменять глухими. Смена поста!

Последний гласный в этом слове — заударный, он следует за ударным слогом. Гласный очень слабый. В небрежной речи часто слышится [хóлт]. Гласный совсем не произносится. Но в четкой речи он есть, хотя и ослаблен; это наш знакомец [ъ].

Значит, первое слово в фонетической транскрипции надо изобразить так: [хóлът]. Второе слово — так: [халóднъму].

Третье: [хълъднавáтъ]. Один и тот, же корень мы передали по-разному:

[холът]

[халод]

[хълъд]

«Закрылись следы произвождения слов»! (Помните, что об этом говорил Ломоносов?) Не видно, что это слова однокоренные.

А теперь попробуем установить, какие фонемы в этом слове. Согласные [х], [л] — перед гласными, это для согласных — сильная позиция. Каждый согласный противопоставлен всем остальным, ни один не совпадает с другим согласным. Запишем:

<х*л** >

Звездочки поставили — значит, еще не определили фонему. Гласный первого слога изменчив, как хамелеон. (Это мы ему говорим не в укор.) То он — [о́], то он — [а], то он — [ъ]. Чередование позиционное. Так, например, [о́] во втором предударном слоге всегда уступает свое место звуку [ъ]:

б[о́]*роды — б*[ъ]*родá*,

н[о́]*здри — н*[ъ]*здревáтый,*

к[о́]*нь — к*[ъ]*невóдство*…

А уж если чередование [о́ — а — ъ] — позиционное, то это одна фонема. Надо ее назвать!

Спор об имени

— Ты, я слышал, хочешь всем фонемам дать имена. А зачем?

— Да, Иван Семеныч. Хочу. А то очень длинно получается: «фонема, выраженная позиционно чередующимися звуками: [о́] под ударением — [а] в первом предударном слоге» — и так далее… Видите, какое длинное название — у меня даже дыхания не хватило закончить; не название, а целое описание получается. Надо придумать название покороче.

— Хорошо ты сказал! Давай назовем эту фонему Иван Семенович. В мою честь. Здесь-то у тебя дыхания хватит? Попробуй!

— Все равно длинно.

— Ну, Иван, Иван — и все!

— Надо еще короче.

— Тогда просто: и! Намек, что это сокращение, а полностью— Иван Семенович.

— Но ведь странно, сами посудите: фонема, которая в сильной позиции выражена звуком [о́], и вдруг называется… <и>!

— А как же ее назвать?

— Назовем ее фонема <о>. Ведь под ударением она представлена звуком [о]! А это главная позиция, сильная[12]. В этой позиции фонема <о> отличается от всех других. Ее не спутаешь с другой фонемой.

— Ну, что ж. Я согласен. Пусть будет фонема <о>. У меня сестра Оля есть. Это, значит, в честь Оли.

— И давайте, Иван Семеныч, всегда фонемы называть тем звуком, который эту фонему представляет в сильной позиции — там, где она отличается от всех других…

— Гм! По сильной позиции… Ну, давай. Я не против. Ладно… Уф! Умаялся я с тобой!

Одолели холод

Да, читатель, так и будем называть фонемы: по сильной позиции. Чередуются: *х*[о́]*лод* — *х*[а]*ло́дному* — *х*[ъ]*лода́*. В сильной позиции — [о]. Поэтому все эти звуки, весь ряд — фонема <о>. И в фонемную транскрипцию запишем:

<хол**>

После [л] — тоже чередование: *хол*[о́]*дному* — *хол*[а]*да́* — *хол*[ъ]*дновато*… По сильной позиции — это тоже фонема <о>. Ряд чередований, вы заметили, тот же самый. Пишем:

<холо*>

Дальше — опять чередования: *холо*[т] — *холо*[д]*а*… Где сильная позиция? Там, где есть отличие глухого согласного от звонкого, [т] от [д]. Перед гласным! *Холо*[д]*а́* — *красо*[т]*а́*. В сильной позиции — звук [д]. Значит, это фонема <д>, представленная в сильной позиции звуком [д], в слабой — звуком [т].

О довели это слово! Узнали его фонемный состав:

<холод>.

Вот и вся фонемная транскрипция! Так же устанавливаем:

<холодному>,

<холодновато>.

(Окончание в слове *холодному* проверили так: *большому, седому*…)

На что-то они похожи!

Иван Семенович развел руками:

— Удивительно получилось! Мне эти фонемные транскрипции что-то напоминают! Да, да! На что-то они похожи.

— А что они вам могут напоминать? Вы же раньше не занимались фонемами?

— Напоминают. Дай-ка еще горстку слов, и сделай ее… эту… понимаешь?

— Хорошо. Вот вам: [по́тпʲисʲ], [пътпʲиса́л], [патпʲи́ска].

Полупшённый внимательно уставился на эти слова, медленно шевеля губами, и наконец сказал:

— А ты их без ошибки можешь прочесть?

— Могу.

— Давай!

Я прочел: *подписал, подписка, подпись*. Прочел не буква за буквой, а так, как обычно произносится. Фонетическая транскрипция, которую я дал, передает как раз обычное произношение.

— Умеешь, — сказал с облегчением Полупшённый. — Теперь давай фонемы.

Я написал:

<по*п**>

— Это я, Иван Семеныч, записал фонемы, которые сразу можно определить: они в сильной позиции. Гласный под ударением. Согласные перед гласными.

— Но тут не все фонемы! Тут пропуски! — твердо сказал Иван Семенович и посмотрел на меня испытующе.

— Верно, Иван Семеныч.

Иван Семенович довольно рассмеялся:

— Я же вижу.

— Фонемы в слабых позициях я обозначил звездочками. Теперь надо «поднять» до сильной позиции. Приставка в слове *подпись* произносится [пот]. Звук [т], а фонема какая?

— Вот именно! — сказал Полупшённый. — Тут, понимаешь, дело в фонеме.

— Надо ту же приставку найти в других словах, где для согласного будет сильная позиция.

— Нашел? — деловито осведомился Полупшённый.

— А как же: *подложить, подрубить*…

— Гм! Какая же здесь позиция сильная? Перед сонорными [л], [р].

— Ну уж! Будто она и сильная? Что-то я в ней никакой,

понимаешь, силы не вижу. Некрепкая она, по-моему.

— А вот и сильная: *подложить — отложить, подрубить — отрубить*. Различаются [т] и [д], глухие и звонкие — позиция сильная.

— Слова-то разные. Сам ты дал — *подпись, подписать*, а здесь вдруг — *подложить*.

— Приставка *под-* у всех одна. Это-то и важно. И заметно, что в этом месте — перед сонорными — у нее [д]. А в другой приставке — [т]. Различие! Сила!

— Давай дальше.

— А дальше просто. Остались неясными две фонемы:

<подпʲ**>

Пишет. Под ударением [и]. *Подписи.* Перед гласным — [сʲ]. Вот и конец:

<по́дпʲисʲ>.

И еще: <подпʲи́ска>, <подпʲиса́л>.

(Читатель понимает, какие места подверглись проверке: <подпʲи*к*>. *Подписок; вода*. Последнее слово — для выяснения гласного в окончании.)

Полупшённый покачал головой:

— Ну, удивительно. Просто не верится. Я до сегодня фонемной транскрипции в глаза не видел. Да, не знал ее! Стыдно мне, а не знал! Не попадалась. Но теперь я гляжу на фонемную транскрипцию — и что-то она мне очень напоминает… Прямо — будто это что-то знакомое…

Что могла напомнить Полупшённому фонемная транскрипция?

На что она похожа?

На Полупшённого не угодишь

Полупшённый прислушивался вполуха:

— О чем это ты толкуешь?

— Объясняю, почему *пять* и *пятнадцать, мясо* и *мясной* пишутся одинаково.

— Так это всем известно! Это я еще в школе знал!

— Ну, почему *мясной, пятнадцать*?

— Потому что так правильно.

— А почему правильно? Какой резон? Основание?

— Основание такое, что все так пишут.

— А почему?

— Ну, заладил! Принято. Ясно?

— Я и хочу докопаться, какая причина, что принято так, а не этак, почему решили писать *мясной*… хотя буквы могли быть и другими!

— Могли! Если написать в этом слове другие буквы, ошибка получится. Как ты этого не понимаешь? Пишут *мясной*, потому что только так без ошибок выйдет. Усек?

— Почему так установилось, что одно — ошибка, а другое — нет?

— Во всем порядок нужен. Тебе что, порядок мешает?

— Да ведь интересно, на каких разумных основаниях покоится этот порядок: почему *мясной* — порядок, а «мисной» — непорядок?

— Ну, ты, брат, и скажешь! Да я бы тебя за «мисной» просто в милицию свел! Ведь ты не то, что неграмотный, — нет, ты нарочно!

— Ответь, почему так пишется!

— Указание есть!

— А указание откуда?

— За-мо-лол…

Не мог Полупшённый понять: зачем рассуждать? Пишется так — и все. Незачем искать основания, почему так, а не по-другому.

Очень часто вещи становятся для нас настолько привычными, что сам вопрос: почему так? — кажется незаконным. Почему металлы при нагревании расширяются? Ишь ты! Почему! А что им делать, сжиматься, что ли?.. Однако и на такие вопросы есть ответы.

И именно наука ищет ответы на многие с первого взгляда пустяковые вопросы.

Непозиционные — какие они?

Мы все говорили о позиционных чередованиях. Но, наверное, есть и другие, непозиционные?

Сравним: *ухватить — ухвачу, прокатить — прокачу, колошматить — колошмачу, заплатить — заплачу, взлохматить — взлохмачу, конопатить — конопачу, растратить — растрачу, заметить — замечу, коптить — копчу, засекретить — засекречу, прочертить — прочерчу, встретить — встречу, изрешетить — изрешечу, намагнитить — намагничу, испортить — испорчу, завинтить — завинчу, позолотить — позолочу, переколотить — переколочу, молотить — молочу, воротить — ворочу*… Видите, как много примеров? Разве это не говорит о том, что чередование позиционное?

Позиционное — то, которое не знает исключений. То есть: у всех слов в этой позиции происходит именно такая замена. Вот и определим, какая здесь позиция и какая здесь замена, а потом — с исключениями она или без исключений.

Сформулировать как будто надо так (по-другому не выходит): перед [у] (позиция!) согласный [тʲ] заменяется согласным [чʲ]. Например: *воро*[тʲ]*и́ть — воро*[чʲ]*у́*. Без всяких исключений!

Вот это-то и неверно. *У моей тёти — мою тётю.* То есть: *те*[тʲ]*и — те*[тʲ]*у*. Перед [у] согласный [тʲ] не захотел замениться на [чʲ]. Значит, не повсеместное это чередование. Не для всех слов. И выходит, не позиционное. Вот вам и довод. (Раз!)

Зайдем с другого бока. Подумаем над этим примером. Пожалуй, мена [тʲ] на [чʲ] идет не перед гласным [у], а перед окончанием первого лица глагола. Причина мены не фонетическая, а грамматическая! И значит, сама мена не фонетическая, а грамматическая! До сих пор мы встречались с фонетической позиционной меной — и вдруг набрели на такую, которая не фонетическая. (Два!)

Но даже и в той области, где такое чередование обычно, в формах первого лица оно знает исключение: *ухватить — ухвачу, прокатить — прокачу… посветить — посвечу…* А ну-ка еще: *посвятить — посвящу*. Стоп! Не то чередование! Было: [тʲ] — [чʲ]. Теперь: [тʲ] — [шʲ]. (Буква *щ* передает мягкий долгий согласный [шʲ].) Значит, исключение. Еще возьмем: *проглотить — проглочу*… Но есть и такой глагол: *поглотить — поглощу*. Опять сбой! «Не то» чередование!

Значит, даже в той области, где такое чередование как будто «у себя дома», в глагольной форме первого лица, оно не без исключений. Нет, положительно оно не позиционное. (Три!)

Если оно не позиционное, то оно должно быть связано со смыслом, с передачей значений. Так ли это?

Передали вам записку: «Щуку завтра прокопч»… — а дальше кусок записки оторван. Какое это лицо? Какое было окончание у глагола? Конечно, *у*. Само чередование — [тʲ] заменено на [чʲ] — говорит о том, какое грамматическое значение у глагола.

Вот нарошный, придуманный для опытов глагол: *фуртить*. Как будет первое лицо? Спросите у ста человек, и сто человек ответят: *фурчу*. С чередованием эта форма. И без него не образуется. А раз она всегда сопутствует окончанию *у*, то само это чередование «наливается» значением (как слива, созревая, наливается соком). И глагольная основа *фурч-* уже сама по себе обозначает первое лицо (у глагола *фуртить*). Значит, чередование [тʲ] — [чʲ] у глаголов имеет значение. Поэтому его никак нельзя рассматривать как фонетическое позиционное. (Четвертый довод!)

Старое недоумение

Вы помните, В. К. Тредиаковский недоумевал: почему такая непоследовательность. В словах *могу — мог* не передается чередование согласных (понимаете какое?), а в словах возмогу — возможность — передается. Речь идет о чередовании [г] || [ж]. Тредиаковскому казалось, что есть непоследовательность: пишут *могу — возможность* (передают чередование в корне *мог-* (*мож-*), но пишут: *я могу — я мог* (не передают чередование в том же корне). Что получается? Одни чередования какие-то привилегированные, а другие — золушки, на них не обращают внимания.

Иначе говоря, Тредиаковский отстаивал принцип: писать по звукам, как произносится. Передавать все позиционные чередования. И писать, например, *не могу — не мок*.

Да, вопрос Тредиаковского, глубокий и умный (почему передавать одни чередования и не передавать другие?), так и остался без ответа: пока не пришел Бодуэн де Куртенэ, никто на него ответить не мок… То есть: *не мог*. (Я совсем забылся! Ведь предложение Тредиаковского писать по произношению так и не было принято.)

Но вот создана фонология.

И. А. Бодуэн де Куртенэ ввел понятие позиционного чередования. Отличил их от непозиционных. Теперь — только теперь — стал ясен ответ на вопрос Тредиаковского, заданный в XVIII веке.

Позиционные чередования на письме не передаются. Они не связаны со значением. Не может быть так: не обозначили какие-то позиционные чередования — и какое-то значение оказалось непереданным.

А непозиционные чередования непременно надо передать на письме. Не передашь — глядь, какое-то значение утекло меж пальцев. Не передано. Или передано неясно.

Крепкий сн

Посмотрим, как действительно получится с непозиционными чередованиями.

Очень часто в русском языке гласный чередуется с отсутствием гласного: *сон — сна*. Называется: беглый гласный. Здесь звук не сменяется с поста, а убегает без всякой замены (потому, наверное, и называется — беглый). Но все равно есть чередование: нечто чередуется с ничем. Солдат настоящий — с поручиком Киже. (Знаете такого героя повести Ю. Н. Тынянова?)

Чередование Это позиционно: нет фонетических условий, в которых [о] непременно должно исчезать.

Можно ли не передавать этого чередования, то есть писать корень *сон — сн* всегда одинаково: либо во всех случаях *сон*, либо — постоянно *сн*? Последнее как-то особенно дико. «Будильник прервал его сн». Так ведь и читается: *сн*, а не *сон*. Или: «Какой длинный днь!» Нет таких слов: «сн», «днь». Пожалуй, подумают, что это аббревиатура — сложносокращенное слово.

Но и *сон, день* нельзя писать во всех случаях: «Говорили ему сто раз на деню», «Не надо терять ни одного деня», «Я ночь провел без сона»… Нехорошо.

Значит, надо писать: в одних случаях *сон*, в других *сн* и т. д. Да иного мы и не должны были ожидать: непозиционные чередования трудятся; они связаны со значениями, они их передают… Пренебрегать ими — затруднять понимание текста.

Если в слове основа *сн*, то это уже указание на косвенный падеж, а вы не хотите обозначать буквами непозиционные чередования!

— Почему, — спрашивает В. К. Тредиаковский, — в одних случаях обозначают чередования, а в других — нет?

Потому, — отвечаем мы, вооруженные фонологией, — что в одних случаях чередования позиционные, в других — непозиционные. Обозначать буквами надо только непозиционные чередования. Вы согласны?

Молчит Тредиаковский, замечательный русский ученый. Он — в своем XVIII веке. Какая даль времен! Не слышит он нас.

Полупшённый ворчит

Полупшённый ворчит: Ишь ты, придумали: то у них позиционные чередования, то, видишь, непозиционные! А я вот всю жизнь их не различаю — и мне хоть бы что! Пустяки все это. Мне это не нужно.

А тут ему телеграмму приносят: «Есть возмогность окажать вам помогь. Напишите, в чем вам нужено помогь»!

Полупшённый просто задрожал от негодования:

— Эт-то что такое?! Испортили русский язык! Искалечили!

Иван Семенович Полупшённый не должен был сердиться. Кто-то пошутил. Он, Полупшённый, заслужил такую шутку.

Позиционные чередования (и только они) не передаются нашим письмом. То есть: звуки разные, они чередуются, а мы пишем одно и то же, будто чередования никакого нет! Полупшённый не хочет различать позиционные и непозиционные чередования? Ладно! Пусть сам пеняет на себя. Пусть для него все чередования не будут приниматься во внимание, например в телеграмме.

Слова *возможность* и *могу* — однокоренные! — будем писать одинаково, то есть сохраняя в корне один и тот же ряд букв. Так и появилась «возмогность». А почему там два раза какая-то «помогь»? Это разные слова. В одном случае — *помощь*, в другом — *помочь*. Эти слова отличаются только чередованием [шᵇ] — [чᵇ]. А мы, в угоду Полупшённому, его не передаем!

Как разобиделся Полупшённый! «Я, — говорит, — покажу, как надо мной шутить… Непонятные посылать телеграммы… Что это за «помогь»?» А это, Иван Семеныч, просто-напросто *помощь*. А во второй раз — *помочь*, глагол. Есть непозиционные чередования: *помогу* — *помочь* — *помощь*. Мы не обращаем

внимания на чередования, и для всех случаев избрали букву *г*. Как будто эти чередования — позиционные. Которые не передаются. Вы ведь не хотите, Иван Семеныч, отличать те и эти чередования? Ну, мы вас и послушались. И те, и другие на письме не передаем. Нехорошо ведь получилось, а?

Задумался Полупшённый. Насупился.

Если звуки разные

Слова *помощь* и *помочь* отличаются (на письме) только буквами *щ* и *ч*. Буквы передают чередование [чь] — [шь]. Мы (в телеграмме) убрали чередование — перестали они различаться, два разных слова!

Но это и не диво: ведь сказано, что непозиционные чередования связаны с различением смысла, то есть с различением слов, имеющих разный смысл. Из этого прямо вытекает, что пренебречь такими чередованиями — значит встретиться с неразличением смысла, то есть с неразличением разных слов.

Верно ли, что [чь] — [шь] в словах *помощь — помочь* чередуются непозиционно? То есть: не по велению двух разных позиций… Откуда это следует? Из того, что они встречаются в одной позиции: на конце слова.

А мы их пересчитаем!

Итак, всякое различие между звуками — либо/либо: или оно определяется позицией, или оно определяется назначением звуков языка — тем, что они различители[13]. Положим, позиция одна и та же. Если одна и та же, то и влияет одинаково. Если в одной и той же позиции два разных звука, то, значит, их различие не позицией обусловлено, а их языковой сутью — различительной. Фонемной.

Постойте-ка. Давайте подумаем. Выходит так… Вот два слова: *так* и *ток*. Звуки разные: [а], [о] в одной позиции. Разница — не потому, что позиции отличаются, разница — потому, что звуки сами по себе разные. Представляют разные фонемы.

Значит, если два звука в одной позиции, то они принадлежат двум разным фонемам? А если три звука в одной позиции (*так* — *ток* — *тук*), то они представляют три разные фонемы?

А если в какой-либо позиции окажется возможным 20 звуков, то они представляют 20 фонем?

Тогда мы вот что можем сделать… Найдем позицию, где согласных больше всего. Пересчитаем их. Они представляют разные фонемы. Подсчитав их, мы, значит, узнаем, сколько согласных фонем в русском языке. А нам это нужно: узнав, сколько фонем и какие они, мы потом посмотрим, как они переданы буквами.

Их как будто 34

Где различается наибольшее количество фонем? В какой позиции согласные фонемы чувствуют себя наиболее привольно? Какая позиция их нисколько не угнетает? Положение перед гласным. Возьмем позицию перед ударным гласным [а].

Слева пишу пример (один из числа очень многих). Передача — орфографическая. Следующий столбец — тот же пример, но фонетической транскрипцией выделена часть слова, которая нас интересует: согласный в сочетании со следующим ударным [а́]. Наконец, самый правый столбец выделяет тот согласный, который мы и хотим «пересчитать».

Есть такая сказка. Дед Мороз решил пересчитать всех зайчат. Один зайчонок очень обиделся, прибежал к маме, плачет, жалуется: «Мама, он меня пересчитал!» Еле-еле успокоила его зайчиха.

У нас согласный в третьем столбце, наоборот, с гордостью говорит: «Меня уже пересчитали!» А какая причина у него гордиться — об этом потом узнаем.

Вот она, таблица:

тупа	*ту*[па́]	па	п
тупя (дееприч.)	*ту*[пʲа́]	пʲа	пʲ
труба	*тру*[ба́]	ба	б
трубя	*тру*[бʲа́]	бʲа	бʲ
графа	*гра*[фа́]	фа	ф
графя	*гра*[фʲа́]	фʲа	фʲ

трава	*тра*[ва́]	ва	в
травя	*тра*[вʲа́]	вʲа	вʲ
(дееприч.)			
тома	*то*[ма́]	ма	м
томя	*то*[мʲа́]	мʲа	мʲ
крута	*кру*[та́]	та	т
крутя	*кру*[тʲа́]	тʲа	тʲ
вода	*во*[да́]	да	д
водя	*во*[дʲа́]	дʲа	дʲ
коса	*ко*[са́]	са	с
кося	*ко*[сʲа́]	сʲа	сʲ
гроза	*гро*[за́]	за	з
грозя	*гро*[зʲа́]	зʲа	зʲ
лица	*ли*[ца́]	ца	ц
вина	*ви*[на́]	на	н
виня	*ви*[нʲа́]	нʲа	нʲ
бела	*бе*[ла́]	ла	л
беля	*бе*[лʲа́]	лʲа	лʲ
спеша	*спе*[ша́]	ша	ш
треща	*тре*[шʲа́]	шʲа	шʲ
дрожа	*дро*[жа́]	жа	ж
визжа	*ви*[жʲа́]	жʲа	жʲ
свеча	*све*[чʲа́]	чʲа	чʲ
гора	*го*[ра́]	ра	Р
горя	*го*[рʲа́]	рʲа	рʲ
моя	*мо*[ја́]	ја	j
рука	*ру*[ка́]	ка	к
нога	*но*[га́]	га	г
суха	*су*[ха́]	ха	х

Итого — 34 согласных различителя. Ни больше, ни меньше. А если посчитать перед другим гласным?

Их, несомненно, 34!

Например, перед ударным [о]? Опять посчитаем:

поезд	[по́]*езд*	по	п
пёк	[пʲо]*тс*	пʲо	пʲ
бок	[бо]*к*	бо	б
бёдра	[бʲо́]*дра*	бʲо	бʲ
фон	[фо]*н*	фо	ф
фефёла	*фе*[фʲо́]*ла*	фʲо	фʲ
воск	[во]*ск*	во	в
вёл	[вʲо]*л*	вʲо	вʲ
мост	[мо]*ст*	мо	м
мёрз	[мʲо]*рз*	мʲо	мʲ
тот	[то]*т*	то	т
тёк	[тʲо]*к*	тʲо	тʲ
дом	[до]*м*	до	д
дёготʲ	[дʲо́]*гот*ʲ	дʲо	дʲ
соты	[со́]*ты*	со	с
весёлый	*ве*[сʲо́]*лый*	сʲо	сʲ
зов	[зо]*в*	зо	з
козёл	*ко*[зʲо́]*л*	зʲо	зʲ
лицо	*ли*[цо́]	цо	ц
нос	[но]*с*	но	н
нёс	[нʲо]*с*	нʲо	нʲ
лом	[ло]*м*	ло	л
лёд	[лʲо]*д*	лʲо	лʲ
хорошо	*хоро*[шо́]	шо	ш
ещё	*е*[шʲо́]	шʲо	шʲ
ожог	*о*[жо́]*г*	жо	ж
вожжой	*во*[жʲо́]*й*	жʲо	жʲ
плечо	*пле*[чʲо́]	чʲо	чʲ
рот	[ро]*т*	ро	р
рёв	[рʲо]*в*	рʲо	рʲ
ёж	[jo]*ж*	jo	j
кот	[ко]*т*	ко	к
год	[го]*д*	го	г
ход	[хо]*д*	хо	х

Опять их 34, и они те же самые! Совпадение это не случайно.

Почему звуки языка нельзя сосчитать?

Говорят, что ни один человек на всем протяжении своей жизни не произнес дважды один и тот же звук… Совсем как у Гераклита: нельзя дважды войти в одну реку. Помните? Звуковая стихия — река, постоянно изменчивая. Сказал: *а*! (вошел в реку) и повторил: *а*! (захотел снова войти в ту же реку, в те же волны ее). Кажется, звук один и тот же.

Но запишем эти два *а*! с помощью точных аппаратов. И как мы ни старались, чтобы звуки были точь-в-точь, они все-таки вышли разные. Скрупулезный анализ нашей записи покажет, что и длительность звуков не совсем одинакова, и громкость разная (хоть чуть-чуть, но разная), и составные звука — форманты — имеют не тождественную силу и частоту.

Если у одного человека звуки бесконечно разные, то еще больше разных звуков у двух, у трех, у множества людей. Звуки человеческой речи бесконечно разнообразны, их не пересчитать.

Ответы совпали

Раз-два-три-четыре-пять…
Вышел зайчик погулять.
Зайцев нынче не стреляют,
А считают их, считают…

(Считалка)

Фонемы сосчитать можно. Произнесем слово *вода*. Произнесем еще раз это слово. Мы дважды произнесли [а], ударный гласный. И кончено, они, эти [а] не совсем тождественны. А фонемы? Различители слов? Звуки-то разные, а слово одно. Значит, и фонема одна. Если различия в звуках не приводят к различению слов — фонема та же самая.

Фонемы — различители, это надо помнить. Если два звука неспособны различать слова, нельзя считать их разными фонемами.

Поэтому фонемы можно сосчитать, сколько их в языке. Столько, сколько различителей. Различителей надо «захватить» в одной позиции.

Взяли мы позицию для согласного перед ударным [а]. Спросили: «Позиция-позиция, скажи, сколько перед тобою может быть различителей?» «34», — уверенно и четко отвечает позиция. Взяли другую позицию: перед ударным [о]. А здесь сколько? Опять 34. Случайно совпало? Нет. Мы спрашиваем, сколько фонем в русском языке XX века. Два источника дают один и тот же ответ. Очевидно, потому, что согласных фонем в современном русском языке действительно 34. Совпадение двух ответов говорит о том, что число их определено правильно. Ответ надежный.

Снова про зайца

Зайчонок обиделся, что его сосчитали, а фонемы не обижаются. Почему?

Звуки речи — проявление стихии. На берег набегают волны с пенистыми гребешками. Определите, сколько разных типов пенистых гребешков у этих набегающих волн. Вряд ли ваши подсчеты будут особенно твердыми и уверенными.

Фонемы — считаемы, потому что они проявление языковой системности, законообразности, целенаправленной организованности.

Они считаемы — это свидетельство, что они единицы языка. Фонемы гордятся этим. Еще бы! Быть единицей языка!

Ровно пять

Теперь посчитаем гласные фонемы.

Поступим так же, как с согласными фонемами. Найдем позицию, где гласных больше всего, пересчитаем их всех — столько и гласных фонем в языке.

Больше всего гласных под ударением: 5. Смотрите:

Дыша́. Гласный [а].

О лапше́. Гласный [э].

Хорошо́. Гласный [о].

Прошу́. Гласный [у].

Камыши́…

Вы думаете, гласный [и]? Нет, [и] после твердых согласных быть не может. А у нас согласный [ш], твердый. Послушайте, что произносится: *камы-ы-ыш*[ы]… Ударный гласный такой же, как предударный. Это [ы].

Может быть, вы хотите послушать, что произносится под ударением в слове *о лапше*? Протяните последний, ударный гласный. Вытяните его прямо, как рельсу. Что вы тянете? Что вы произносите так протяжно? Вы [э — э — э — э] произносите. Теперь поверили?

Итак, 5 гласных: [а — э — о — у — ы].

Возьмем теперь такую позицию: тоже под ударением, но между мягкими согласными: *пять — петь — пить — тётя — тюль*. Какие здесь гласные? Читатель, пожалуй, скажет: гласные *я — е — ё — ю*. Но я спрашиваю о звуках, а вы мне отвечаете о буквах.

Чтобы узнать звуки, поступим так: протянем гласные звуки. Длинно, протяжно произнесем. Например, слово пять. Ну-ка, начали: *пя*… Еще, тяните… Что вы слышите? Вы тянете [а — а]… В слове *петь* протягивается гласный [э], в слове *тётя* — гласный [о], в слове *пить* — гласный [и], в слове *тюль* — гласный [у].

Итак, снова 5 гласных [а — э — о — у — и].

Мы испортили гласные

Бывает так: попадется в руки какой-нибудь механизм — часы, заводной автомобиль-игрушка, машинка для выжимания сока, — хочется посмотреть, что внутри, как устроен прибор. Посмотрели, пробрались ему в середку — поняли, как он устроен. Понять — поняли, а прибор больше не работает.

Так мы испортили сейчас гласные. Мы захотели узнать: что внутри слова *пять* (и других), какой гласный? Стали тянуть. От этого гласный испортился.

Мягкие влияют на гласный. Они его преобразуют. В слове [пʲатʲ] гласный стоит между мягкими согласными, и поэтому [а] здесь уже не совсем [а].

А мы что сделали? Мы произнесли: [пʲ-а-а-а-а-атʲ]. Протягивая [а], мы растолкали этим самым [а] окружающие мягкие согласные, уменьшили их влияние на гласный, а середина гласного, которую мы главным образом и слушали, оказалась совсем вне влияния мягких соседей. Значит, мы не получили точного представления, что произносится в слове *пять* и других.

Не будем тянуть. Кратко произнесем: *пять*. Ох, и трудно же расслышать, какой звук произносится.

Но нам помогут аппараты. Запишем, например, осциллографом слово *пять*, вырежем из осциллограммы гласный и снова запись превратим в звук. (Осциллограммы можно озвучивать.) Послушаем вырезанный звук отдельно.

Очень странный! Средний между [а] и [э]! Такой, как в английских словах cat [kæt], map [mæp]. Мы и не знали, что его произносим. Не догадывались, что умеем: [пʲätʲ].

Точно так же произносим: [пʲӭтʲ] — с гласным [ӭ] «закрытым», [тʲötʲа] — с гласным [ö], похожим на немецкое «о-умляут», [тʲўлʲ] — с гласным, похожим на «у-умляут». Только [и] произносится между мягкими так же, как и между паузами. Скажите: [и]. Ну, вот так примерно произносится [и] между мягкими согласными. Иначе говоря, на [и] положение между гласными не влияет.

Почему им удалось спрятаться?

Как же случилось — произносим звуки и сами не знаем, что произносим?

Это потому, что [ä] — позиционное изменение [а]. В положении между мягкими согласными [а] сменяется с поста, его место занимает [ä]. А ведь уже говорилось, что мы не замечаем позиционных замен, знать о них не хотим.

И есть причина: позиционные чередования не связаны с передачей смыслов, с различением слов. Ах, так — не хотите различать слова, не хотите работать, такое важное дело выполнять — тогда и мы на вас, на чередования, и внимания не обращаем!

Разгадайте загадку: есть два слова. В одном гласный [а], в другом — [ä]. Есть ли другие различия между звуками этих слов?

Несомненно, есть. Звук [ä] стоит всегда между мягкими согласными. Наоборот, звук [а] их не переносит. Значит, два эти слова отличаются, кроме [а — ä], еще и согласными. Ясно? Различие [а — ä] — следствие других различий. Согласные разные — и поэтому гласные разные. Мы не обращаем внимания на следствие, все внимание — причине. Вот и не различаем [а — ä].

Иностранцы иногда говорят: [пьатьа], [тьóтьа] — с «настоящими» [а] и [о]. И что же, понятны слова? Понятны! Мы в таком произношении слышим что-то необычное, «акцент», но слова понимаем. Потому что [а — ä] не связаны сами по себе с различием слов; они ведь позиционно чередуются.

Итого

Итак, у нас есть такие гласные.

Под ударением, после твердого согласного, перед паузой:

[а — о — э — ы — у].

Под ударением, между мягкими согласными:

[ä — ö — ӭ — ӣ — ӱ].

Гласные [а — ä] — позиционно чередуются, и поэтому они составляют одну фонему: [а]||[ä] = <а>. Это фонема <а>.

Гласные [о — ö] — позиционно чередуются, и поэтому они составляют одну фонему: [о]||[ö] = <о>. Это фонема <о>.

Гласные [э — ӭ] — позиционно чередуются, и поэтому они составляют одну фонему: [э]||[ӭ] = <э>. Это фонема <э>.

Гласные [и — ы] — позиционно чередуются, и поэтому они составляют одну фонему: [и]||[ы] = <и>. Это фонема <и>.

Гласные [у — ӱ] — позиционно чередуются, и поэтому они составляют одну фонему: [у]||[ӱ] = <у>. Это фонема <у>.

В русском языке 5 гласных фонем.

И 34 согласных.

Всего — 39.

Но тут…

Хотел было я продолжать, но тут меня перебивает И. С. Полупшённый. Звучит его укоризненный, пресно-указательный голос:

— Нехорошо у тебя получилось! Как-то несоответственно…

— Что же нехорошего? — встревоженно спрашиваю его.

— А у тебя русский язык, выходит, состоит из чужих, из привозных звуков. То они немецкие, то они английские… Французских еще не хватало…

— Так вот, в слове *тюль*, слышишь? *Тюль* — [ÿ, ÿ]… тот же гласный, что во французском слове tu.

— Опомнись! Что ты говоришь? Где же твоя любовь к родному языку? Ты готов все наши родные звуки раздать кому попало! Или тебе не свойственна эта положительная черта всякого нравственного человека — культурно любить свой язык?

— Я его люблю!

— «Люблю». Я не оказываю тебе ни малейшего доверия. Любишь, а наши собственные звуки — все у тебя чужие? Пользуйся ими, кто хочет!

— Наш язык своеобразен, но его…

— Звуки неизвестно чьи, все зарубежные, и вдруг — своеобразен! Это ты необоснованно вывел. Ты лучше упрись на том, что все звуки, особенно [ы], ну и другие, составляют наше исконное достоинство и богатство.

Я хочу словечко вставить, я и так, я и этак. И система фонем в русском языке своеобразна, и позиционное варьирование — такое, которого ни в одном другом языке нет. Вот где своеобразие. А звуки в разных языках бывают похожи друг на друга…

Не слушает.

Ушел, хлопнув дверью.

— Я, — говорит, — на тебя буду жаловаться в служебном порядке.

«Докудова разность…»

Сравнишь системы фонем в разных языках и поневоле вспомнишь эти слова Козьмы Пруткова (перечитайте его смешные сочинения). Даже если есть похожие звуки, законы их объединения в фонемы очень различны.

У нас есть [ÿ], и у французов — такой же звук. Но позиционные системы разные. У нас звук [ÿ] — непременно между мягкими. Мы так его и усвоили: он — зависимая единица, почва для его произрастания — мягкие согласные по бокам гласного. А у французов очень похожий звук вовсе не зависит от мягких согласных. Такая у него доля во французском языке.

Попробуйте произнести этот гласный без всякого окружения. Надо настроиться на произношение обычного [у], но сдвинуть язык вперед, в положение для [и]. Или — по-другому: язык приготовьте для произношения [и], но округлите губы. Получится тот же звук. Попробуйте, скажите: тютелька в тютельку… Под ударением произносите [ÿ]. Вам это удастся без особого труда. А теперь произнесите звук [ÿ] в позиции, когда вокруг нет мягких. Например, в сочетании *ту*. Если привычка к французскому или немецкому произношению не усвоена вами, то пересадка [ÿ] в непривычную почву произойдет с трудом. (Надо следить, чтобы перед [ÿ] не произносить мягкий [тʲ]!)

В английском языке есть гласный [æ], очень похож на наш [ä]. Но у нас этот звук вызван соседними согласными — мягкими! — а в английском ему не нужны никакие соседи — он сам по себе. И легко уживается с твердыми согласными. И снова: трудно нам произносить этот звук в непривычных условиях.

Возьмите зеркало. Посмотрите, как вы произносите слова *то, ту*. Гласные [о], [у] — лабиализованные, «огубленные». Требуют, чтобы губы были трубочкой. Но — смотрите в зеркало — губы округляются уже при произношении согласных. Мы как бы забегаем вперед: еще не пришло время для [о] (или [у]), а мы приготовили губы для этих звуков, округлили их. Выходит, округление губ при произношении согласных вызвано позицией. Мы произносим [тᵒ], потому что этот согласный стоит перед [о] и [у].

Хочется сказать: разница-то ничтожная. Что [т], что [тᵒ] — одно и то же, пожалуй, и не услышишь, чем они непохожи друг на друга. Так-то оно так…

Вот до чего!

А в абазинском языке различие между огубленными согласными и неогубленными не зависит от следующего гласного. Звуки [ж] и [жº], [ч] и [чº], [к] и [кº], [г] и [гº], нелабиализованные и лабиализованные, появляются перед одним и тем же гласным, например перед [а]. В одном слове перед [а] может быть [к], в другом — [кº]. В одной позиции могут быть и лабиализованные, и нелабиализованные. Следовательно, в этом языке они — разные фонемы, полноценные различители. И что же? Оказывается, абазинцы их прекрасно различают на слух. И легко отличают [к] от [кº], [г] от [гº] и т. д.

Оказывается, сами оценки: «звуки похожи друг на друга», или «очень мало различаются», или «хорошо различаются» — зависят от языка. Если в абазинском языке лабиализованные и нелабиализованные согласные — смыслоразличители, то для абазинцев они совсем разные звуки. В русском языке эти же согласные «неразличители», сами без помощи гласного они не различают слова — поэтому разница между ними признается несущественной.

Убедитесь сами, что разницу между, например, [к] и [кº] легко услышать. Произносите то [к], следя, чтобы губы не округлялись, то [кº] — с округленными губами. Пусть ваш приятель не смотрит на вас, отвернется и угадывает: откуда [к] — из слова *как* или из слова *кок*. Он очень быстро (или, может быть, не так уж быстро) научится различать эти два звука.

Вот до чего различны бывают звуковые системы языков!

С растяжкой и без растяжки

Произнесем: *рада*. Коротко. Отрывисто. Потом: *ра-ада*… С первым [а] долгим, протяжным. Получилось другое слово? Или то же, что раньше? А ну-ка, еще попробуем. *Рада!* Ясно, что она (девочка) чему-то радуется. Такой смысл у слова. А теперь — с долгим, долгим первым [а]: *ра-а-а-ада*… Другое слово? Какой смысл? Смысл тот же: девочка чему-то радуется. И как бы мы ни растягивали гласные, новых слов, с особым значением, от такой растяжки не получится. Так в русском языке.

Спросим чеха. *Рада* — это что? Ну, он объяснит, что как и в русском, — это краткое прилагательное, значит, кто-то (и именно: девочка) испытывает чувство радости. Все, как у нас. Спросим: а *ра-ада* (с долгим [а]) — это что? «Это, — отвечает чех, — совсем другое слово. Обозначает: ‘совет’». (Вы, может быть, знаете, что и в украинском языке *рада* — ‘совет’.) Другое слово, и — видите — значение у него другое.

В чешском языке долгие и краткие гласные — различители. Поэтому для чеха [а] (краткий гласный) и [ā] (долгий гласный) — разные звуки.

Пас — передача мяча игроку своей команды. «Удачный пас!» —можно сказать, смотря, как играют в футбол. А если так: «Уда-а-ачный па-а-ас!».. Слово все равно то же самое с тем же смыслом. Растянув гласные, мы, может быть, передали свое удовольствие, свое удовлетворение игрой, но слова как были, так и остались те же.

В чешском не так: *pas* (краткий гласный [а]) — ‘паспорт’, *pas* (долгий гласный [ā]) —‘пояс’. Разные слова!

От чего зависит: признаем мы два звука одной и той же, языковой единицей или двумя разными? От того, как они работают. Если различают слова — мы их считаем разными. Не различают — одним и тем же словом.

В разных языках — разные системы фонем. Значит, и вопрос, что надо передавать отдельной буквой (или сочетанием букв), в каждом языке решается по-своему. В русском языке нет смысла по-разному обозначать [т] и [т^{o}]. И для того, и для другого звука хватит буквы *т*. А в абазинском языке для [т] и [т^{o}] нужны разные буквенные обозначения.

В двадцатых годах в нашей стране шло бурное созидание письменностей — для народов, которые были лишены до революции этого блага — письма.

Хорошо, что к этому времени в нашей стране была создана теория фонем. На ее основе и строились новые системы письма.

Во главе ученых — создателей письменности был Николай Феофанович Яковлев. При его участии было создано около 70 письменностей для народов Советского Союза. Семьдесят! Такого подвига не знает вся история культуры.

Вот кто повелевает буквами!

Снова сравним: *роза — роз*. Согласные звуки в конце корня — разные. Фонема одна и та же. Букву пишем одну и ту же — *з*.

Еще сравним: *рожа — рож*. Звуки в конце основы — разные: *ро*[ж]*а — ро*[ш]. Фонема одна и та же (понимаете — почему?). Букву пишем одну и ту же: *ж*.

Наконец, такое сравнение: *роза — рожа; роз — рож*. Фонемы разные, и буквы пишем разные.

Так вот кто повелевает буквами, вот кто велит писать одинаково *роза — роз*, — фонема!

Слабая, но коварная

Совпали

Согласных фонем 34. Все они различаются перед гласными. Но, если так упорно говорится: перед гласными, значит, не всегда они все различаются? Что с ними бывает, когда они различаются не^ все? Посмотрим, как они себя поведут, если мы их поставим не перед гласными. Например, в конце слова — перед паузой.

Паровозы, пылесосы. Перед гласными ясно слышно: то [з], то [с]. А теперь — пожалуйте на конец слова: *паровоз, пылесос*. Одинаково произносится [с]!

Козы — коз. Косы — кос. Пока перед гласными — слышно, что согласные разные. А попали на конец — в обоих случаях слышно [с].

Лесорубы. Землекопы. Лесору[п]. *Землеко*[п]. Перед гласными: [б] и [п]. Разные звуки. А на конце — один и тот же. Совпали!

Фонемы могут различаться перед гласными и совпадать друг с другом, не различаться на конце слова!

Сродни

В русском языке есть два ряда звуков.

[б], [в], [д], [з], [ж], [г]

[п], [ф], [т], [с], [ш], [к] …

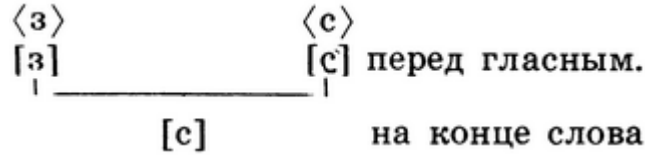
Вверху — звонкие. Внизу — глухие. Звонкие произносятся «с голосом» — голосовые связки в гортани дрожат. Глухие без голоса — голосовые связки не дрожат. Вы это знаете. В каждой паре верхний согласный отличается от нижнего только звонкостью. Других отличий нет. Верхний и нижний — наиболее близкие родственники. А попадут на конец слова — тут их родство переходит все границы: они уже не просто родственники, они друг с другом отождествляются, сливаются, перестают различаться!

Значит, не просто какие угодно звуки сливаются, а определенные: звонкий и парный с ним глухой. Не могут слиться, например, [з] и [к]. Хотя [з] звонкий, а [к] глухой, да один другому не пара. Пары [з — с] (сливаются!) и [г — к] (тоже сливаются!).

Хотите для наглядности картинку? Вот она:

Два ряда скрестились

Коза. Перед гласным — [з].
Стадо ко[с]. На конце слова — [с].
Это фонема <з>.
Коса. Перед гласным — [с].
Острых ко[с]. На конце слова — [с].
Это фонема <с>.
Можно поведение этих двух фонем изобразить так:

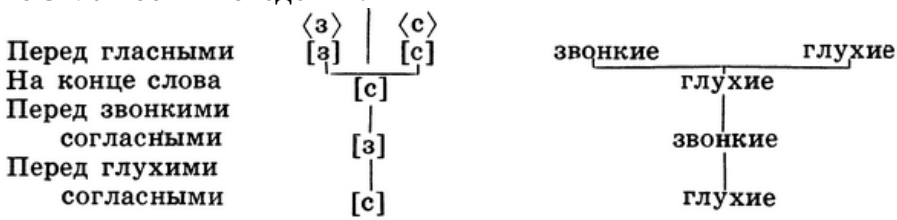


Две фонемы — два ряда позиционно чередующихся звуков — скрестились, совпали в одном звуке.

Продолжим наши наблюдения. Перед звонким согласным (з) и (с) тоже совпадают в звуке [з]. И перед глухим согласным они совпадают в звуке [с]. Убедитесь на примерах: *Парочку ко*[з] *бы завести — молочка попить! Парочку острых ко*[з] *бы купить к сенокосу…*

Ко[с]*-то уже поить пора. Ко*[с]*-то для сенокоса у нас хватит.*

Но совпадают не только согласные [з] и [с]. Совпадают все звонкие и глухие фонемы. Поэтому мы так можем обобщить то, что знаем об их поведении:



Из таблицы видно, что есть позиции, где фонемы различаются. Для звонких и глухих фонем это позиция перед гласными. И есть позиции, где фонемы не различаются. Для звонких и глухих фонем это позиции на конце слова, перед звонкими согласными и перед глухими согласными. Позиции различения будем называть **сильными**. Позиции неразличения **слабыми**.

Неразличение фонем в определенных позициях — это их нейтрализация. Будем использовать это название.

Где можно сделать ошибку?

В паспорте одного гражданина записана его фамилия: *Ускурупкин*. Где можно сделать ошибки?

Продиктуйте эту фамилию своему приятелю, пусть напишет. Он может написать правильно, как в паспорте: *Ускурупкин*. Но он может написать и так: *Узкурубкин*. Не потому, что он не расслышал: слышал, а написал вон как!

Почему он так написал? Потому что *Ускурупкин* и *Узкурубкин* читаются и произносятся одинаково. Помните? Перед глухими [с] и [з] произносятся одинаково. Услышать, как писать: *Уз*… или *Ус*… — нельзя. Вот откуда и ошибка!

Заметьте: ошибки там, где звонкие и глухие не различаются. Где слабая позиция.

Продавец на улице торгует с лотка ананасами. Не надеясь на догадливость покупателей, Положил бумажку: «Заграничный фругт ананас». С *ананасом* справился, а в слове *фрукт* — ошибка. Что ж он, не слышал, что ли, как все говорят: *фрукт*? Слышал, да нельзя по произношению решить, что пишется — *кт* или *гт*. В школе этого продавца, видно, плохо учили. Двоечник был.

И покупатели недовольно ворчали, отходя от лотка: «Сам он фрукт». Невежливо, конечно. И непонятно, что они ворчали: *фрукт* или «фругт»? Может быть, хотели передразнить его записку и по замыслу у них был «фругт»? Но неизвестно. По исполнению все равно *фрукт*.

А почему? Потому что не умеем мы произносить [гт]. Ни разу в жизни не приходилось это делать. Умеете вы, раскачиваясь на трапеции, держать в зубах штырь, на котором крутится ваш товарищ? Не умеете, потому что не приходилось вам этого делать. Не хватает практики. (Может быть, кто-нибудь из читателей и умеет, и даже любит так делать, так ведь у него практика большая!) А произнести [гт] — это то же самое: попробуй, если никогда не делал!

Почему же нам никогда не приходилось произносить [гт]? Нейтрализация! Перед глухим [т] парные согласные [к] и [г] нейтрализуются, оба становятся согласным [к]. Всегда во всех словах. Непреложный закон нашего языка. Без всяких исключений. Не произносим сочетания [гт], потому что в нашей речи оно всегда заменяется сочетанием [кт].

Где же возможны ошибки? В слабых позициях. В позициях нейтрализации…

Ошибки и описки

Жил на свете затейник. Очень любил ошибки делать. Как только есть возможность — непременно сделает. В жизни своей ни одного случая не пропустил. Переписал он из сказки Пушкина такие строчки:

Белка песенки пое**т**
Да оре**ш**ки **в**сё грызе**т**,
А оре**ш**ки не про**с**тые,
Всё **с**корлу**п**ки золотые,
Ядра — чи**с**тый изумру**д**;
Слуги белку **с**терегу**т**,
Служа**т** ей прислугой разной —
И приставлен дья**к** приказный
Строгий **с**че**т** орехам ве**с**ть;
О**т**дае**т** ей вой**с**ко че**с**ть;
И**з** скорлупо**к** лью**т** монету,
Да пу**с**кают **т в** ход по свету…

Где подчеркнуто, наш затейник ошибку сделал. Он, я уверен, и гласные, где только мог, написал неправильно. Но сейчас мы на гласные обращать внимание не будем.

Где же затейник ошибки-то сделал? Давайте поймем, что такое орфографическая ошибка. Вот кто-то написал вместо *пиджак* — «спинжак». Это орфографическая ошибка? Нет, языковая. Написавшего надо учить не орфографии, а языку — культурному, нормативному, литературному языку. Он должен научиться правильно произносить слово *пиджак*. Как только научился (*пиджак, пиджаку*…) — перестанет писать «спинжак».

От орфографической ошибки надо отличать описку. Если я вместо *Я иду в кино* написал: «Я ину в кино», то у меня не ошибка, а описка, то есть рука пошла не туда, куда нужно. Если я внимательно прочитаю текст, то и без всяких орфографических правил найду описку. Ошибку я могу не заметить, даже если много раз перечитаю текст. Чтобы исправить описку, нужно внимание. Если я делаю много описок, надо укреплять внимание. Чтобы исправить ошибку, надо знать правило правописания. Если я делаю много ошибок, надо заняться правилами орфографии, научиться их с толком применять.

Теперь ясно, где должен был затейник учинить ошибки. Там, где буквы подчеркнуты, он мог написать «противоположную»

букву. Помните два ряда звуков, звонких и глухих? (Смотри с. 78.) Они парные. И у каждого звука своя буква. И только именно эти буквы подчеркнуты — буквы парных согласных. Каким способом затейник делал ошибки? Он вместо нужной буквы писал парную!

Легкое средство делать ошибки

Встретилось слово *изумруд*. А затейник взял и написал в конце букву *т!* И с этой буквой слово читается правильно. Конец слова — позиция нейтрализации. Нельзя произносить, что хочешь: [т] или [д]. Хочешь — не хочешь, а произнесешь [т]. Поэтому писать можно любую букву: [т] или [д], произношение их будет одинаковым. Вот наш затейник и старается: пишет не букву нужной фонемы, а букву другой, совпавшей! Это и называется орфографическая ошибка: нарушено правило письма, а звучащее слово не испорчено: прочтешь слово с орфографической ошибкой — звучит верно.

Грызет. Подчеркнуто *т*. Неужто здесь можно сделать ошибку, *д* написать? Конечно, уважающие себя ученики здесь обычно не ошибаются. Окончание глагола! На каждой странице каждой книги встречается десятки раз. Как не запомнить! Самый нерадивый ученик быстро запомнит: *идет, приплясывает, бегает, кричит, видит, вертит, ходит* — все с буквой *т*. Но в младших классах ошибка возможна: возьмут и напишут *грызет* с буквой *д!*

И это будет именно ошибка, а не описка. Слово в своем звучании не испорчено, читается верно. А написано неправильно, потому что нарушен орфографический закон о правописании глаголов.

Пробежим снова глазами отрывок из «Сказки о царе Салтане». Где же возможны ошибки? На конце слова. Перед звонкими согласными. Перед глухими. То есть только в слабых позициях!

Оказывается, орфографическую ошибку можно сделать только в слабых позициях!

Ошибки нас учат

Говорят: на ошибках учатся. И мы будем учиться на ошибках.

В русском языке есть сонорные согласные: [м], [н], [л], [р], [j]. Они произносятся очень звонко, полнозвучно, почти как гласные. Парных глухих у них нет. Поэтому нейтрализоваться они не могут. Нейтрализация — что? Совпадение фонем. А звонким сонорным не с чем совпадать: не приготовлены для них глухие, с которыми они могли бы совпасть.

Посмотрите еще раз текст из сказки: наш затейник ни разу не подчеркнул глухие и звонкие согласные, если они стоят перед сонорными. И он поступил правильно. Напишем *кос* или *коз* — читается одинаково, потому что нейтрализация, совпадение фонем. А будет ли читаться правильно, если мы напишем вместо *ядра* — «ятра»; вместо *слуги* — «злуги»? Слова читаются неверно! Так можно написать только в том случае, если рука случайно не тот оборот сделала, не туда пошла — это была бы не ошибка, а описка.

Мы говорили: ошибку можно сделать там, где есть слабая позиция, где парные фонемы нейтрализуются. Перед сонорными нельзя сделать ошибку: написать букву для звонкого согласного вместо буквы для глухого… Значит!.. Вывод напрашивается: перед сонорными нейтрализации нет. Перед сонорным — позиция различения.

И это верно! Ошибки нам подсказали верное решение. Посмотрим: *слой — злой, слить — злить, змей — не смей, фрак — враг, коснись — казнись* (то есть «кайся, угрызайся совестью»). Перед сонорными глухие согласные не становятся звонкими, звонкие не становятся глухими — ясно слышно, что в этой позиции они различаются.

На правильный вывод навели нас ошибки! Подсказали, что перед сонорными — позиция сильная.

Не буду помогать

Теперь решите такой вопрос. Сами решите. Мы уже знаем, что перед звонкими согласными — позиция нейтрализации. Звонкие и глухие совпадают. И вот как совпадают: звонкие-то возможны, а глухие согласные — нежелательные элементы.

А вот согласный [в]… Звонкий согласный. Какая перед ним позиция?

Может быть одно из трех решений этой загадки:

1. Перед [в] глухие и звонкие нейтрализуются, притом в каких же звуках? В звонких согласных, а глухих и на порог к [в] не пускают!

2. Перед [в] глухие и звонкие нейтрализуются, но, наоборот, в противоположность первому предположению, в глухих согласных.

3. Перед [в] нейтрализации нет. Наперекор всем другим звонким согласным [в] позволяет перед собой находиться и звонким, и глухим.

Ясно, что может быть верным только одно из этих предположений. Если язык подчиняется первому, то он не может следовать второму и третьему, не так ли?

Как же приступить к решению задачи? Надо понаблюдать. Есть слова с приставкой *от-* (кончается глухим согласным) и с приставкой *под-* (кончается звонким согласным); а дальше — корень, начинается с [в]. Подберите такие слова. Послушайте, что произносится перед [в].

Четыре коня

Сравним *врача́м — да́чам*. У двух разных слов одно и то же окончание. Оно показывает дательный падеж множественного числа. Иначе говоря, это одна и та же морфема. Но произносится по-разному: под ударением [ам], без ударения… Послушаем.

Произносим слово естественно, не по буквам, а как обычно оно выговаривается. Слышно вот что: *дач*[им]. Да, звук [и], слабый, но слышится, что он — [и].

Проверим еще так: *дача*… в конце — звук вроде [а]. Добавим [м], произнесем *дача*… — и сразу же согласный [м]: *дача* + [м]. Получилось явно не то, что обычно произносится; вышло очень искусственно. Да, сомнения нет: под ударением — [а], без ударения — не [а], другой звук. Он — [и].

Вот оно как:

Под ударением	Без ударения
[а]	[и]

Сравним: *лучо́м — сме́рчем*. Окончание опять одно и то же, его значение: творительный падеж единственного числа. Пишется по-разному? На то есть орфографическое правило: под ударением после шипящих (именно в окончаниях имен) пишется *о*, без ударения — *е*. А фонема какая? Одна и та же.

Опять: под ударением ясно, что [о], а без ударения? Послушайте: *Поднимает ветер пыль, завивает смерчем. А мы перец сыплем, мы котлету перчим*. Получилась совершенно точная рифма: *перчим — смерчем*. Послеударные слоги полностью совпадают. Потому что и в слове смерчем произносится [и]; безударное окончание звучит как [им].

Значит:

Под ударением	Без ударения
[о]	[и]

Сравним: *заче́м — не́зачем*… Протянем ударный гласный: *заче-э-э-э-э-эм*… Гласный [э]. После согласных он обычно передается буквой *е*. Скажите: *эхо, эха* (род. пад.), добавьте вначале *ч; ч* + *эха*, но без пауз, слитно. Получится: *чеха*. Понятно, что буква *е* здесь, после *ч*, передает гласный [э].

А без ударения в том же слове — опять гласный [и]: *незач*[им]. Точно такой же гласный, который слышим в конце слов *выучим, вылечим, выточим*…

Итак:

Под ударением	Без ударения
[э]	[и]

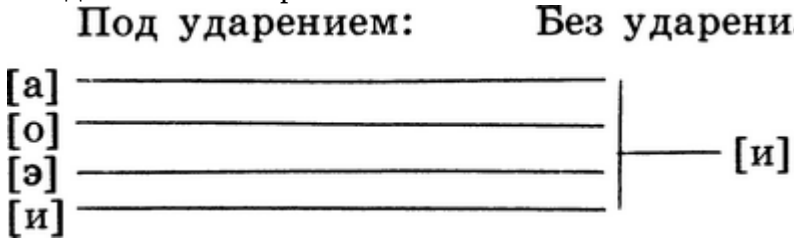
Еще сравним: *строчит — выстрочит*. И под ударением, и без

ударения — все равно [и]; без ударения — слабее, короче, но все-таки это [и].

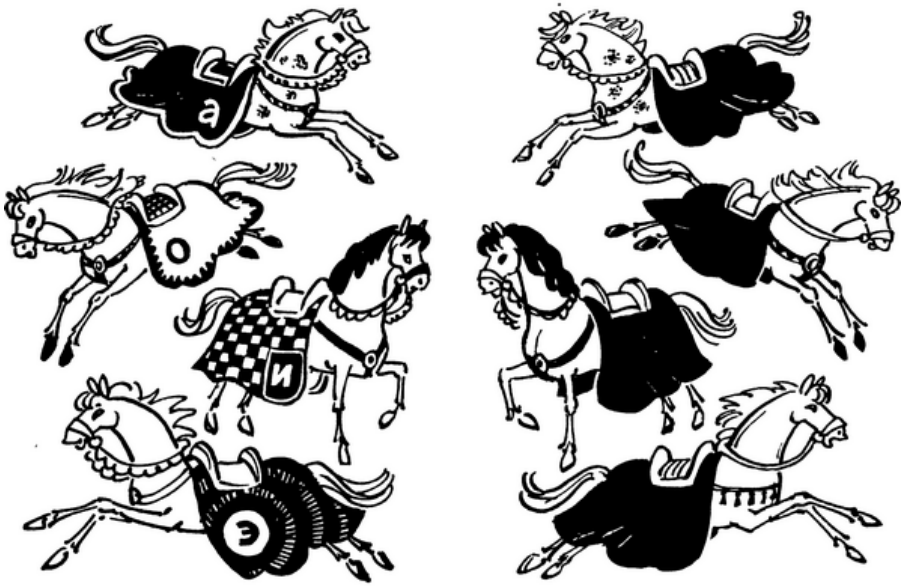
То есть:

Под ударением	Без ударения
[и]	[и]

Соединим все четыре таблички:



Вывели на цирковую арену четырех коней. Разные кони! В разных попонах! Погарцевали на них всадники, увели коней.



Потом — опять этих коней выводят, но покрыты они одинаковыми попонами, и нельзя узнать, какой конь под какой попоной. Кони… нейтрализованы!

Сомнение…

Все эти мены — [о́] на [и] и так далее — в языке есть. Но позиционные ли они? Это ведь важнее важного.

Да, мены позиционные. Они не знают исключений. Давайте точно определим позицию. Во всех примерах у нас было: гласный после ч под ударением заменяется гласным после ч в безударном слоге. Но [чʲ] в русском языке всегда мягкий согласный. И позицию можно описать более обобщенно: гласный после всякого мягкого согласного. То он под ударением — одна позиция, то без ударения — другая.

Вот слово: *пять*. Транскрибируем: [пʲатʲ]. (Потом подробнее узнаем: почему звук [а] передается буквой *я*; сейчас важно нам только одно — звуки, не буквы; и здесь гласный [а], точнее [ä], после мягкого согласного.)

Разделить на пять… Равняется пяти… Пяток-другой… Везде в безударном положении после мягкой согласной произносится [и]. Послушайте внимательно свое произношение. Напишите эти слова на бумажке и попросите кого-нибудь их прочесть. Конечно, просить надо тех, кто владеет литературным, то есть культурным, языком, тех, кто говорит так же, как говорят по радио.

Так можно проверить, что все мены, о которых шла речь в этой главке, позиционные. Четыре фонемы нейтрализуются! Пятая — [у] — ни с кем не кооперируется, она вне нейтрализации…

Исполнительный Полупшённый

Полупшённый говорит:

— А вы поступайте, как я. У меня всех этих выдумок — позиций, того-этого, нет и не бывало. Я — как? Я правильно произношу. И ваши безобразия меня не касаются.

— Как правильно?

— А так. *Пять*. Сначала говорю букву «пэ». Сразу вслед за ней — букву «я». Потом — успеваете схватывать? — букву «тэ». И, как говорится, для закрытия вопроса — букву «мягкий знак». Этой буквой тоже нельзя пренебрегать! Уяснили? И вы бы так. И незачем было бы путаться.в этих позициях, к тому же никем не утвержденных!

— А как вы произносите *пяти?*

— Так же. Экие вы недопонятливые. Начинаю с «пэ». Затем даю букву «я». Потом…

— Постойте! Литературный, то есть культурный, язык требует здесь произносить [и]: [пʲитʲи́]. Такое у нас культурное произношение.

— Что значит культурное? Культурное — это как надо. По буквам.

— Нет, по буквам — некультурное.

— А кто утвердил ваше… квази… псевдо… культурное?

(У Полупшённого — «квази» и «псевдо»! Наверное, он слышал «квази» у какого-то солидного гражданина — и подобрал.)

— Есть традиции, Иван Семеныч. Идут от Пушкина, Толстого, артистов Ермоловой, Садовских, Москвина…

— За-мо-лол! Телефонную книгу прорабатывает. Мне все это ни к чему. А что важно? Буква! Недаром говорят: буква закона. И если я буду говорить: пи! ти! — то я букву не выполню. А я всегда, всю жизнь, всё на меня возложенное выполнял.

Не мог я убедить Полупшённого, что законы произношения — не законы чтения буква в букву. И никто буква в букву не произносит. Что культурное общество особенно чутко относится к правильности устной речи, и культурному человеку особенно больно, когда законы живой речи приносятся в жертву «буквенному произношению».

— А я, что же — некультурный? — задорно спросил Полупшённый и подбоченился.

— Культурный. Но своеобразный.

— «Своеобразный!» — обиделся Иван Семенович. — Ничего во мне нет своеобразного. Каждый второй читатель — мой союзник.

Может — преувеличивает?

Рыбачка и рыба

Строгий профессор говорил студентам:

— *С*[а]*ма поймала с*[а]*ма*. Где рыбачка, где рыба? Ну-ка, кто умный — скажите!

Студенты были умными и сказали: нельзя определить, где рыбачка, где рыба. Предложения: *Сама поймала сома, Сома поймала сама* — произносятся одинаково. Под ударением — позиция сильная:

Сам!

Сом!

А после твердых согласных в первом предударном слоге — и фонема <а>, и фонема <о> — обе представлены одинаково гласным [а]. Нейтрализация:

под ударением:		без ударения:
⟨а⟩	———	[а]
⟨о⟩	———	

А ошибки? Грозят! Легко перепутать и писать *о* вместо *а, а* вместо *о*. «Сома поймала сома». Понятно? Ничего не поймешь. «Сама поймала сама». Опять несуразица. Потому что написано с

ошибками. А ошибки, как им и положено, — в слабых, безударных позициях.

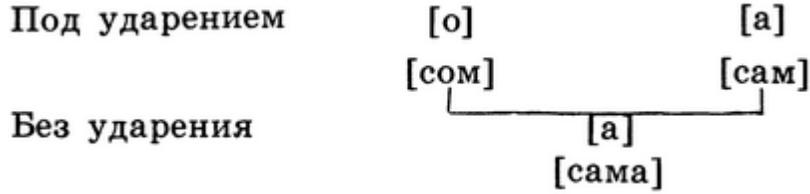
Мы уже видели, что творится в безударных слогах после мягких согласных. Там совпадают четыре гласные фонемы. Теперь нас занимают позиции тоже в безударных слогах, но после твердых согласных. Совпадают две гласные. Позиция тоже слабая.

Сухо, протокольно итожу

Итак, звуки могут позиционно чередоваться, то есть чередоваться по требованию позиций. Чередующиеся звуки составляют одну фонему. Таким образом, фонема в языке дана рядом позиционно чередующихся звуков.

Обо всем об этом было сказано, я просто подвожу итоги.

Ряды позиционно чередующихся звуков могут пересекаться:



Там, где ряды (фонемы) пересекаются, они совпадают в одном звуке. Например, <о> с <а> дают [а] в безударных слогах.

Что значит — фонемы совпадают? Не различаются. В безударных позициях гласный [о] не противопоставлен гласному [а]. В том-то и дело.

Кстати

Здесь нужно одно разъяснение. Читатель может подумать, что в слабой позиции звук всегда какой-то хилый: и негромкий, и короткий, и невыразительней. Бывает и так. Вот пример: [дом] — хороший гласный, полнозвучный, окладистый. *Задали уроки на дом*; произносится [на́ дъм]. Гласный менее полный, покороче, поглуше.

Но далеко не всегда звук в слабой позиции бывает ослабленным. Не в том слабость позиции, что звук она угнетает. А в том, что в этой позиции, в слабой, не различаются звуки. *Дом — дам:* различаются [о] и [а]: позиция сильная. *На́ дом* и *вы́дам:* не различаются [о] и [а], оба превратились в [ъ]: [на́ дъм], [вы́дъм]. Позиция поэтому и слабая.

А вот еще слабая позиция: *ро*[т]. Не различаются [т] и [д]. А согласный вполне хорош, ясный такой, ни в чем его не упрекнешь: [т]!

Рубен Иванович Аванесов (1902–1982) и Владимир Николаевич Сидоров (1903–1968)

В конце двадцатых годов нашего века в научных журналах стали появляться статьи, подписанные двумя именами: Аванесов и Сидоров. Статьи сразу понравились остротой и свежестью мысли. Авторами их были два молодых ученых, ученики Д. Н. Ушакова (см. о нем с. 119). Их так называли: «ушаковские мальчики».

Они были достойными последователями своего учителя, но на многое смотрели по-своему. Больше всего они думали о теории фонем. И сделали смелый шаг. И до них многие лингвисты думали о фонеме. Но никто не решался переступить через один высокий порог.

Все соглашались, что звуки, которые позиционно чередуются, надо объединять в фонемы. Но принцип этот применяли только к похожим друг на друга звукам.

Однако чередуются не только похожие звуки… Часто чередование, самое что ни на есть позиционное, объединяет совсем непохожие звуки. Например, [о] — [а] (но́ша — ношу́) или [о] — [и] (нёс — несу́). Надо было понять, что и при несходстве звуков их надо объединять в одну фонему, в единство, если, конечно, они позиционно чередуются.

Никто не решался на такой шаг. Никто даже не задумывался о его возможности. Удерживала старая привычка: классифицировать звуки. А классифицируя звуки, конечно, надо объединять похожие. Один звук напоминает по своим качествам другой, вот и ставь их в одну клеточку аккуратно расчерченной

таблицы!

Оказалось, что есть и другой принцип объединения: позиционный. Здесь непохожесть звуков — не помеха, чтобы считать их «одним и тем же». Не сходство звуков — причина их объединения, а поведение их: они подменяют друг друга по велению позиции.

Мысль была трудной. Не сразу она была признана даже проницательными учеными — современниками Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова.

Хоть брови-то должны быть похожи!

Показывают вам две фотографии. На одной — заросший почти до глаз северянин, в большой меховой шапке; оленья доха закрывает его почти с ушей до пят; лицо бледное — давно солнца не видело…

На другой фотографии — в купальном костюме, стройный и, видно, ловкий, дочерна загорелый южанин.

Оказывается, это один и тот же человек! Вот те на! А почему непохож? Тот и этот? Сначала он был на севере — одна позиция, а потом поехал отдыхать на юг — он же в другой позиции. Поэтому и разница.

Но все-таки: если это один и тот же человек, то что-то у него должно быть похоже на том и этом снимке. Ну, хоть бррви: мохнатые, прямые, или нос — прямой, чуть свернутый набок…

Так мы всегда и привыкли судить: если один и тот же человек — или олень, или дерево, — то должно быть какое-нибудь сходство. А в языке оказалось совсем невиданное: у двух звуков никакого сходства, а мы должны считать их одной и той же фонемой!

Да, в языке много своеобразного, это — особая область жизни.

Вот так раньше и судили: *хóлод — холодá*… Звуки разные, а буквы пишем одни и те же… Обманывают нас буквы. Нехорошо делают. Надо исправить наше письмо. Писать, например, «холат» — «халада». Тоже не очень удачная передача звуков, но все же не такое вранье, как сейчас по современной орфографии.

Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров впервые открыто и прямо заявили: наша орфография хороша, она большей частью правильно передает… что? звуки? нет, фонемы! Потому-то и в *холод*, и в *холода* пишем одну и ту же букву *д*: фонема одна и та же. В первом слоге: *х*[ó]*лод* и *х*[ъ]*лада́* — до чего различны гласные, а фонема та же, и мы это передаем на письме — буква та же: *О*.

Да, эти два ученых перешагнули высокий порог — и стало видно: наша орфография фонемна. Буквы передают фонемы…

Оба этих ученых написали много прекрасных научных работ — и вместе, и каждый сам по себе. Но фонология всегда была заветной и любимой их темой. А статья Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Реформа орфографии в связи с проблемами письменного языка» (1930) давно уже стала классикой отечественного языкознания.

Ирина Сергеевна Ильинская (1908–1980)

Ирина Сергеевна Ильинская была разносторонним ученым. Она изучала язык Пушкина. Она распутывала трудные вопросы русской морфологии. Вместе с товарищами работала над совсем новым типом учебника русского языка для школы. Думала над загадками синтаксиса… Восхищалась игрой великих артистов — и исследовала сценическое произношение.

Наверное, что-то объединяло эти работы. Человек-то один. И притом — большой, вдумчивый ученый. У больших ученых работы часто бывают разнообразны по темам, но в них заметно единство: какая-то полноводная река разливается на множество ручьев, которые текут все-таки в одном направлении…

И. С. Ильинскую, лингвиста, привлекло изучение того, что имеет ценность для всего народа. Всеохватывающее значение творчества А. С. Пушкина и строгость грамматических законов; школьное обучение языку и стилистика, делающая язык выразительным и впечатляющим; сценическое искусство и богатство русской лексики… Все это проблемы всенародной важности. И ко всем к ним И. С. Ильинская подходила по-своему.

Есть такое понятие: артистизм. Это способность все в жизни делать с художественным тактом, находить духовные ценности там, где равнодушный взгляд их не видит.

В широкие всенародные темы И. С. Ильинская вносила артистизм. Научные проблемы она исследовала художественно проницательно. Так же она подошла и к орфографии.

Вместе с В. Н. Сидоровым она написала статью «Современное

русское правописание» (1953). Мысль, что наша орфография фонемна, была к тому времени уже в основном доказана. Но необходимо было разобрать еще многие частные вопросы — без их решения и главный вывод стоял еще некрепко. Эти частные вопросы требовали большой изощренности мысли. Здесь-то и понадобилась артистическая проницательность И. С. Ильинской. В статье ясно слышится и волевая прямота В. Н. Сидорова, и исследовательская тонкость И. С. Ильинской. В русской орфографии она ценила не только полезность, но и эстетическую ценность, — ценила ясность ее начал: строго фонемных.

А когда она писала популярные книжки, для всех они были захватывающе интересны!

Не нюхайте букву!

В позициях нейтрализации можно сделать ошибку. А не хочется! Как ее избежать?

Никакого нет уважения к малограмотному человеку. И общественник хороший, и песни поет, и портфель у него тяжелый, а если окажется, что пишет «копуста» или «прабижал по феей улице», — прямо хоть в гости не ходи. Все делают вид, что они не придают этому значения, да ведь этот вид-то сразу заметен.

Эх, научиться бы писать без ошибок! Но надо знать секрет, средство. Ведь некоторые пишут без ошибок, значит — умеют, значит, научились. Вот бы и рассказали, как они поступают, чтобы всегда писать правильно.

Некоторые барсуки тоже знают, где какая буква нужна — где *о*, где *а*.

У Дурова, говорят, было такое представление. Барсук узнавал, какую букву надо писать. Например, было на щите написано: *к — пуста*. Вместо *а* — пустое место. Перед барсуком две карточки — с *а* и с *о*. Он, похлопотав около картонок, брал в зубы *а*, бежал к щиту и вставлял, чтобы получилась *капуста*.

Новые и новые слова давал артист, но барсук и ухом не вел — будто выучил весь орфографический словарь.

Потом Дуров на черной доске писал любое слово — зрители заказывали, — но с пропуском *о* и *а*. Барсук, внимательно осмотрев доску (иногда даже от усердия понюхав), всегда верно приносил нужную букву и, держа в зубах, всем показывал. Ошибок у барсука не было.

Предполагали, что Дуров выработал у барсука на каждое слово особый условный рефлекс: один рефлекс (тащить в зубах *о*) — на *топор*, другой рефлекс (тащить в зубах *а*) — на *сапог*. Если бы так было, то это бы и значило, что барсук — грамотный. Знает правописание слов.

Секрет был другой. Вставить всегда нужно было либо букву а, либо о. Одна буква-картонка пахла так, другая — по-другому. И каждый щит пах либо так, либо этак. Барсука подкармливали, если он букву вставит такую, которая пахнет, как щит. Поэтому-то он и раздумывал около щита — нюхал.

А когда Дуров на доске писал любое слово с пропуском согласного? Перед тем как написать, он стирал, что там раньше было написано. Из двух тряпок брал то одну, то другую… Понятно? Зрители не замечали, что тряпки разные.

Но учеников учат по-другому… «Конечно! — с возмущением скажете вы. — Разве можно учеников с барсуком сравнивать?»

Сравнивать нельзя, а все-таки бывает так, что на обучение грамотности смотрят так, как будто речь идет о барсучьем носе.

Несомненные сомнительные

Говорят: когда сомневаешься, что писать, то проверяй. Ставь под ударение, перед гласным и т. д. Но каждый звук, каждую букву не проверишь. Где нужно сомневаться?

В дневнике В. М. Инбер есть такая запись: «Настя опять сделала много ошибок в диктанте. Я говорю ей: ты должна проверять, когда сомневаешься. Она мне: — Тетя Вера, ну я вот нисколечко не сомневалась!»

Настя права: говорят — когда сомневаешься, а когда надо сомневаться — не говорят! Или так иногда советуют: если согласный сомнительный, ты его проверяй. В словах *острая коса, острых кос* — звук [с] — не сомнительный, пиши, что слышишь. А в словах *бодливых коз, стадо коз* — последний согласный сомнительный, и его непременно надо проверять. А в обоих случаях согласный совершенно одинаковый — [с], почему один сомнительный, а другой — нет?

«И в слове *наш* и *нож* звучит на конце один и тот же звук [ш]; *хлоп — лоб* — звучит на конце один и тот же звук [п]. А вы всеми силами стараетесь уверить, что звук [ш] только в *нож* и звук [п] только в *лоб* — звуки сомнительные, в словах же *наш* и *хлоп* — они звуки не сомнительные», — отчитывал сторонников такого взгляда В. П. Шереметевский. (Был такой мудрый методист, учитель учителей.) Конечно, справедливо.

Если бы на самом деле были сомнительные звуки, особые звуки — тогда достаточно было бы прислушаться: это какой звук? особый? не [п] несомненное, а [п] сомнительное? Надо его передавать буквой Б! Да и проверки было бы не нужно: особые-то звуки где? Там, где нужна буква, «противоположная» звуку. Если сомнительный звук [п] — пиши Б! Если сомнительный звук [ш] — пиши Ж!

Ученик тогда, действительно, мог бы поступать, как барсук. Только барсук правильную букву находил нюхом, а ученик бы — слухом. И никаких грамматических правил: навостри ухо — и пиши, всегда будет правильно! Так было бы, если бы существовали особые, на слух отличимые звуки.

На самом деле для правильного письма нужны не нос и не ухо, чуткое к «сомнительным звукам», а нечто иное.

Надо учить восходить от слабой позиции к сильной.

Где надо сомневаться?

Толпа незнакомцев?

Идет диктант. Попалось слово *баловаться*. Что писать? Не ошибиться бы. Загвоздка с гласным. А тут — лиха на помине — и сама загвоздка. Что делать с согласными? Ох, не избежать ошибок!

Читатель трогает меня за локоть и говорит мне: «Я это знаю! Пишется *загвоз-д-ка!*» — Я не сомневаюсь, что читатель у меня умница и очень знающий. И читает он эту книгу не для того, чтобы ликвидировать свои двойки по современному русскому языку. Я не учу своих читателей писать слово *баловаться* или *загвоздка*, а пытаюсь рассказать, как устроено наше письмо. И для этого мне нужны разные примеры — *баловаться* и другие. Ясно ли?

Так я продолжаю: еще попалась в диктанте *ручка*. Ставить мягкий знак или нет? Пишут, подсказывает мне читатель, без мягкого знака: *ру**ч**ка*. Да, пишут именно так. А почему? Чем это лучше написания с мягким знаком? Разумна или неразумна эта орфограмма? Вот ведь что важно!

Тут в диктанте пошли такие коварные вещи, как *барабанщик, стаканчик, звонче, окончательно*. Я знаю, что и в этих сочетаниях не ставится мягкий знак. А это хорошо, что не ставится? Я так перегружен правилами, что во мне заговорила строптивость: вот, учи вас, правила эти, а вы, может быть, просто так, без всякого резону — просто исстари утвердившаяся случайность. А не разумные правила. Или вы разумные правила?

Интриганка и гувернантка. Кто ни увидит, всякий ахнет. Справа налево. Это все в диктанте попалось. И еще много разного.

Да, орфограмм много, и все — разные, и каждую надо изучить, и каждую можно забыть.

Легко учится и хорошо запоминается то, что разумно, имеет основания, когда одно логически вытекает из другого.

Пишут *плавучий* — из этого вытекает, что надо писать *загвозд**д**ка*? Пишут *загвоздка* — из этого следует, что надо писать *Кто ни увидит, всякий ахнет?* И — *ручка* без мягкого знака?

Вообще: наши правила — толпа случайно сошедшихся незнакомцев или семья тесно связанных друг с другом родственников?

Дорога всегда одна

Нет, наши орфографические правила вовсе не случайная толпа. Они все построены на одном и том же основании. Да-да: если пишут *баловаться*, то именно поэтому надо писать — *загвозд**д**ка*, а если *загвозд**д**ка*, то *Кто ни увидит, всякий ахнет;* и непременно — *ручка* без мягкого знака!

Наше письмо передает фонемы. Ошибки — там, где фонемы пересекаются, нейтрализуются. (Помните? Фонема — это ряд. А ряды могут пересекаться.) В слабых позициях. Например:

Пушистый ко[т].

Телеграфный ко[т].

Мы стоим на распутье. Звук — [т], а букву надо искать не для звука, а для фонемы. Надо покинуть распутье, надо выбрать дорогу.

А верная дорога всегда одна: к сильной позиции.

Пушистые коты́.

Телеграфные ко́ды.

Полупшённый ищет другую дорогу

Иван Семенович Полупшённый говорит:

— Я тебе не верю. Зачем это я буду менять [а] на [о]? Подниматься от слабой позиции к сильной? Сами эти названия неверные: гласный [а] гораздо сильнее, чем [о]. И рот для него надо шире разевать… Смотри!

И Полупшённый так широко раскрыл рот, что стали видны все его зубы (их оказалось ровно 32).

— А теперь — [о]. — Полупшённый вытягивает губы дудочкой. — Видишь, совсем не так широко. И не такой уж он звонкий, этот гласный [о]! А ты меня зовешь менять [а] на [о]…

— Безударный гласный [а] на ударный гласный [о́], Иван Семеныч!

— Ну вот! Опять свое!

— Напишите слово *сом*. Какую гласную букву надо выбрать?

— Ты меня так не спрашивай. Имей уважение. Ты ко мне подходи тактично… Я знаю, что здесь надо *о* писать.

— Вот видите! И проверки не надо никакой. А безударный [а] надо проверять.

— Ишь ты… Как дело повернул… — бормотал Полупшённый. — Значит, надо идти от [а] к [о]?

— От слабой позиции к сильной.

— Всегда?

— Всегда, Иван Семеныч.

— А вот и нет! Когда я с тобой начал спорить, ух и сильная у меня была позиция. А у тебя, естественно, слабая. И я от своей сильной позиции перешел на твою, слабую. И теперь с тобою не спорю. Что, взял?

Пять ступенек

Пишете вы слово. Вдруг — не знаете, какую букву выбрать. И та как будто подходит, и эта. Тогда надо выполнять такую работу:

1. Убедиться, что позиция слабая.
2. Найти другие слова с той же морфемой.
3. Выбрать среди них такое слово, где в нашей морфеме загадочная фонема стоит в сильной позиции.
4. Определить ее.
5. Обозначить ее в той слабой позиции, с которой мы начали работу.

Всегда, как только грозит орфографическая ошибка, надо проделывать эту работу. При любой орфографической опасности. А если любая орфографическая ошибка устраняется при помощи одной и той же работы, то, значит, все орфографические ошибки (в русском письме) — одной природы, одна в них суть: сделали ошибку — нарушили фонемную правду, исправили ошибку или избежали ее — узнали фонемную правду.

Работаем по плану

Итак, за работу. Дано слово *б**а**ловаться*.

Какую гласную писать в первом слоге? Сомневаемся: то ли А, то ли О… Растерянно посмотрим по сторонам. Вспомнили: все гласные, кроме [у], если они безударные, — в слабой позиции. Хорошо, первая часть работы сделана.

Подбираем слова с той же морфемой, с тем же корнем: *разбалова́ться… избалова́ть… балу́емый… ба́ловень…*

Нашли! Та же морфема, и гласный в первом слоге — под ударением. А под ударением для гласного — позиция сильная.

Что ж там, под ударением? в первом-то слоге? Гласный [а]. Слабой позиции мы не поверили. Сильной позиции надо верить. Итак, фонема <а>.

В нашем слове уверенно пишем: БА…

А дальше? Во втором слоге? Проверяем: *бало́ванный*. Снова совершили восхождение от слабой позиции к сильной.

Тащут или *тощут?*

— А я слово *ба́ловаться* могу не проверять, — говорит Полупшённый. — Я его вот так произношу: *б́аловаться*! Сразу, без проверки, ясно: *ба*!

— Иван Семеныч! Но такое ударение неправильно! Вы культурный человек?

— Еще бы!

— А культурные люди берегут нормы литературного языка, следуют им, добровольно и радостно подчиняются.

— Ну и пусть их. А я говорю: *ба́ловаться*. Очень удобно.

— Нет, Иван Семеныч. Проверку надо производить добротным материалом. А то возьмите, например, слово *таскать*. Доски *таскать*. Или *таскать* каштаны из огня. Знаете такое выражение?

— А как же!

— Они *таскали* каштаны из огня. Значит, в прошлом. А если сейчас?

— Они *то́щут*, ясно!

— Вот то-то и оно, что *та́щут*, Иван Семеныч! В литературном языке — *та́щут*, так произносится. И поэтому пишется: *та*скать. Давайте, Иван Семеныч, чтобы запомнить, громко прокричим: *та-а-а-щут!*

И мы с Иваном Семеновичем дружно и старательно прокричали: *та-а-а-щут!*

Это к чему рассказано? Это к тому рассказано, что проверять можно тогда, когда знаешь нормы литературного языка. Когда правильно произносишь.

Мы слабую позицию проверяем сильной, так нужно, чтоб сама проверка была надежной, правильной!

— Что же мне теперь делать? — хмуро спрашивает Полупшённый. — Притворяться, что я должен проверять глагол *ба́ловатъся*?

— Правильно произносить этот глагол надо, Иван Семенович!

— «Правильно», — передразнил Полупшённый. — Эх, ученые! Грамотеи! *Спинжак* через *д* пишут… Беда мне с ними, — ворчал, уходя, Полупшённый.

Учитель послушался

Пройдемся медленно, в раздумье по пяти ступенькам. Первая: нам, оказывается, надо понять, что позиция слабая.

Вы помните: звуки в слабой позиции не какие-нибудь особенные. В слове *репа* и в слове *репка* один и тот же согласный [п]. Но в одном случае он в сильной, а в другом — в слабой позиции. Вслушиваясь в сам звук, не решишь, в какую позицию он попал.

Что же делать? Самое простое: запомнить, какие позиции сильные, а какие слабые. Это нетрудно. Гласные под ударением — в сильной позиции. Здесь все они друг от друга отличаются. Без ударения — в слабой. Здесь многие из гласных фонем друг с другом совпадают. (Только [у], как мы помним, всегда в сильной позиции.)

Бывает неясно, писать *п* или *б, с* или *з, ж* или *ш* — показывать звонкую или глухую согласную фонему. Запомним: для звонких и глухих согласных парных сильная позиция — перед гласными и сонорными. Поэтому в слове *репка* — для <п> слабая позиция: не перед гласным, не перед сонорным, а в слове *репа* — сильная.

Любопытные, может быть, захотят узнать: а какие слабые для <п> и <б>, для всех парных звонких и глухих? Ответить можно и так: все, кроме сильных, а сильные вы уже знаете.

Но можно и более обстоятельно их перечислить:

на конце слова (*рот* и *род*),

перед шумными глухими (*ножки* и *ушки*),

перед шумными звонкими (*косьба* и *резьба*).

Идет диктант. Учитель диктует первую фразу: Здесь живет *Семен Иванович Курнат*… Фамилия такая.

Вы поднимаете руку и говорите:

— Напишите, пожалуйста, *Курнат* на доске.

Учитель послушно идет к доске и пишет. Потому что здесь [т] — в слабой позиции. Ученик преспокойно напишет *Курнад* — и вины его в том не будет. Надо ему показать, как пишется это слово.

А если забыл?

Значит, про позиции надо запомнить. А вдруг забудешь?

Запоминать надо сознательно, с пониманием.

Тогда легко можно вспомнить.

Положим, я забыл, какая позиция перед [н]. И даже помню, что перед сонорными — сильная (для звонких и глухих согласных), но улетело из памяти, какие звуки — сонорные.

Если я понимаю слова «сильная позиция», то понаблюдаю и пойму, какая позиция перед [н]. Ну, например: может перед [н] быть [с]? Конечно, примеры так и кинулись в руки: *красный, ясный, сны, снова, косноязычный, киснуть, основать*… А [з] — звонкий собрат глухого [с]? Тут примеры идут туже, но все-таки и они есть: *разные, познание, казна*… Отсюда заключаем, что перед [н] слышны и звонкие, и глухие согласные. Они различаются. Позиция сильная.

Вот как: забыли, но, понимая дело, возобновили в памяти. Слова-то какие хорошие: возобновили в памяти!

Хорошо! Знаем, знаем, какие позиции слабые! Поняли, где сомневаться. Первую ступеньку одолели.

Теперь вторая ступенька: надо подбирать слова с той же морфемой… Займемся этим.

Сказано, да не доказано

Там, где говорилось про вторую ступеньку, написано: проверочное слово должно быть с той же морфемой, что и проверяемое.

Так ли это важно: с той, не с той… Мы не доказали, что морфема должна быть та же.

То, что не доказано, — ненадежно.

Возьмем какой-нибудь пример…

— *Трава*. Как проверить первый гласный?

— Это совсем нетрудно. Взять другое слово. Например, *трость*. *Трава — трость*.

— Так, выходит, в слове *трава* надо *о* писать?

— Гм… да… не получилось.

Конечно, такая проверка неверна. А надо так: *трава — эти травы — травка*.

То есть: для проверки годится слово с той же морфемой. Морфема проверяемая и морфема проверочная должна быть одна и та же.

Почему?

Проверяем фонему, и должна быть уверенность, что фонема та же самая! Нельзя, делая проверку, от одной фонемы свернуть к другой. Нельзя одну фонему подменять другой. (А если слово *трава* проверить словом *трость*, то подмена-то и есть, тут она!)

Взяли другую морфему, а у другой морфемы может быть и другой фонемный состав. Она может быть сложена из других фонем. Нет, надо требовать: пусть фонемный состав двух морфем — проверяемой и проверочной — будет одинаков.

Морфема. Проверочная. И та, которую надо проверить. Фонемный строй у них должен быть один и тот же — это условие твердое. И по значению разницы нет: позиционно чередующиеся звуки — не различители значений. Неспособны они передавать различия в значениях.

Не забыли это? Говорилось!

Следовательно, обе морфемы равны и смыслом и фонемами. Сопоставляем, значит, морфемы, которые… одна и та же морфема. Теперь доказано.

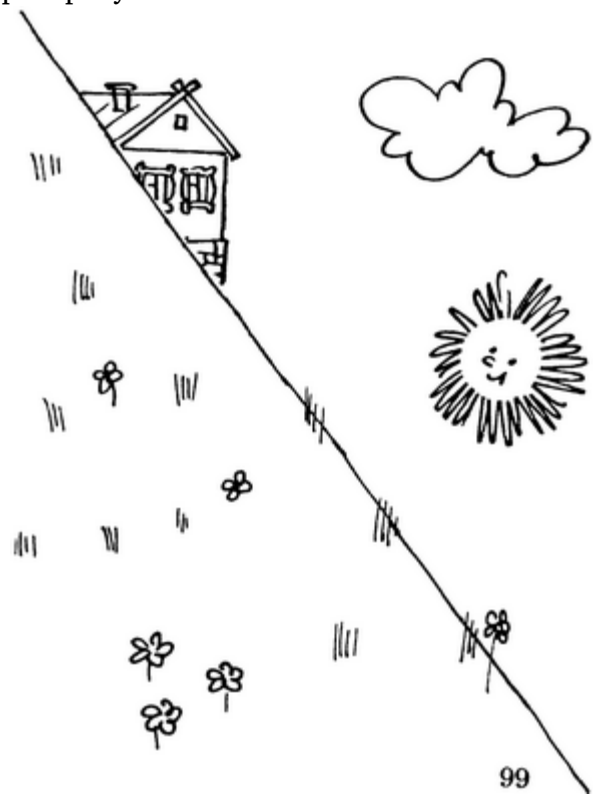
Всегда будем помнить: проверяя фонему, не покидаем одну и ту же морфему. Остаемся ей верны.

Ровная неравнина

Трудности возникают из-за того, что связи между морфемами подчас бывают сложны, их не так-то легко установить.

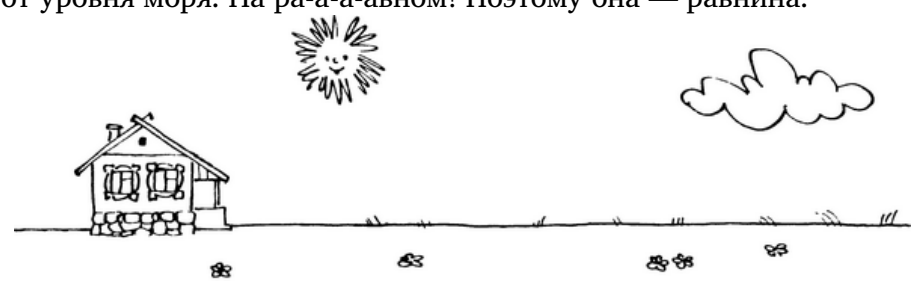
Пример: пишется *равнина*, с буквой *а*. Но ведь хочется так определить: равнина — это ровное место, ро-о-о-овное! Почему же пишется буква *а*?

Посмотрим рисунки. Вот это:



Равнина? Место ровное, без бугров и колдобин. Но не равнина.

Для равнины нужно, чтобы место было горизонтально-плоское. То есть чтобы все ее точки были на равном расстоянии от уровня моря. На ра-а-а-авном! Поэтому она — равнина.



Выяснилось, что одну и ту же корневую морфему имеют слова *равный* и *равнина*. Помните: морфема при проверке должна быть одна и та же — одна по смыслу! и по фонемному составу! Мы и нашли такую проверку, но чуть было не ошиблись.

Да, отождествление фонем не всегда легко!

Не и *ни*

В сочетаниях *кто ни, куда ни, сколько ни, как ни, кому ни, каких ни…* и т. д. — при отсутствии отрицательного значения пишется *ни*.

Куда ни обернусь, повсюду рожь густая… Отрицательного значения нет: рассказывается о том, что оборачивается человек во все стороны, всюду смотрит… *Как ни придешь к нему, все-то он занят.* О чем это: о том, что кто-то приходит к товарищу, или о том, что не приходит к товарищу? Он приходит. Отрицательного значения нет. *Сколько раз ни просил их помочь — никакой помощи!* Просил или не просил? Конечно, просил. Отрицательного значения нет.

Зачем нужно рассуждать о значении *ни*? Чтобы не спутать ее с другой частицей. Здесь такая подмена очень возможна: есть отрицательная частица *не*; и в безударном положении звучит так же, как *ни*. Нейтрализация фонем <э> — <и>! Мы о ней знаем.

Итак, мы хотим узнать, как надо писать неотрицательную частицу. А можно ли ее найти под ударением, то есть в сильной позиции? Где бы гласный прояснился?

Сильная позиция для этой частицы есть. Произнесите: *Где бы ни был он, всюду несет с собой радость и праздник! Сколько бы ни было таких встреч, всегда хочется их повторять и повторять!*

Произносится: *ни́ был, ни́ было.*

А с другой стороны: *У нас он не́ был. Не́ было таких встреч.* Под ударением *не*.

Две частицы различаются в сильной позиции. А без ударения, в слабой, они звучат одинаково: гласные нейтрализуются.

Когда пишешь, надо быть начеку, чтобы вместо одной проверки (*ни был*) не набрести на другую (*не был*). Бывает! Это так же нехорошо, как слово *трава* проверять словом *трость*. Схватываете, в чем сходство? В обоих случаях берется неправильный «эталон» для проверки.

Читатель скажет: а я их и не проверяю, я их по смыслу различаю. Это хорошо. Однако по смыслу они различаются потому, что они разные единицы языка. А то, что они разные, наглядно показывает сильная позиция. Сильная позиция убеждает нас в том, что мы вполне обоснованно пишем эти две частицы по-разному.

Про странную рифму

Бывает так: пишет поэт стихи, и видно: умеет их писать. И рифмы у него хорошие получаются. Кроме одной. Не получается у него рифма на слово небо! То ли по неопытности, то ли еще по какой причине… но у многих наших современников не получается!

Как заколдованная эта рифма:

Но где б в походах ни был,
С Москвой сверял свои часы,
Под заполярным небом.
(Б. Лозовой)

И как бы мал и тих он ни был,
В нем празднично отражены
Нагорный лес, земля и небо,
Сиянье солнца, блеск луны.
(П. Чихачев. «Родник»)

Где бы ты ни был —
Будешь ты видеть
Синее небо…
(Е. Николаевская)

И всюду, где б ты только ни был,
Пускай стоят перед тобой
Страны безоблачное небо
И образ матери родной.
(И. Бейн)

И факел подсолнуха, поднятый к небу,
И весь этот мир предосенней мечты,
Какой бы он трудный и радостный ни был,
Но нету желанней, сильнее, чем ты.
(Г. Петников)

Но где бы ты бы ни был,
Среди любого дня,

Как поглядишь на небо,
Так вспомнишь про меня!
(Е. Рывина)

И куда б ни пошел,
Где б я ни был,
Надо мною мирное небо.
(А. Куперида)

Отпылали бои,
Мирно поют соловьи,
И любуются небом глаза мои,
Где бы я ни был…
Как мне понятна запись твоя,
Делякруа:
«Вечером долгий восторг
Перед звездным небом».
(О. Колычев)

В каких, друзья, ни хаживал краях,
В каких бы городах, районах ни был,
Что сер лицом и синь глазами я,
Помогут мне узнать земля и небо.
(И. Грудев)

И в каком бы краю,
Как бы близко-далеко ты ни был,
Я всегда узнаю
Это синее-синее небо…
(Ю. Пуся)

И где бы ты ни был,
Всегда над тобой
Московское небо
С золотою звездой.
(Г. Рублев)

Не забуду ветер с юга,
не забуду, где бы ни был,

как в глаза кидалось мне
то оранжевое небо
в целлулоидном окне.
(И. Френкель)

Потому что, где б теперь ты ни был,
Всюду — кровные земляки:
Под одним почерневшим небом
Мы выскребываем котелки.
(Ю. Друнина)

И потому-то, где б я ни был,
Теперь, вдали от этих мест,
Под голубым российским небом
Меня, как к другу, тянет в лес.
(Ю. Мельников)

Вы поняли, как появились такие рифмы? Поэт рифмует *не был — небо*. Но редактор видит, что нужна частица *ни*! И поправляет стих. Язык становится правильным, но рифма разрушается.

Не говорит ли это о том, что теперь можно в этих конструкциях употреблять частицу *не*? Нет, не говорит. «Ошибка становится распространенной, не переставая быть ошибкой» (Е. С. Истрина). Во-первых, еще больше случаев, когда частицу ни употребляют правильно. Во-вторых, показательна непримиримость, с которой редакторы истребляют эту ошибку. Их раздирают два чувства: и стих хочется сохранить, не лишить рифмы, и соблюсти верность языку, его живым нормам, не оскорбить читателя бессмысленным оборотом. И в этой борьбе обычно побеждает верность языку. (Этому помогает среднее качество стихов с таким промахом: не очень хочется их беречь. И прав редактор, который поберег в этом случае бесспорную ценность — русский язык.)

Наши примеры показывают, что проверка тогда ведет к цели, когда она правильная.

Помните, как Полупшённый проверял: глагол «тощут» хотел узаконить в литературном языке? И здесь такой случай. Рифма *ни был — небо* говорит о том, что в самой речи, в устной, делают ошибку — и переносят ее в письмо. «Все, кто бы не был» — так же уродливо, как «тощут».

Что же общего в написании *баловаться* и *кто ни взглянет*?

Общее то, что гласная фонема в слабой позиции — и можно ошибиться.

Общее то, что можно от слабой позиции подняться к сильной — и таким образом установить, какую букву надо писать. Сходство? Без сомнения! И сходство не в частностях, а в основном.

От бабушки к бабушке

Обычно проверяют гласные в корнях. В окончаниях-де надо их запомнить. Заучить: окончание существительных первого склонения в дательном падеже *-е*. Заучить, конечно, надо, но и забыть можно! Нет ли средства восстановить в памяти, если забыл?

Гласные в окончаниях тоже можно проверять. *Пошла Красная Шапочка к бабушке… Часто была она у бабушки…* Где писать *-и*, где *-е*? Можно проверить.

Испытанным путем: *Пошла Красная Шапочка к … воде, траве, сове, стене, голове…* Какое угодно слово возьмите, лишь бы было того же (первого) склонения., Это нужно, чтобы была та же морфема — то же окончание. У разных склонений окончания, вы знаете, разные. А мы следуем твердому принципу: морфема при проверке должна быть та же. Здесь у нас — окончание дательного падежа единственного числа первого склонения.

Мы поступили давно уже нам известным путем: слабую позицию (окончание у слова *бабушке* — безударное) заменили сильной (*сове*).

Вы сомневаетесь: заменить — заменили, но получилась бессмыслица. *Подошла к голове…* Еще скажите: *к руке! к резьбе!*

Смысл, действительно, какой-то не очень глубокий и не назидательный. Да что там скрывать: попросту нет смысла. А впрочем… Грамматический-то смысл остался! Глагол обозначает действие, существительное — то, к кому/к чему направлено это действие. Нам и нужен грамматический смысл, и только он: мы думаем об окончании, а оно имеет только грамматический смысл. Он сохраняется. Морфема та же. А большего нам не нужно: мы хотим узнать, какую букву писать. Узнали: слабую позицию заменили сильной. Писать следует: *к бабушке.*

У совы, у земли, у головы, у межи… Значит: *у бабушки.*

«Долой путеводитель!»

— Не нужны ваши проверки, — сказал Полупшённый и махнул своей пухлой рукой. С пренебрежением. — Вот я пишу: *дом.* И все! Какая тут проверка? Совсем ее не нужно! Пишу: *цапля.* Опять все ясно! Что же, вы думаете, я могу написать «длинноногая цапле»? Вы меня, я вижу, просто не уважаете. Я пишу просто — беру ручку и пишу! Без проверок. Еще чего! Раздумывать буду: *иду к бабушке* — не писать ли здесь *-и.* Никогда не напишу. Я вижу, все это вы выдумали для неграмотных. А для таких, как я, культурных, хороших, все эти проверки…

И Полупшённый снова с пренебрежением махнул рукой… Убежденный в своей правоте.

И он, действительно, прав. В сильной позиции проверка не нужна (*дом*). И верно, что, когда научился правильно писать, проверка уж совсем не нужна.

Предположим, вы приехали в чужой для вас, незнакомый город. Выходя на улицу, берете с собой карту-путеводитель. И, попав на развилку двух улиц, глядите на карту — куда идти.

Другое дело: если вы живете в городе тридцать лет. Вышли купить хлеба в булочной. И взяли с собой путеводитель? Нет, он вам не нужен.

Вам-то он не нужен, но вы не станете кричать: «Долой путеводители!..» Для тех, кто выходит в город, в первый раз знакомясь с ним, путеводитель очень нужен.

— Ладно, — говорит Полупшённый. — При всей неубедительности вашей позиции, вы меня все-таки уговорили. Пусть будет проверка. Для других. Я согласен. Я буду писать без проверок: просто *дом* — и все.

Словно горошина

Что-то мы сильно задержались на второй ступеньке. Но в этом была необходимость: подбирать слова с одной морфемой не всегда легко.

Со второй ступеньки поднимемся на третью.

Каждый, кто учился стрелять хотя бы из лука, знает: не в том дело, чтобы выпустить как можно больше стрел, а в том, чтобы попасть в цель. Мы перебираем много слов затем, чтобы найти одно. Так и у нас: перебираем-перебираем проверочные слова, а нужно-то нам такое, в котором наша фонема — в сильной позиции. Нашли такое слово — попали в цель. И значит, поднялись на третью ступеньку.

Иногда это легко. К слову *нога* — множество проверочных слов: *ноженька, ноги, пять ног, ножки, двуногий, обезножить* («устать»), *подножие, сороконожка, брюхоногие, осьминог, быстроногий*…

А проверьте-ка слово *скатерть*. Есть одна только возможность проверить безударную гласную фонему в корне этого слова: *скатёрка*. Проверочное слово в речи нечастое, и других проверок нет! Попадется слово *скатерть* четырехклассник у в диктанте, а он его в жизни ни разу не писал, и не знает — как. Намается, бедный, ища проверочный образец! А маяться нельзя: времени нет. Учитель диктует все новые и новые слова… Трудная проверка!

Или: попалось в диктанте слово *острова*. Мы-то с вами знаем, как его писать. Но ведь не с первых же лет жизни мы его знаем, когда-то научились тому, что *острова*. Представьте, что вы не умеете его писать. Как найти проверку? Одним только способом: вспомнить слово *лосиноостро́вский* (от названия *Лосиный остров*). Ох, можно и не вспомнить такую проверку!

Да, бывает такое проверочное слово: закатится в глубину памяти, в самый ее темный угол — попробуй найди!

Идут косяками

Но большей частью раздобыть проверочное слово нетрудно. Есть типовые проверки, одинаковые для многих слов. Например:

нога — но́ги, оса — о́сы,
вода — во́ды, орда — о́рды,
трава — тра́вы, страна — стра́ны,
роса — ро́сы, весна — вёсны,
тсоза — ко́зы, сосна — со́сны.

Оказывается, часто корневую гласную фонему можно проверить фонемой множественного числа существительного.

Вот вам несколько таких типических проверок[14]. Прочтите. Запомните их тип. Пригодится!

1) *земля — зе́мли, плечо — пле́чи,*
кольцом — ко́льца, полоса — по́лосы,
письмо — пи́сьма, пятно — пя́тна.

О такой проверке только что говорилось.

2) *деревья — де́рево, лошадей — ло́шадь,*
деревень — дере́вня, рядами — ря́д,
дочерям — до́чь, рукавами — рука́в,
камней — ка́мень, корней — ко́рень.

Здесь, наоборот, множественное число обращается за проверкой к единственному.

Дальше я не буду говорить, о каких грамматических формах идет речь, — из примеров это ясно само собой:

3) *вещами — ве́щи,*
деревень — дере́вни,
детей — де́ти,
дочерям — до́чери,
камней — ка́мни.

4) *бедны — бе́ден,*
велика — вели́к,
должно — до́лжен,
дорогая — до́рог,
рябой — ряб.

5) *взглянула — взгля́нет,*
делил — де́лит,
дотащила — дота́щит,
истопила — исто́пит,
колотил — коло́тит,
наклонил — накло́нит,
насажу — наса́дит.

Запрет! Безударную гласную нельзя проверять данной

проверкой в следующих глаголах: *лежать* (хотя: *ля́жет*), *сидеть* (хотя: *ся́дет*).

6) *заведу — завёл, намело — намёл,*
нагребла — нагрёб, отнести — отнёс,
нанять — на́нял, понесла — понёс.

Для слов, оканчивающихся в инфинитиве на *-сти(съ), -зти(сь),* данная проверка является единственной и потому очень важной.

Запрет! Нельзя пользоваться данной проверкой для форм настоящего времени слова расти: *расту, растишь, растет* и т. д., хотя: *рос.*

7) *бросались — бро́ситься, затевать — зате́ять,*
встаешь — встать, натянул — натя́гивать,
завернулись — завёртываться, поглядел — погля́дывать.

Запреты!

а) Следующие глаголы нельзя проверять этой проверкой:
сидеть (хотя: *се́сть*), *разжигать* (хотя: *разже́чь*),
сжимать (хотя: *сжа́ть*), *начинаться* (хотя: *нача́ться*),
поднимать (хотя: *подня́ть*), *продлевать* (хотя: *продли́ть*).

б) Безударный звук [а] нельзя проверять ударным [а́] в инфинитиве несовершенного вида с суффиксом *-ива- (-ыва-),* например: *разбросать* (хотя: *разбра́сывать*), *подтолкнуть* (хотя: *подта́лкивать*).

8) Проверка страдательным причастием прошедшего времени. Эта проверка чаще всего сопутствует другим проверкам, например: 1) *сказал — ска́жет* и *ска́занный, протянула — протя́нет* и *протя́нутый, спросила — спро́сит* и *спро́шенный, остановила — останови́т* и *останови́вленный* и т. д.; 2) *подчеркнул — подчёркивать* и *подчёркнутый, развернула — развёртывать* и *развёрнутый, повернул — повёртывать* и *повёрнутый, оседлать — осёдлывать* и *осёдланный*; 3) *продам — про́дал* и *про́данный, понять — по́нял* и *по́нятый.*

9) *блестела — блеск, взглянула — взгляд,*
вбежал — бег, вдохнул — вздох,
веселиться — весе́лье, проверять — прове́рка.

Здесь — все проверки безударных гласных. Согласные проверяются проще: *глаз — глаза, но**с** — носы… но**ж**ка — ножек, ко**ш**ка — кошек*… Сами подумайте, какие есть типические проверки глухих-звонких согласных.

Можно крупно выиграть

Давайте поиграем. Даны слова: *варить, варение, варёный* (прилагательное: *варёное мясо*). Кто найдет больше проверок?

Все сосредоточенно пишут. У кого больше всего проверочных слов? У меня 5! У меня 8! У меня 19!

Это чемпион! Но надо проверить. Уговор такой: формы одного и того же слова считаются одной проверкой. Если кто-то записал *варит, варишь, варим, варите*, то за все это причитается один балл, как будто записано только *варит*. Далее: слова, которые отличаются только приставкой, — одна проверка. Например, *навар* и *отвар*; за них причитается один балл. Но заварка — уже другая проверка, за нее особый балл: *навар* и *заварка* отличаются не одной приставкой.

Тот, у кого больше всего слов, читает, что написал. Записано 19 слов: *варим, навар, варево, варивали, кашевар, варочный, варщик, смоловар, мыловар, варит, сыровар, квасовар, антиквар, варенный, сталевар, самовар, бульвар, духивар, Многовар.*

Сейчас же посыпались «отводы»:

— *Варим, варит* — одна проверка!

— *Бульвар* не подходит: не тот корень.

— И *антиквара* тоже — вон!

— А кто такой *духивар*? Духи варит? Нет такого слова. И квас тоже не варят.

— *Многовар* — это что? Фамилия? Фамилии не в счет…

— *Варенный* — что это такое? Есть слово *варёный*.

— *Варёный* — прилагательное: *Люблю варёную картошку. Варенный* — причастие: *груши, варенные в меду моей бабушкой.*

Слово решили принять в число проверочных.

Осталось всего 14 слов. И это много! Больше, чем у остальных. Победитель! Ему подарили за это гвоздику…

В эту игру выигрывают все. Все учатся находить проверочные слова. А такое умение полезно.

Игривое настроение

Раз игра помогает орфографии, давайте играть.

Хотя бы так. Вот простая и легкая проверка: *ходить — хо́дит*. Кто придумает больше таких проверок, чтобы неопределенная форма на *-ть, -ти* прояснилась спрягаемой формой на *-ит*.

Пошли писать: *водить — во́дит, косить — коси́т*… Победила девочка, у которой оказалось 24 такие пары!

Или так: *нога — но́ги, река — ре́ки*… Опять: кто больше?

Перелистайте назад странички три. Там много типовых проверок. И во все можно играть.

Можно договориться: слова, которые встретились у нескольких человек, вычеркивать, оставлять только то, что придумано одним игроком. Уйдут наиболее легкие проверки, которые сами просятся в руки.

Или взять такой образец: *закалить — закалка, колоть — колка, срезать — срезка*… У глагола корень безударный, ему откликается отглагольное существительное: корень под ударением. Таких пар множество, но не сразу они на ум приходят. Понятно: это не формы одного слова, это разные слова.

Вот что получилось во время одной игры у победительницы (берем действительный случай): *задвигать — задви́жка, надвязать — надвя́зка, раскроить — раскро́йка, опалить — опа́лка, записать — запи́ска, перетрясти — перетря́ска, распилить — распи́лка, пристреляться — пристре́лка, прослоить — просло́йка, оговориться — огово́рка, развалить — разва́лка, задержать — заде́ржка, поломать — поло́мка, зажимать — зажи́мка, разминаться — разми́нка, починить — почи́нка, подтопить — подто́пка, прокатать — прока́тка, обмести — обмётка, обмотать — обмо́тка, перебелить — перебе́лка, заклепать — заклёпка, прицепить — прице́пка, перекачать — перека́чка*…

Попробуй, победи такую чемпионессу!

Тут появляется Полупшённый.

Гневный:

— Смотри-ка: в игривое настроение пришел… Эх ты, игривый.., Орфография — дело серьезное, к нему строго, нахмурясь, надо подходить. Долбить, долбить, долбить! Когда орфографию учишь, ведь жизнь не мила, а учи! долби! Бросил бы ты эти игрушечки-завитушечки. Тредиаковский что сказал об орфографии? Забыл?

(На самом-то деле, я и сказал Ивану Семеновичу о Тредиаковском.)

— Тредиаковский сказал: орфография — материя мрачная —

и очень ее боялся, вот! Вспомнил?

— Ничего он не боялся. Сам весело рассказывал про орфографию…

Полупшённого не переубедишь. Но мы-то с ним можем и не соглашаться, не так ли?

Про рога

От Полупшённого оборонились, а теперь снова за игру.

Пусть будет «игра наоборот»: от сильной позиции к слабой.

Дана проверка: *рог*. Надо подобрать слова, у которых гласный проверяется этим словом. Их немало: *рогатый, рогастый, рогач* (‘ухват’), *орогатиться* (‘стать рогатым’), *ороговеть* (‘превратиться в нечто рогообразное’): здесь как раз кстати и само слово *рогообразный; роговидный, роговица, роговой, жук-рогач, рогалик* (из муки), *рогозуб, роголистник, роголистниковые, рогулька, рогулина, рогатина, рогатка, рожок, рожковый, рожочек* (‘маленький рожок’), *рожечник* (‘тот, кто играет на рожке’), рожковидный (‘похож на рожок’), *рогорез* (‘тот, кто вырезает из рога’)…

Эти слова раскрывают разные свойства рогов. В слове *рогатка* отразилось то, что рога — торчком, и их обычно у животного — два. В словах *рожок, рожковый оркестр* подчеркнуто: что рог — обычно полый внутри, в одну сторону расширяется — именно поэтому из него можно сделать музыкальный инструмент. В слове *рогатина* показано, что *рог* — это острие. В словах *роговица, роговой, ороговеть* — раскрыто иное свойство рога: имеется в виду рог как материал, твердый, но упругий, а если срезать тонкую пластинку — прозрачный.

Вот как по-разному поворачивается слово *рог*…

В производном слове может быть определяющим тот оттенок значения, который в порождающем слове не очевиден, существует подспудно, не явно. Если ученику попадется слово *жук-рогач*, ему легко найти проверочное слово *рог*. А встретится *роговица*, и проверка окажется трудной. Родство слов *роговица* и *рог* не так легко заметить.

Игра учит замечать родственные связи между словами — и правильно писать их…

Еще раз — по ступенькам…

Грустный — вкусный. Местный — тесный. Властный — красный. Двухостный — двухосный. В каждой паре слова хорошо рифмуются. Рифмы точные. По правилам русского произношения сочетание <стн> произносится как [сн]. Между <с … н> согласный [т] — непроизносимый.

В переводе на язык фонологии это означает: перед <н> нейтрализуются, не различаются в произношении <с> и <ст>.

До сих пор у нас было неразличение фонем. Много раз встречалось. А здесь иное: нет различения одиночной фонемы <с> и сочетания фонем <ст>. Нет различения, значит, позиция слабая. Вот мы и взобрались на первую ступеньку.

Итак, мы поняли: <с> и <ст> попали в такую переделку, что перестали различаться: произносится *гру́*[сн]*ый* и *вку́*[сн]*ый*. Одинаково!

Надо искать другие слова, где бы не было нейтрализации, то есть подниматься на вторую и третью ступеньки. Найти можно. Учинила нейтрализацию фонема <н>: перед нею произошла неразбериха, так что не отличишь <с> от <ст>. Надо отодвинуть эту виновницу в сторону, чтобы позиция была не перед [н]. Отодвинем: *грустен*, но *вкусен*. Беглый гласный оттеснил фонему <н>; он — беглый, мы его позвали, он и прибежал. Стало ясно, что в одном случае [ст], а в другом — [с]. Это ведь, кажется, четвертая ступенька.

Пятая: переносим найденное написание в слабую позицию, то есть пишем: *грус**т**ный*, но *вкусный*.

Для пары *местный — тесный* так не выйдет. Слово *местный* — относительное прилагательное и поэтому не имеет краткой формы; «местен» — не говорят. У нас есть другая проверка: *место*. Ясно, что в конце корня — сочетание [ст]. Перед гласным. Мы и здесь избавились от соседства с [н]. Позиция сильная. Переносим написание в слабую: *местный*.

Слова *двухостный* и *двухосный* произносятся одинаково: с сочетанием [сн]. Первое обозначает ‘имеющий две ости, длинные отростки — усы’ (*двухостный колос*), а второе — ‘с двумя осями’ (*двухосный вагон*). Фонемный состав этих слов разный. Понимаете, почему это так? И поэтому у них разное написание.

Пять ступенек справились с непроизносимыми согласными.

Полезная пропажа

Разъезды. Какая фонема в конце корня? Ответ простой: <д>. Она здесь в сильной позиции. Не надо подниматься по ступенькам: мы уже стоим на самой верхней.

А какая фонема на предпоследнем месте? Пишется буква *з*, но это не доказательство, что фонема <з>. Фонема повелевает буквой, а не буква фонемой. Надо узнать без помощи буквы, какая здесь фонема, а потом посмотреть на букву: та ли она, отвечает ли фонеме.

Перед звонким [д] позиция слабая, нет различения звонких и глухих. Могут быть только звонкие, не глухие, именно — [з], не [с]. А как найти сильную позицию? Кажется невозможным. Не может [з] в этом корне освободиться от своего соседа: всегда в зависимости от него. Собственная фонемная суть этого согласного замаскирована.

Мосты. Здесь ясна фонема <т>, но что перед нею, тоже определить невозможно. Звук-то, конечно, глухой, [с]. А какая фонема, <з> или <с>? Как бы раскрылась ее фонемная суть в сильной позиции? Неизвестно… Не найдешь сильную позицию.

Трудный случай…

Возьмемся сначала за более простой. Вот со словами *звезда, место* много проще. Тоже есть согласные [з], [с]. Тоже спрятаны внутри слова. И все-таки можно определить, какие фонемы они выражают. Образуем прилагательные: *звёздный, местный*. Согласные [д], [т] — непроизносимые. Они превращены в звуковые нули. Произносится: *звё*[зн]*ый, ме*[сн]*ый*. Перед сонорными — сильная позиция; так здесь и вышло: перед [н] выявились звонкая фонема <з> (*звё*[зн]*ый*) и глухая фонема <с> (*ме́*[сн]*ый*). Вот как мы ловко заставили их разоткровенничаться и выдать себя.

Но вернемся к словам *разъезд* и *место*. От них не образуются прилагательные с суффиксом *-н-*. Нет таких слов.

Конечно, нет. А если взять и образовать? *Безразъездный путь. Безмостная переправа.* Слов-то нет, а мы их все-таки произнесем! Произнесем по законам, которые одни и те же для всех слов, в том числе — и для новых, неожиданных, неслыханных… У нас вышло: *безразъе́*[зн]*ый путь, безмо́*[сн]*ая переправа*… Непроизносимых звуков как не бывало. Пропали. Проговорились наши скрытные фонемы: оказалось, что в словах *мост, мосты* — фонема <с>, а в слове *разъезд* — фонема <з>.

Хитры фонемы, а мы их перехитрили[15].

И стало ясно, что написания *мосты, разъезды* — фонемные.

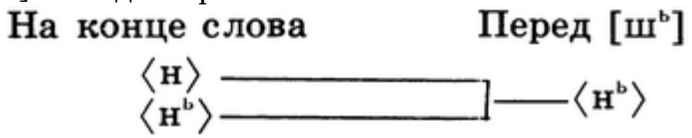
Мы снова выяснили это, поднявшись на пять ступенек. Особенно трудной оказалась третья ступенька…

Банщик с барабанщиком

Есть правило: в сочетаниях *нч, нщ* мягкий знак не ставится. Казалось бы, совершенно механическое правило, без всякой фонемной «изюмины». Но так ли это? Разберемся…

Барабан, барабань. На конце слова, как видно, могут быть и твердые, и мягкие согласные. Для согласных твердых и мягких эта позиция — сильная, различительная.

От слова *барабан* образовано слово *барабанщик*. И согласный [н] оказался перед [шʲ], перед согласным, который передается буквой *щ*. В этой позиции всегда происходит смена караула: твердый [н] непременно уступает место мягкому [нʲ]. Значит, перед [шʲ] совпадают фонемы:



Пример: *барабан — бараба́*[нʲ]*щик* и *зелень — зеле*[нʲ]*щи́к*. И *барабан* (твердый [н]), и *зелень* (мягкий [нʲ]) перед [шʲ] дают один и тот же результат: [нʲ]. Значит, позиция слабая. Две фонемы — <н> и <нʲ> — слились, обе выражены одним и тем же звуком. Перед [шʲ], [чʲ] звук [нʲ] всегда мягкий, не бывает твердого [н].

А раз так, слабую позицию равняй по сильной! *Барабанщик* пишется, как *барабан*. Действительно, так и пишется это слово, без ь.

Переберем все слова с сочетанием *нч, нщ*. Оказывается, всегда одно из двух: либо можно доказать, что фонема <н> — твердая, либо нельзя доказать, что она мягкая. Когда фонема твердая, мы видели: *барабанщик*. Вот другое слово: *тушканчик*. Хотим проверить: какая фонема, <н> или <нь>. Поставим эту фонему на конец слова! Будет сильная позиция. *Тушкан!* А такого слова-то и нет. А если было бы, то неизвестно какое. Может быть, «тушкань»… есть же *олень*… Нельзя найти сильную позицию для этой фонемы в слове *тушканчик*. Поэтому нельзя доказать, что фонема твердая. Напрасны все усилия.

Или возьмем снова *зеленщика*. Есть слово *зелень*… и *зеленый*. Одно слово утверждает, что в конце корня фонема мягкая, <нь>, а другое говорит: нет, твердая!..

Зеленоватый. Ясно — <н>. *Зеленеть*. Несомненно, <нь>. Одни слова тянут к фонеме <н>, другие — к фонеме <нь>. Тянут-потянут, перетянуть друг друга не могут.

Выходит, что не докажешь, какая здесь фонема. Не докажешь, что <нь>.

И какие слова с *нч, нщ* мы ни берем, все одно и то же: либо проверка показывает твердость фонемы <н>, либо не показывает ни твердости, ни мягкости.

Возможны, значит, два случая:

1) доказано, что в слове — <н> перед [шʲ, чʲ];

2) не докажешь, что в слове — <н> перед [шʲ, чʲ].

Эти два случая можно объединить такой формулировкой:

нет случаев, когда бы в словах перед [нʲ, шʲ] была бы несомненно фонема <нʲ>.

Иначе говоря: фонемных оснований ставить ъ здесь нет. А отсюда — орфографическое правило: в буквосочетаниях *нщ, нч* мягкий знак не ставится.

Казалось бы, чисто механическое правило, а по сути оно фонемно.

Из ряда вон выходящее слово

Сейчас в каждом издательстве, в типографиях работают строгие, требовательные корректоры, и они не позволяют ошибкам проникнуть в печатный текст. В двадцатые, тридцатые годы не было еще такого требовательного орфографического надзора, и в печати иногда проскакивали ошибки. И сравнительно часто — в слове *нянчить*. В словах *клянчит, барабанчик, окончательно, утонченный, санчасть* ошибок обычно не было, не ставили ь после *н*.

Почему людей тянуло делать ошибку именно в этом слове? ставить ь после *н*? Потому что оно идет поперек всем остальным. В нем фонема, несомненно, мягкая: <нʲ>. Проверка: *няня* [нʲанʲа], *нянюшка, нянька*. Сравните: *нянька — изнанка*. Перед [к] различаются твердые и мягкие согласные, позиция сильная. Проверки показывают, что в слове *нянчить* фонема <нʲ>, мягкая. Противоположных свидетельств нет. Проверки советуют писать мягкий знак после *н*. А не пишем! Этот единственный случай подвели под все остальные.

Чтобы правило было круглое, без исключений, мы и здесь не пускаем ь в сочетания *нч, нщ*.

И что же вы думаете? Именно в это слово то и дело внедряются ошибки. Не только в тетрадях учеников, но, как я сказал, и в печати!

Нет сомнения, что эта условность здесь оправдана: дает более простую формулировку правила, без исключений. Но и частота ошибки нам тоже понятна.

Казалось бы, другой случай…

А такое правило: в сочетании *чк* не ставится ь? Оно разве тоже фонемно? Здесь не требуется проверки. Может быть, такое написание — простая условность, без особой мотивировки?

Пишется: *изнанка — нянька*. В одном случае — с мягким знаком, в другом — без него. Есть противопоставление — позиция сильная. Надо средствами письма отличать <н> от <нʲ>.

Но нет случая, чтобы надо было отличить <чк> (с твердым [ч]) от <чʲк> (с мягким [чʲ]). Да и не только здесь: твердого [ч] в русском языке днем с огнем не найдешь. (Нет, все-таки есть: в слове *лучше*. Зато перед [ш] не может быть мягкого [чʲ]! Опять не надо различать!)

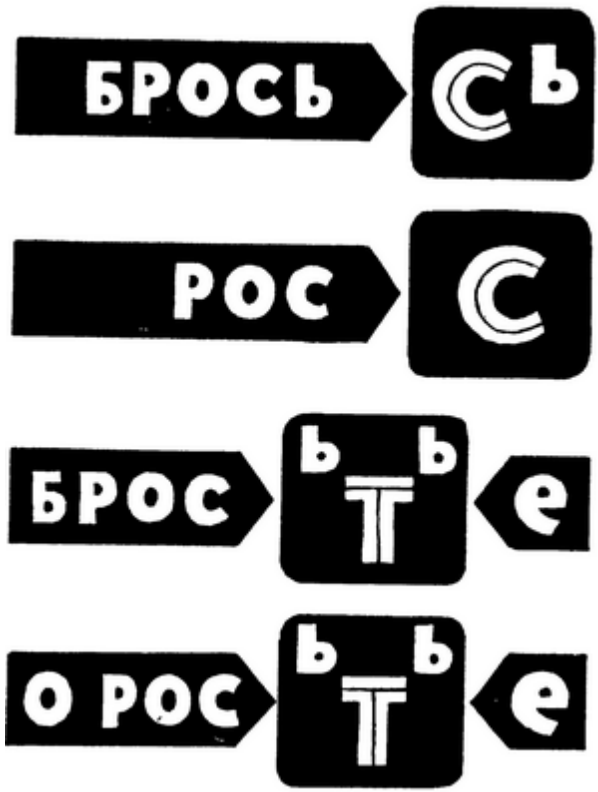
И — следствие этого — мягкий знак в этих случаях не пишется. Причина, как мы выяснили, фонемная: нет твердой фонемы <ч>, отличной от <чʲ>. Признак мягкости у звука [чʲ] — неразличительный. И в фонематической транскрипции он просто не отмечается, например: <колʲчу́га>. Орфография следует за фонологией и тоже отметает эту неразличительную мягкость.

Танцуют парами

Ну, хорошо. В сочетаниях *нч, нщ* мягкий знак не ставим. Но в других-то сочетаниях ставим. Там-то как? Действует ли фонемный принцип?

По правилам орфографии пишем: *бросьте — о росте, покрасьте — о пасте, взвесьте — в тесте*… Во всех этих случаях произносится [сʲтʲ]. Попарно слова точно рифмуются. А пишутся по-разному: одни — с мягким знаком, другие — без. Почему?

Сравним еще такие пары: *не раньте — о банте, не троньте — на фронте, дуньте — об одном фунте, киньте — о гиацинте*… Очень хорошие рифмы. Последние слоги произносятся одинаково, пишутся по-разному. Почему?



Для согласных по твердости-мягкости тоже есть и сильные, и слабые позиции. Сильные такие:

на конце слова (*встань — караван*),

перед гласным (*идём — дом*, то есть: [идʲо́м] — [дом]),

перед твердым согласным (*казанский — июньский*).

Слабая позиция — перед мягким согласным.

Рассмотрим такую пару: *бросьте — о росте*. В обоих словах

сочетание [сʲтʲ], позиция для [сʲ] — слабая: перед мягким [тʲ].

Слабой позиции не верим. Найдем сильную: *бросьте → брось!* На конце слова произносится [сʲ]. Сильной позиции верим: здесь фонема <сʲ> (четвертая ступенька). Поэтому фонему <сʲ> видим и в слабой позиции (пятая ступенька). На законном фонемном основании пишем: *бросьте*.

О *росте*… Позиция для [сʲ], конечно, и здесь слабая. Найдем сильную: *расту, рос, росла, растущий, рост*… На конце слова и перед твердым согласным — твердый согласный [с]. Сильной позиции верим. Значит, фонема <с>. Поэтому и в падежной форме о росте не пишем мягкий знак. Звук-то [сʲ] здесь мягкий, очень мягкий — пух, а не согласный! Весеннее облако, а не согласный! До того он мягкий. А мягкого знака ему нет.

Звук [с] чередуется со звуком [сʲ]; притом — [с] в сильной позиции; слабая должна равняться по сильной: пишем *с*, не *сь*.

Остальные пары объясняются так же. Проверьте сами!

У Полупшённого все проще

— Вот это можно проще! — заявил Полупшённый и победоносно взглянул на меня. — Я вот как рассуждаю. Ясно, просто и умно! *Не раньте* — мягкий знак есть? Значит, позиция сильная. И фонема мягкая. Все!

— Иван Семеныч!

— Не перебивай! Что такое сильная позиция? Ну-ка!

— Такая, где…

— Вот-вот. Знаешь. Различение. Да? А мягкий знак как раз всегда очень заметный. Его различить — дело совсем простое. Смотрю. Вижу мягкий знак. Различаю его очень хорошо. Если нет тумана и если не ночь, но хотя бы и ночь, да яркое электричество — сейчас я этот мягкий знак и различу. Позиция различения! Сильная! А? Как?

— Плохо, Иван Семеныч. Письмо, ты знаешь, — всегда для какого-нибудь языка. Письмо следует за языком. И позиции бывают именно в языке. Чтобы установить позицию, надо сопоставлять факты языка. И по ним уже судить, какая позиция. Если сильная — можно определить фонему. Тогда ясно, как писать. А Вы — наоборот, наизнанку: по написанию судите о фонеме.

Полупшённый рассмеялся:

— А я думал — ты не понимаешь. Я-то ведь пошутил. Я все это вот как хорошо понял! И тебя заставил самое главное еще раз повторить — для ясности, чтобы читатели не растерялись. А то вдруг что-нибудь не так поймут. Плохо ведь будет, а? Теперь не собьются.

Хороший Иван Семенович. Заботливый!

На полпути

Пора сделать выводы. Еще не окончательные, а, можно сказать, на полпути.

Наша орфография — фонемная.

Буква передает фонему.

Как мы это доказали?

Полупшённый удивлялся: фонемная транскрипция что-то ему напоминает… Мы можем подсказать Полупшённому: она напоминает ему обычную орфографическую запись.

Фонемная транскрипция: <хо́лод>, <холода́>, <холо́дному>, <холодновáто>.

Орфографическая запись: *холод, холода, холодному, холодновато.*

Когда мы делали фонемную транскрипцию, мы не подгоняли ее под орфограмму[16]. Мы не вспоминали об орфографии. А получилось — похоже! И часто фонемная транскрипция и орфограмма точно совпадают.

И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров взяли простой, обычный текст и подсчитали: сколько букв пишется на фонемных основаниях? Оказалось — более 90%. (А 10%, значит, не фонемные написания? Какие же они? О них еще поговорим.)

Теперь посмотрим с другой стороны.

Определить фонему — это значит от слабой позиции подняться к сильной. Слабой позиции мы не верим, сильной — верим. По сильной позиции судим о том, какая фонема.

А как поступаем, когда хотим написать орфографически правильно? Производим проверку. То есть: от слабой позиции неразличения — к сильной.

Парад орфограмм

Вспомните, какие орфограммы прошли перед нами.

…бАлОватъся… (безударные гласные в корнях),

…бабушкЕ… (безударные гласные в окончаниях),

…кто нИ увидит… (безударные частицы),

…мороЗ… (глухие и звонкие согласные на конце слова),

…ноЖки… (глухие и звонкие согласные перед согласными),

…чесТный… (непроизносимые согласные),

…барабаНщик… (мягкие согласные перед согласными).

В скобках мы написали, «на какую тему» орфограмма. Оказалось, что мы перебрали орфограммы на все основные правила нашего письма. Что же общего во всех этих орфограммах?

Все они касаются случаев неразличения. Совпали фонемы, перестали различаться (позиция такая!) — возникли трудности: какую букву писать? Вот какие совпадения:

бАловатъся — стОловатъся,

к бабушкЕ — у бабушкИ,

кто нИ увидит — никто нЕ увидит,

мороЗ — сенокоС,

ноЖки — моШки,

чесТный — теСный.

Во всех случаях дело проясняет проверка — возведение к сильной позиции:

бАловень — стОл,

к рекЕ — у рекИ,

кто нИ был — никто нЕ был,

мороЗы — сенокоСы,

ноЖек — моШек,

чесТен — теСен.

Проверка, как видно, бывает очень разная. То надо звук поставить под ударение, то перед согласным, а бывают и такие случаи, когда «сомнительный» звук надо найти непременно перед сонорным или перед твердым согласным. Об этом говорилось, помните? Есть ли что-нибудь общее во всех этих проверках? Найти нетрудно: проверочное место для нас всегда такое, где есть различение, где есть противопоставление фонем, где нет их совпадения. Эта общность фонемная. Ее можно обнаружить и характеризовать с помощью фонемных терминов: слабая позиция, сильная позиция, совпадение фонем (нейтрализация), различение фонем (нет нейтрализации)…

Кольцо за кольцо…

Помните, мы задумались: есть ли единство в нашей орфографии? Связаны ли между собой наши правила письма так, что одно правило требует существования другого? Пришло время ответить на этот вопрос.

Да, единство есть.

Основные правила нашего письма — фонемны.

Если пишется *бАлОваться* (по фонемному принципу),

то надо писать *к бабушкЕ* (по фонемному принципу).

Если *к бабушкЕ*, то и *кто нИ увидит* — по фонемному принципу.

Если кто *нИ*…, то и *мороЗ, ноЖки* — по фонемному принципу.

Если *мороЗ* и *ноЖки*, то и *чесТный* — по фонемному принципу.

Но тогда и *барабаНщик*, и *бросЬте*, и *руЧка* — по фонемному принципу.

Кольцо за кольцо. Единая, неразрывная цепь.

Гражданка Порожковская в городе Перетянужске

Помните, какую орфографию считал хорошей М. В. Ломоносов? Он хотел, чтобы она не очень удалялась от выговора и чтобы было ясно «произвождение слов». Но как соединить эти разные принципы? Ломоносов не знал. Не было руководящей мысли, которая позволила бы точно решать, что на пользу орфографии и что во вред, что в духе всего нашего письма и что противоречит ему.

Фонемная орфография и есть исполнение желаний Ломоносова.

Следы произвождения слов не закрыты. Мы обозначаем фонемы; значит, позиционные чередования между звуками сняты. Звуки разные, но фонема одна, поэтому и буква одна. Помните, что мы сделали со словом *холод* и его однокоренными братьями? Какие только звучания не принимает корень! И такой он, и этакий! Меняется в каждом слове! *Холод, холодному, холода, холодцу, холодновато*… (Угадайте, в каком из этих слов корень-оборотень получил такой облик: [хълаццу́]?)

Но мы отвлекаемся от этих перемен. Морфема предстает в своем устойчивом, фонемном виде. Да, очень ясно видны следы произвождения слов. Видно, что все слова однокоренные.

К произношению близко ли? Как будто далеко ушли мы от произношения. Говорим: [хълъднава́тъ], а пишем *холодновато*. Говорим [хълацца́], а пишем *холодца*.

Но произведем опыт. *Фамилия у нее была Порожковская и жила она в городе Перетянужске*. Дайте прочесть эту фразу вслух десяти, ста, тысяче ваших друзей, — если у вас есть тысяча друзей. И все они произнесут так: [пърашко́фскъйъ] (фамилия), [пьирьитьину́шск] (название города). И фамилия, и город выдуманы. Вся тысяча ваших приятелей не слышали таких слов. Почему же прочли одинаково? Были бы эти слова обычные, вы бы ответили: слышали, как произносятся эти слова, поэтому и сами произнесли, как принято.

Но здесь такой ответ не подойдет. Очевидно, буквенная запись этих слов, по правилам нашей орфографии, достаточно хороша, чтобы вызвать правильное произношение, у всех одинаковое. У всех, конечно, кто владеет литературным (культурным) языком.

Например, буква Ж перед К цли С (*ПороЖковская, ПеретянуЖск*) всегда читается как [ш]: буква С — достаточно

острый сигнал, что Ж произносится как [ш]. Так же и с другими буквами.

Видно, фонемное письмо «не удаляется от выговора».

М. В. Ломоносов был бы доволен нашим письмом. И, как ученый, он, вероятно, был бы рад, что найден принцип этого письма: фонемный.

Проницательный Бодуэн

Как уже говорилось, фонемную теорию русской орфографии создали Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров.

Однако есть такие прозорливые ученые, которые умеют иногда одной фразой, кратко, сжато, без доказательств, предугадать те взгляды, которые лишь значительно позднее станут предметом развернутой, логически строгой теории. Таким ученым был И. А. Бодуэн де Куртенэ.

В своей книге «Об отношении русского письма к русскому языку» (1912) он писал, что в основе русского письма лежит принцип, «по которому в местах зависимого произношения применяются графемы, заимствованные от мест произношения независимого». Графемы — буквы. Места зависимого произношения — слабые позиции. Места независимого произношения — сильные позиции.

И. А. Бодуэн де Куртенэ умел опережать свое время. Полет его проницательной мысли был направлен в будущее. В нескольких словах он сжал суть еще не созданной в его время фонемной теории письма.

Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942)

Есть ученые, для которых общение с людьми — важная часть их научной деятельности. Они всегда окружены теми, кто просит их совета, ждет отзыва на свою работу, ищет выхода из сомнений, добивается разъяснения, хочет получить помощь в трудном деле. После общения с такими учеными головы проясняются, прибавляется умение, растет жажда работать.

Таким ученым был Д. Н. Ушаков. Он оставил прекрасные научные работы — по фонетике, диалектологии, по общим вопросам языкознания, по методике преподавания русского языка, по теории письма. Но он же любил делать науку общедоступной: писал хорошие учебники для школы, добивался улучшения школьных программ, был учителем учителей, их руководителем и помощником.

Учителя Москвы знали, что вечером можно позвонить Д. Н. Ушакову и спросить его о каком-нибудь сложном вопросе по русскому языку. Но время его берегли, попусту не звонили.

Четырехтомный «Толковый словарь русского языка» (1935–1940), созданный под руководством Д. Н. Ушакова, стал большим событием в нашей культуре. Он до сих пор остается замечательной сокровищницей русского языка.

Этот словарь интересно просто читать. Сколько точности и меткости в определениях слов, сколько тонкой языковой наблюдательности в разграничении их смысловых оттенков! Как выразительны, ярки примеры! Словарь, с одной стороны, включал все новое, ценное, что вошло в русский язык после революции, с

другой стороны, он защищал те нормы языка, которые были живыми, заслуживали поддержки и охраны. К составлению этого словаря Д. Н. Ушаков привлек саМЬix выдающихся ученых-лингвистов.

Борьба за культуру языка — в этом видел Д. Н. Ушаков смысл своей деятельности… Маленькая книжка: «Орфографический словарь для начальной и средней школы» Д. Н. Ушакова… Чтобы написать ее, надо было войти в мир школьника, стать его сверстником, понять, какие слова ему необходимы. И по-отечески рассудить, какие слова ему будут нужны в будущем. Выбор Д. Н. Ушакова, видно, был хорош: словарь до сих пор помощник школьника, выдержал 40 изданий!

Имя Д. Н. Ушакова в нашей науке, в нашей культуре окружено почетом. Заслуженный почет!

Строптивое меньшинство

Суетливые приставки

До сих пор у нас речь была о таких орфограммах, которые подчиняются требованиям фонем. Но — помните? — есть и другие^ которые пишутся не по велению фонем. Их всего 10%, но ведь есть!

Поглядим на них!

Вот приставка *с-*. Прибавим ее к глаголу *резать*. Будет [с]*резать*; слышно, что в начале слова [с]. Прибавим ее к глаголу *бежать* — выйдет: [з]*бежать*. Прибавим ее же к глаголу *жать* — получится: [ж]*жать*. По указанию позиции, по велению соседнего согласного, звучание приставки все время меняется. Не приставка, а мультипликация! Но фонема — одна и та же: все изменения идут от позиции, ею заказаны; мы от них отвлекаемся. Фонема требует такого отвлечения.

А фонема-то какая? Найдем сильную позицию и по ней определим. Сравниваем: [с]*резать* — *и*[з]*резать*. Перед [р^{ь}] возможны и [с] и [з], они явно различимы на слух — противопоставлены! Позиция сильная. По ней узнаем, что фонема — <с>. Во всех глаголах одна.

И наше письмо показывает не звуковую изменчивость, а фонемное постоянство: пишем *Срезать, Сбежать, Сжать*… Буква С везде передает фонему <с>.

Звук-то суетится, меняется, а фонема и бровью не поведет. Так и надо! И буква вслед за фонемой сохраняет достойное спокойствие и постоянство. Хорошо. Так и надо в фонемной орфографии.

Но есть приставки, которые ведут себя по-другому. Вот они, все наперечет: *из-, воз-, без-, чрез-, раз-, низ-*.

Посмотрим, как ведет себя приставка *без-: безусый, бескрылый, безбородый, беспёрый, безбровый, бесхвостый*.

Так и снует приставка: прикоснется к звонкому согласному — и у нее [з], прикоснется к согласному глухому — и у нее [с]. Это звуки меняются. (Фонема-то у приставки одна и та же, <з>; найдите сильную позицию.)

А буква? Тоже суетится. Пошла на поводу у звука. Ничего не поделаешь: в приставке *без-* и других из этой же группы буква подчиняется звуку, не фонеме.

Нефонемно себя ведет!

Да, это фонетические, звуковые написания.

Вы помните, что были упорные сторонники звуковой орфографии, от В. К. Тредиаковского до М. Н. Петерсона. И они в общем-то неправы. Но все-таки в этих приставках они победили:

есть в нашем письме островок фонетической, звуковой орфографии.

Правда, непоследовательно звуковой. Произносим *бе*[ж]*жизненный*, но букву Ж не пишем.

Подумайте, почему орфограмма *беЗвкусный* тоже нефонетична.

Вопреки

Слово *помощник* произносится так: [памóшнʲик]. Согласный [ш]. Позиция сильная, перед сонорным; значит — фонема (ш).

Буквой Щ обозначена фонема <ш>, чего в других словах не видано. Это антифонемный поступок. Для фонемы (ш > есть особая буква: Ш.

Вывод: в написании *помоЩник* нет правильной передачи фонемы <ш>.

Нет здесь и правильной передачи звука [ш].

Какая же это орфограмма? Фонемная? Нет.

Фонетическая, звуковая? Нет.

Такие орфограммы называют традиционными. Они не отражают ни звукового, ни фонемного состава слова. Они основаны только на традиции. Иначе говоря: они оправданны тем, что так **принято** писать.

Правда, и все орфограммы опираются на традицию. Почему пишем *вОда*? Традиция такая, но, кроме того, так велит фонемное строение слова. Почему пишем *иСпечь*? Традиция такая, но, кроме того, так велит звуковое строение слова. Вот этого «кроме того» нет в традиционных написаниях. Все их оправдание — одна традиция.

Снова свои, родные иероглифы

Такие написания называют еще иероглифическими. Почему? Непохоже на иероглиф… Взгляните на настоящий, китайский иероглиф (см. с. 16) и на *-ого*, окончание прилагательного.

Что похожего? Ничего.

А все-таки скрытое сходство есть. Иероглиф может быть составным. Например, китайский иероглиф глагола 'плакать' состоит из двух частей: первая значит 'вода', вторая — 'глаз'. Иероглифы со значениями 'собака' и 'рот', сложенные вместе, создают иероглиф 'лаять'. Изображение уха около дверей образует сложный иероглиф 'слушать'.

Но даже такие составные иероглифы не говорят прямо и ясно, из каких звуков состоит слово, или из каких фонем, или из каких морфем. Нельзя по виду иероглифа заключить: слово звучит так-то или оно — такой-то ряд фонем.

То же скажем по-другому: ни звуковой, ни фонемный, ни морфемный состав слова не определяют состав иероглифа. Именно это и есть характернейшая их черта.

С этой точки зрения окончание прилагательного *-ого* — иероглиф. Пишем *г*, но эта буква ничего в составе окончания не передает. Нет ни звука [г], ни фонемы <г>.

А как бы эта морфема выглядела в фонемной орфографии? Еще В. Г. Белинский предлагал писать *-ово* вместо *-ого*. Это и есть фонемный состав окончания. Для [в] — позиция сильная, перед гласным. Проверка не нужна: сильной позиции верим. А гласные проясняются из таких сопоставлений: *золотого́, моего́* (местоимение *мой* имеет в косвенных падежах те же окончания, что и прилагательное).

Хорошо было предложение В. Г. Белинского… Но мы обязаны подчиняться традиции; менять орфографию каждый из нас не волен, пишем: *-ого*. Называется: иероглифическое написание.

Самые трудные

А другие иероглифы у нас есть? *Гарь, загар, нагар, разгарчивый*… В этом корне под ударением всегда [а]. Фонема <а>. Без ударения всегда пишем *о*: *горе́лый, горе́ть, горя́щий, горе́ние, горьмя́-гори́т*… Произносим: [гарʲэ́лъвъ]. Фонемная транскрипция: <гарʲэ́лово>. А пишем: *горелого*. И корень, и окончание иероглифичны.

Просклоняем: *зори, зорями, о зорях*… Ясно, что в корне фонема <о>: <зо́рʲи>. Тот же корень, конечно, и в формах *заря, заре, зарей*… То есть корень <зорʲ>. Но пишем — вопреки фонемной очевидности! — в этих формах букву А.

Есть и еще другие антифонемные написания…

Там, где орфограмма вступает в спор с фонемой, так и жди ошибок. Это самые трудные написания. Они требуют неустанного внимания. Каждое иероглифическое написание требует особого правила, и его надо отдельно запомнить.

Есть ли особое правило, как писать слово *вода*? Особого — нет. Есть общее правило о правописании безударных гласных. Оно охватывает тысячи слов. Если же буква в каких-либо словах или морфемах не слушается фонемных повелений, то для правописания этих слов или морфем нужно особое правило. Сейчас в орфографическом кодексе существует правило о правописании приставок *из-, воз-, без-, чрез-, раз-, низ-*[17]. А как бы оно звучало, это правило, если бы слово стали писать по фонемному принципу, через *з*? Фонема-то <з>. Никак бы оно не стало звучать. Просто бы исчезло. Нет же особых правил, как писать приставки *под-, от-, в-*… По общему правилу для всех морфем!

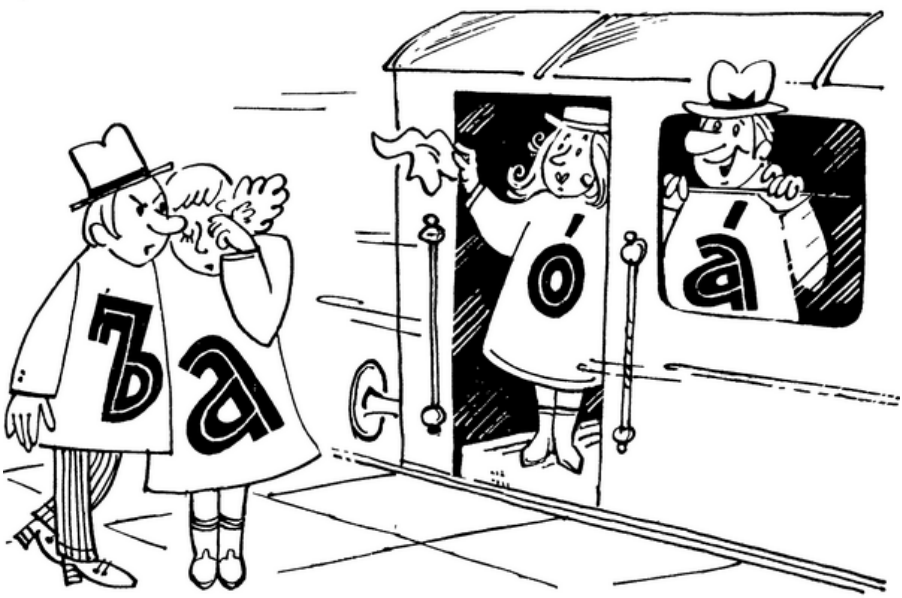
Итак: особое внимание к тем орфографическим случаям, когда буква не слушается фонемы!

Главный — в отлучке

Помните третью ступеньку? Верно: находим сильную позицию. И четвертую: устанавливаем, что звучит в сильной позиции. (Это, пожалуй, самая легкая, но и самая важная ступенька.)

Подымаетесь вы по ступенькам, заносите ногу на третью, а третьей и нет. И четвертой нет. Пустота!

С[а]*ба́ка. С*[ъ]*бачéнция. С*[а]*ба́чка. С*[ъ]*баковóд*… Ряд чередующихся гласных состоит из двух звуков: [а] и [ъ]. Оба — в слабой позиции. По ним фонему не определишь. Ищем, пребывая на второй ступеньке. *Собачар. Собачата. Собаченька. Собачий. Собачонка. Собакоголовый. Собаководство. Собаковедение. Собачник. Собачника.* Для первого гласного нет сильной позиции! В голову приходят уж совсем удивительные слова: «собачизна»… «собачество»… «пересобачиваться»… «собаченский»… Сильной позиции нет как нет.



Какая же фонема? Будь у нас ряд [ъ — а — о́] (*носово́й — носи́ще — но́с*), мы бы сказали: фонема <ъ>. Будь у нас ряд: [ъ — а — а] (*глазоме́р — глаза́стый — гла́з*), мы бы сказали: фонема <а>. А у нас всего-навсего только два представителя этого ряда: [ъ — а]. Они входят и в ряд фонемы <а>, и в ряд фонемы <о>. Как быть? В фонемной транскрипции надо писать так:

$$\langle \text{с}\frac{\text{а}}{\text{о}}\text{бака} \rangle$$

Говорят, существует фамилия *Со́бак*. У И. Ильфа и Е. Петрова

она во всяком случае есть. Но фамилия не указ, может быть, она совсем не однокоренная со словом *собака*. И где гарантия, что нет фамилии *Са́бак*?

Фонемный принцип благодушно говорит: можете писать букву А, можете — О: я и то, и другое позволяю. Видите фонемную транскрипцию? Там показано, что есть основания и для той, и для другой орфограммы. Ряд [ъ — а] годится и для фонемы <а>, и для фонемы [о].

Но нельзя же это слово писать сразу с двумя буквами:

с(А)бака

Приходится в дополнение к фонемному звать на помощь другой принцип — традиционный. По фонемному принципу можно писать и О, и А. Традиционно избираем О: *сОбака*. А в слове *сапог* традиция избирает из двух фонемных возможностей А: *сАпог*.

(Подумайте, почему надо считать, что в слове сапог буква А избрана по фонемно-традиционному принципу.)

Но традиционные написания в то же время и иероглифичны. Вспомним: иероглиф ничего не говорит о составе слова. И здесь у нас: состав корня $\left\langle \text{с}\frac{\text{а}}{\text{о}}\text{бака} \right\rangle$ не сообщает, какая фонема из двух допустимых главнее: <а> или <о>. Мы решили, следуя

письменной традиции, что главнее <о>, пишем *сОбака*. Но такой выбор никак, не подсказан составом корня, то есть иероглифичен.

Если слово пишется по фонемно-традиционному принципу, приходится запоминать его буквенный мундир. Без всякой проверки. Что поделаешь!

Полупшённый злорадствует

Тут является злорадный, ухмыляющийся Полупшённый:

— Вот оно! Обнаружилось! Научно говоря — выявилось. Скрывали-скрывали, да проговорились… Правда всегда, значит, так она правда и есть.

— Объяснитесь, Иван Семеныч, понятнее.

— Объяснюсь! Слова эти… орфограммы… их, выходит, надо учить? Где А, где О? Где другие буквы? Тогда зачем весь этот разговор про фонемы? Огород городить? Все просто: учи каждое слово, из каких оно букв, и пиши на здоровье. А то — разговоры разводят; надо сразу сказать: как принято, так и запомни, и пиши давай. Без всяких штук.

— Иван Семеныч, а как на вокзале? Камеры хранения? Автоматические?

— Это ты к чему?

— А вот к чему: положи в камеру свой чемодан, закрой дверцу и набери шифр. Запомни его. Только ты и знаешь шифр. Наберешь его опять — камера откроется.

— Да знаю я эти автоматические! Этот шифр, понимаешь, и самому легко забыть.

— А я так. Возьму номер моего дома — две цифры, номер квартиры — две цифры, и у моего телефона — тоже две цифры, последние. Дом — квартира — телефон. У меня есть проверяемый ряд знаков — шифр камеры. Я могу его забыть. И проверочный ряд знаков — дом, квартира, телефон; я его всегда могу вспомнить, научно говоря, воспроизвести.

— А я на ладони этот шифр химическим карандашом пишу.

— У вас, Иван Семеныч, значит, ладонь проверочная. И так в жизни бывает часто. Дан ряд знаков — и вводится еще дополнительный, легко воспроизводимый, проверочный ряд знаков. Фонемная орфография — именно такая. Если помнишь, как пишется слово, — пиши его без всякой проверки. Грамотные люди обычно так и делают. Но в случае затруднения всегда можно прибегнуть к проверочному ряду… Не к ряду дом — квартира — телефон. И не к ладони… А к сильной позиции. Пусть в некоторых случаях это не удается. Но зачем же всегда отказываться от этого удобства?

— Что значит: «в некоторых случаях не удается»?! У меня ладонь всегда с собой. Еще как удается!

— А вот измазали вы черной краской ладонь — и не видно шифра.

— А я пойду помою руки!

— И номер смоете.

— Обычно-то я не пачкаю руки. Обычно-то мне моя ладонь помогает…

— И в орфографии так. Обычно фонемная проверка, по сильной позиции, помогает. Ну а уж если нет, так нет. Надо запомнить, как пишется слово. Да и сама проверка нужна, чтобы запомнить. Проверил раз, проверил два, а потом пишешь слово без свякой проверки, запало оно в память. А случился какой-нибудь сбой — снова в ход пошла проверка…

— Ну ладно. Я подумаю. А насчет того, что у меня руки грязные, — это вы зря. Я их еще вчера мыл…

Не совсем бездельники

Мы как-то говорили о сочетании ЧТ: согласный [чь] всегда мягкий, нечего его отличать от твердого [ч] (которого нет), и поэтому незачем после Ч ставить мягкий знак…

А вот он и ставится: *спрячьте, назначьте, увлечься, постричься*…

Здесь всюду Ь — грамматический сигнал. Он заявляет: это — повелительное наклонение. Это — неопределенная форма глагола.

Конечно, и сама форма, без помощи Ь, об этом говорит. *Ляг*! Нет никакого грамматического сигнала, а каждый понимает, что это повелительная форма.

Читатель, может быть, с сомнением протянет: Ну-у-у… Это только одна такая форма… *Ляг*… Стоит ли о ней говорить…

Она особенно показательна именно потому, что одна. Да, одиночка, поддержки ждать неоткуда! Будь другие такие же повелительные формы, они бы легко приучили признавать их именно за повелительные. Но помощников нет. И своих сил хватило: все без колебаний верят, что *ляг* — повелительная форма. Выходит, мягкий знак у *спрячь, спрячьте, спрячься*… — лишний? Бездельник?

Не совсем.

Горит светофор, показывает: прямо ехать или налево. А сбоку шоссе бегает гражданин в енотовой шубе и орет: «Прямо! Налево! » Пусть даже его советы не перечат светофору — все равно они не нужны. Но представьте другое: горит светофор, но туманно, или мглисто, или пыль клубами. На перекрестке стоит милиционер и жезлом правит, в помощь светофору: налево! прямо! направо! Его помощь может быть небесполезна. Он — на посту. Он ответственно и верно указывает.

Мягкий знак в формах *спрячьте, увлечься* похож на милиционера, а не на чудака в енотовой шубе. Он тоже ответственно и верно указывает. Так же он работает в формах *отрежьте, не морщься, не ерошьтесь*…

Но помощь от мягкого знака в этих формах, пожалуй, все-таки меньше, чем от милиционера. Милиционер работает, когда одного светофора мало: мгла, туман, пыль. А мягкий знак кричит: «Это повелительная форма!» —при полном отсутствии всяких помех. Скорее всего, он полезен, если почерк неразборчивый… написано каракулями:

Здесь Ь на пользу… Буквы такие невнятные, что спасибо мягкому знаку: он дополнительная примета повелительной формы…

Александр Иванович Томсон (1860–1935)

У читателя, пожалуй, сложилось мнение, что традиционные написания — зловредные и плохие. Для каждого — изучай особое правило. Спешу рассказать вам о преданном стороннике этих орфограмм, их восторженном поклоннике — А. И. Томсоне.

А. И. Томсон был учеником Ф. Ф. Фортунатова — и так же, как его учитель, мыслил строго, непреклонно-логично и последовательно.

Да, говорил он, традиционные написания, иероглифы приносят пишущему много забот. Но, кроме пишущего, есть читающий. Письмо — для него. Написано или напечатано один раз, а читается сотни и Тысячи раз. Что же надо облегчать — письмо или чтение? В первую очередь — чтение, отвечал Томсон.

А для читателей — чем больше отличий между орфограммами, тем легче взгляд бежит по строчкам. *Зорям… зарей…* Взгляд схватывает окончания, но в помощь им работает и различие *-о-* (мн. число) и *-а-* (ед. число). Не одно отличие (в окончании), а два. Глаз легче схватит особенности форм, мгновеннее их различит.

И оказывается, это характерно для иероглифических орфограмм: они обычно имеют, по сравнению с фонемными орфограммами, больше характерных отличий, они — индивидуальнее. Поэтому-то и легче «вбираются» взглядом, и быстрее понимаются.

И А. И. Томсон протестовал, когда предлагали традиционную орфограмму заменить фонемной.

Он переоценивал достоинства традиционной орфографии. Он все свое внимание обратил на читающего. А пишущий им был забыт. Но ведь он тоже лицо, заслуживающее уважения. И овладеть письмом труднее, чем чтением. Пишущий в первую очередь нуждается в помощи.

А. И. Томсон был разносторонним лингвистом. Везде он показал себя мастером своего дела. И часто его мысли были резко необычны, шли наперекор общему мнению. Нередко они содержали истину, о которой забыли, которой не придавали значения. Томсон, борясь с недооценкой, бывало, перегибал палку в противоположную сторону.

Так и с традиционными орфограммами. Надо помнить о его мнении, чтобы не уничтожать традиционные орфограммы со слишком большой ретивостью. (Уничтожать их могут, конечно, особые ученые комиссии.) Эти традиционные орфограммы — как комары: с «ими плоховато, да не было бы еще хуже, если всех их уничтожить. Слышали, что экологи признают комаров отчасти полезными?

Впрочем, исторический опыт говорит о том, что иероглифам в письме не надо давать и слишком большой воли.

Борьба за простое письмо

Наше дореволюционное письмо было сильно отягощено традиционными орфограммами. Теперь трудно представить, насколько оно было сложнее нашего, современного. Я постараюсь с помощью воображаемого случая дать представление о нем.

Представьте, что есть такой необыкновенно строгий и (прямо скажем) странный учитель, который…

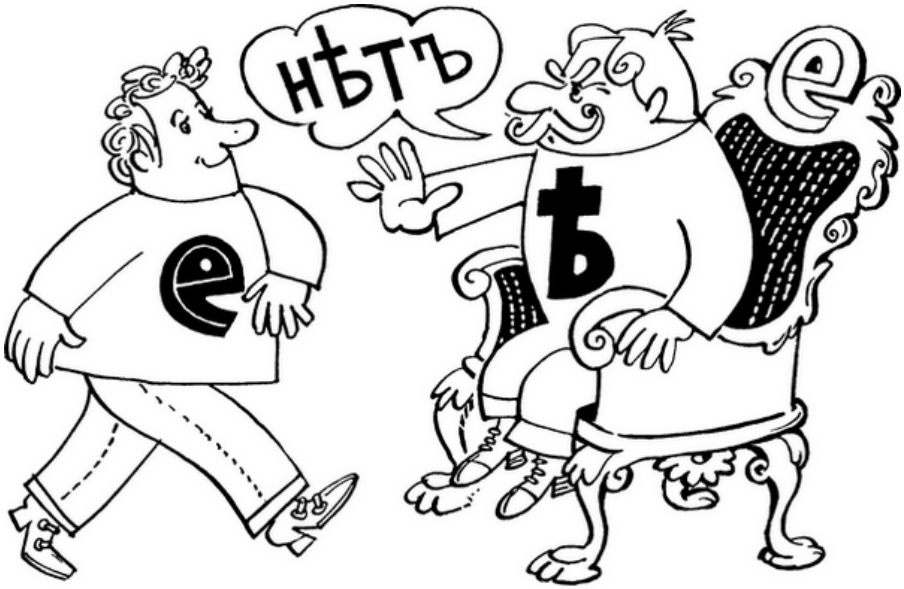
Вы заметили: буква *б* имеет разные обличил. В печати строчная буква такая: . А написанная от руки она такая: . Означают эти разные конфигурации одно и то же: фонему <б>.

И вот наш строгий учитель составил два списка: в одном — слова, которые он требовал писать с . Например *хлеб, барсук, алгебра, собрать, беглый*… В другом списке — слова, которые, по его мнению, непременно надо писать с буквой : *блин, баран, любить, кубический, обратно*… И кто перепутает букву — тому двойка! И кол!

Конечно, случай невероятный. Зачем различать эти две буквы, если они значат одно и то же? Нелепость…

В дореволюционном русском письме были две буквы: *е* (называлась «есть») и Ѣ (называлась «ять»). Буква «ять» обозначала то же, что буква «есть». Но в одних словах надо было писать букву «ять», в других — букву «есть»: *хлѣбъ, тѣло, сѣно, пѣна, нѣтъ* — *пень, отецъ, первый*. И много было других традиционных написаний.

Различие между словами с Ѣ и с *е* не мотивировано современным языком. Но в XVII—XVIII вв. оно было осмысленным: эти две буквы обозначали разные звуки и фонемы.



И таких традиционных, устаревших написаний было много. Они затрудняли обучение письму. В стране, где грамотным было незначительное меньшинство, стало насущной необходимостью облегчить народу путь к письму и чтению. Надо было освободиться от излишнего балласта традиционных орфограмм. Этим занялись ученые.

Роман Федорович Брандт (1853–1920)

Ученый в общем представлении — человек солидный, важный, рассудительно-серьезный. Р. Ф. Брандт был прямым опровержением этого мнения. Специалист по сложным вопросам сравнительно-исторического изучения языков, баснописец, жаркий спорщик во время научных дискуссий, мастер точных фонетических наблюдений, журналист, зачинщик шумных общественных кампаний, поэт-переводчик, авторитетный профессор университета, изобретатель новых необычных слов, которые он вставлял в свои научные труды, неуемный агитатор за новое русское письмо… И все это — один и тот же Брандт.

Именно он в начале XX века первый заговорил о том, что нужно упростить, точнее — улучшить русское письмо. И всколыхнул своей проповедью учительскую массу. Почин подхватил Ф. Ф. Фортунатов, в дело была вовлечена Академия наук.

Р. Ф. Брандт выпустил рой брошюр — под острофельетонными, хлесткими названиями — о необходимости убрать из русского письма все, что его отягощало, что делало написания трудными иероглифами.

Вначале Брандт был сторонником «письма по звукам», он защищал фонетический принцип в орфографии. Но в ходе дискуссии он менял взгляды и в конце концов близко подошел к защите фонемных принципов в орфографии. Он писал: нужно письмо, «передающее составные части слов в их наиболее чистом, независимом виде». То есть — в сильной позиции.

Хорошо, что Брандт дожил до той поры, когда дело, зачинщиком которого он был, воплотилось в жизнь.

Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914)

Из всех русских лингвистов XIX — начала XX века Фортунатов пользовался наибольшей славой. Его учениками были многие знаменитые европейские лингвисты.

Занимался он сложными вопросами восстановления древнейших эпох в развитии языка — тех эпох, когда еще не было письма. Никаких документальных данных о языке таких эпох не оставалось. Но наука умеет восстанавливать эти утраченные языки в их главнейших чертах. Для этого надо использовать строгие принципы лингвистического сравнительно-исторического метода. Сам этот метод приучил Фортунатова мыслить строго и точно. Он знал, что нельзя, изучая одну эпоху в истории языка, привносить в нее черты, особенности другой эпохи. Получится бессмысленная путаница. Но именно такую путаницу и представляло русское письмо! Современность в нем была загромождена остатками, пережитками прежних эпох. Например, той же буквой «ять».

Фортунатова возмущало, что в средних школах той поры на уроках настоящему состоянию русского языка приписывались черты, давно уже отжившие свой век. Об этом он говорил учителям на их съезде в 1904 году.

Фортунатову было ясно: многие трудности русского письма вызваны тем, что из него не изгнаны устаревшие написания. Традиционные. Не оправданные современным состоянием языка.

Когда-то они отражали живое строение слов, но язык изменился — а письмо по-прежнему сшито по мерке XVII—XVIII веков.

Ф. Ф. Фортунатов возглавил Орфографическую комиссию Академии наук, которая должна была подготовить реформу нашего письма. Под его умным руководством и был подготовлен проект реформы (1912 г.). Царское правительство положило проект под сукно. Только в 1917 году Советское правительство утвердило новую орфографию и ввело ее в действие. Это, во всех основных чертах, как раз то письмо, которым мы сейчас пользуемся.

Вместе с Фортунатовым это письмо вырабатывали такие ученые, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, Р. Ф. Брандт, Д. Н. Ушаков. Они хорошо сделали свое дело.

Плов- и плав-

Как же получилось, что наша орфография — фонемна? Сознательно ее кто-нибудь сделал такой или само собой вышло?

И так и этак. Сознательное влияние ученых — дело недавнее. Но исстари складывался тип нашего письма, постоянно оно совершенствовалось — притом изменения шли чаще всего в одном направлении. Фонемном. Это понятно: фонемное письмо удобно, практически выгодно; поэтому оно пробивало себе путь сквозь все случайности…

Пример покажет, как это происходило. Говорится и пишется: *плавать*. В корне под ударением есть <а> и нет <о>. Значит, и в безударных слогах надо писать А. Не тут-то было! Пишут по-другому: *пловец, пловчиха*, и совсем еще недавно писали *пловучий*.

Писали до поры до времени эти слова с буквой О, хотя это противоречит фонемному принципу. Но в наше время то и дело создаются аббревиатуры — сокращенные слова. Сочетание *плавучий док, плавучий кран, плавучие средства* взяли и сократили. Не забудьте, что прилагательное писалось с буквой О! Судя по орфографии, должно бы появиться сокращение *плов-*. А вышло по-другому. Возникли: *плавдок, плавкран, плавсредства*.

Простое чутье языка нам подсказывает: сокращения «пловдок», «пловкран», «пловсредства» — не годятся. Они «ухо режут». Почему режут?

Да потому что в этом корне фонема <а>. Мы же говорили: под ударением есть [а] и нет [о]. В прилагательном плавучий гласный корня — безударный. Пиши А, пиши О, произношение будет одинаковым. Фонемы нейтрализовались, их не различишь. Но вот появились сокращения: *пла́всре́дства* (с двумя ударениями), *пла́вдо́к* (с двумя ударениями). Под ударением должна была появиться <а> в сильном положении. Она появилась. Фонемная правда проложила себе путь.

— Я думаю по-другому, — сказал Иван Семенович. — Если сказать «пловкран», получится, что это кран для плова. «Пловсредства» — какие-то средства, чтобы варить плов. Вы знаете, что такое плов? Пальчики оближешь. Вы берете куски мяса, нанизываете на шпруцель — такой острый шпиль — и, медленно поворачивая над огнем…

— Иван Семеныч, вы спутали плов и шашлык. Шашлык нанизывают на шампур и поджаривают… Но не в этом дело. Вы думаете, *плов* помешал *плавучий кран* назвать «пловкраном». Но омонимия для языка — дело обычное. Когда разные слова

совпадают по значению. Взять в тех же аббревиатурах: *ком-* означает и *коммунистический* (*Комаудитория* в Московском университете), и *командный* (*комсостав* в армии), и *коммунальный* (*комхоз* — отдел в горисполкоме), и *командир* (*комкор* — командир корпуса), и *комиссар* (*нарком*), и *комитет* (*местком*), и *комиссариат*, и *комиссия*…

Заметьте, слова на *ком-* близки по значению, и то им не помешала омонимия… И уж совсем не помешала бы омонимия между сокращением *плов-* и пловом из мяса.

— Так что же? — спросил несколько озадаченный Полупшённый и развел руками. — Просто так пошли наперекор орфографии? Из озорства? Писали-то, сам говоришь, *плОвучий*.

— Победило чутье языка. Чутье фонемы.

— «Чутье фонемы», — передразнил Иван Семенович. — Что ж, она пахнет, что ли, по-особому? Фонема <о> — так, фонема <а> — этак? Ты нас в барсуки заманиваешь, а ведь сам говорил, что нюхать букву нельзя. Я так думаю — и фонему нельзя.

— Ах, Иван Семеныч! Чутье в другом смысле. Мы все знаем, что есть *плавать, плавающий, плавни, плавневый, плавательный, сплав леса, сплавщик, сплавочный*. И ни в одном слове этот корень не прибегает к <о>. Так и создается чутье: этот корень — с <а>, не с <о>.

Понадобилось проявить эту гласную фонему в сокращении, и она проявилась, именно [á], как и следовало ожидать. Хотя традиционное написание и протестовало.

Если стали говорить *пла́вкра́н, пла́всре́дства*, то и писать эти слова надо с А: но тогда и «пловучий» тоже надо писать с А! Так и была узаконена новая орфограмма: *плАвучий*. Исчезло одно традиционное написание. Ведь О в *плОвучий* шло наперекор фонемной правде, оно было иероглифом.

Письменный язык, как видите, освобождается, медленно, понемногу от некоторых иероглифов.

— И по-моему, это хорошо. А по-твоему? — спросил Полупшённый.

— По-моему, — тоже.

— Вот это здорово, — обрадовался Полупшённый. — Ты всегда со мной соглашайся. Ладком да мирком жить — чего лучше?

Я снова с ним согласился.

Еще скажу. Помните: *гореть* — иероглиф? Так вот вам: новые слова с этим корнем, даже если он безударен, пишутся с А, как фонема велит: *выгАрки, изгАрь*. Правило для этого корня антифонемно, а новички послушны не ему, а общему правилу русского письма: чти фонему!

Какая же наша орфография?

Наша орфография — не такая уж простая. Чтобы научиться правильно писать, надо потрудиться.

Но на свою орфографию мы все-таки не в обиде. В ней есть разумность, есть единый принцип, которому подчиняются все основные правила: фонемный принцип. Когда изучаем правописание, изучаем не кучу разрозненных правил, а нечто единое и целостное. Одно правило поддерживает другое.

В разных правилах есть общая сердцевина: мы от слабой позиции, где ошибка возможна, поднимаемся к сильной позиции, где ошибка не живет. То же, но другими словами: чтобы не сделать ошибку, надо определить, какой фонеме принадлежит звук.

Такая разумная целостность нашего правописания — большое его достоинство.

Работа по совместительству

Разобраться!

Фонем, вы помните, 39. А букв у нас 33. Казалось бы, каждая фонема достойна, чтобы ее изобразить особой буквой. И значит, букв тоже должно быть 39.

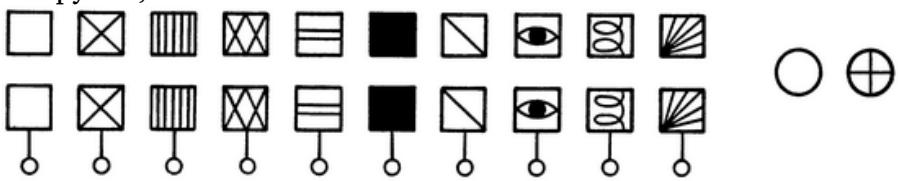
А у нас нехватка. Но ведь такую большую нехватку мы бы, наверное, заметили. Еще бы! Нет букв для многих фонем. Неужели некоторые фонемы так и гуляют, не одетые в буквы? И в письме мы их никак не обозначаем? Это неудобство… Ведь мы бы заметили… А мы такой нехватки как будто и не ощущаем.

И как же мы ухитряемся 33 буквами передавать 39 фонем? Тут какой-то секрет.

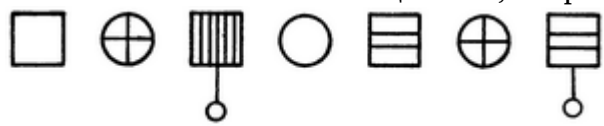
Разгадаем его!

С серьгой

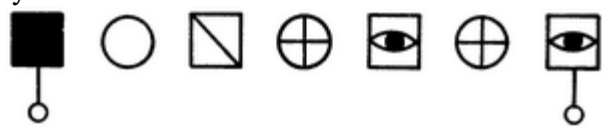
Давайте поиграем в значки. У нас есть 20 квадратных значков и 2 кружка, вот они:



Из этих значков можно составлять цепочки, например такую:



Или такую:

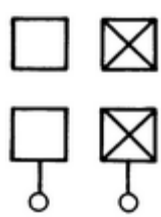


Заметили? После квадрата — кружок, после кружка — квадрат.

Рисовать эти значки долго. Нельзя ли их упростить, ну, например, заменить буквами. Сколько потребуется букв? Два кружка плюс двадцать квадратов — двадцать две буквы. Как будто выйдет неплохо: если = *б*, = *а*, = *т*, = *у*, = *г*, = *к*, то верхняя строка *батугак*. Оказывается, эти строчки даже читать можно.

Но мы хотим как можно экономнее обозначить наши квадраты-кружки; не много ли 24 буквы? Нельзя ли поменьше?

Вы видите, что верхние квадраты от нижних отличаются серьгой:

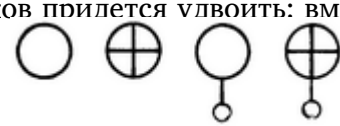


И таких пар — десять. А мы схитрим! Мы серьгу, которая принадлежит квадрату, будем подвешивать соседу-кружку! Вместо:

напишем

Не все ли равно? Знак говорит: передо мной квадрат с серьгой; я серьгу показываю вместо квадрата, он мне доверил эту работу. Но помните: серьга-то на самом деле — у квадрата, который передо мной…

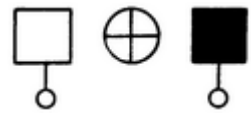
Помним, коллега кружок!

Что же мы выиграли? Теперь не надо квадратов с серьгой. Вместо двадцати их будет десять. Все — без серьги. А число кружков придется удвоить: вместо набора , употреблять набор  10 + 4 = 14. Не 22, а только 14. Выгода. Значительная выгода!

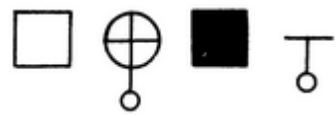
Пятнадцатый знак

Но как быть, если ряд кончается квадратом с серьгой — кружку-соседу серьгу не передашь, соседа нет! Придется добавить еще знак:

Вместо:

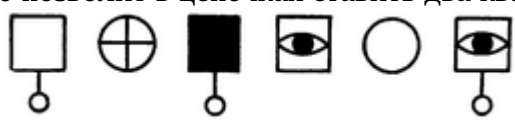


напишем

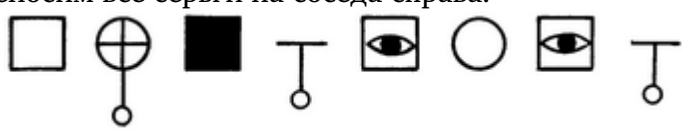


Четырнадцать плюс один — всего пятнадцать. Все равно меньше, чем 22.

Кстати, это позволит в цепочках ставить два квадрата подряд:



Переносим все серьги на соседа справа:



В русском языке есть твердые согласные и есть мягкие. Вот они, напишем их друг над другом:

п б ф в м т д с з н л р

пь бь фь вь мь ть дь сь зь нь ль рь

Мягкие согласные часто встречаются в речи, например, даем фонетическую транскрипцию:

[льубльу гульать в льэсу…]

Люблю гулять в лесу…

Можно было бы для каждого мягкого согласного придумать особую букву:

љубљу гуљать в љэсу…

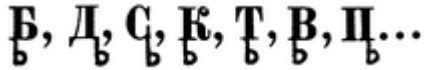
Мы использовали букву **ль** для передачи мягких звуков. Кстати, в сербском письме на самом деле есть буквы **љ** и **њ**:

љубитель,
љубомора,
љута зима,
њух
њива.

Слова эти значат: «любитель», «ревность», «сильный мороз», «нюх», «нива».

У нас особых букв для мягких согласных нет. Значит, нет и для твердых. В одном только случае у нас парные согласные мягкий и твердый, — каждый имеет свои собственные буквы: Ш и Щ.

А могли бы мы придумать для каждой мягкой согласной фонемы особую букву! Например, так:



Каждая буква — с приделанным к ней мягким знаком, как будто с серьгой…

Но сложные получились бы буквы. Да и много их. А нельзя ли проще? Сказано: «как будто с серьгой»… Постойте-ка! А что если серьгу передать соседу? Сделать так, чтобы гласная буква показывала мягкость предыдущего согласного? Со значками-то у нас это получилось!

Мы придумали букву Я

Помните — кружки-то мы удвоили? Не удвоить ли нам букву А… Пусть будет А и . Вместо будем писать , вместо , вместо

Но фигура у буквы куда как сложна… Нельзя ли попроще? Например: **Я**. Очень подойдет. Будем писать так:

[тʲа] = ТЯ,

[дʲа] = ДЯ,

[лʲа] = ЛЯ…

И так далее.

Вот мы с вами придумали букву Я. Неважно, что она издавна живет в русской азбуке. Мы ее все-таки сами придумали, то есть поняли, почему с ней хорошо, а без нее хуже.

Буква Я будет у нас обозначать фонему <а> и мягкость предшествующей согласной фонемы.

Про Эмиля Золя

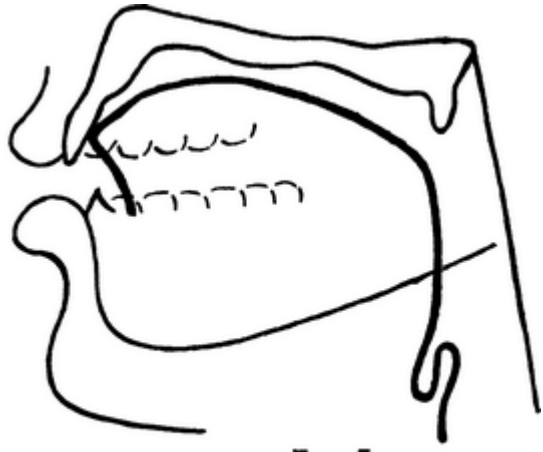
Есть французский писатель: Emile Zola. Его полюбили читатели России. Стали выходить его романы в русских переводах, на обложках написано: *Эмиль Зола*. Один и тот же французский — по-русски обозначен то как мягкий (*Эмиль*), то как твердый (*Зола*). Буква *А* показывает его твердое произношение.

Но французский звук не твердый и не мягкий.

Русский согласный [л] (твердый) произносится так: передняя часть языка прикасается к верхним зубам, задняя его часть Немного приподнимается к нёбу.

[л]

Русский согласный [л^{ь}] (мягкий) произносится по-другому: язык тоже передней своей частью прикасается к зубам, к верхним, но к нёбу приподнимается его передняя часть. Получается тот звук, который мы произносим в словах *Ляля, пилю, июль*.



Французский согласный (его буква *l*) не твердый и не мягкий. Язык тоже прикасается к верхним зубам, но ни передняя, ни задняя часть языка к нёбу не приподняты. Ровно лежит язык.

Вот и решай, как по-русски представить такой звук…

Нам он все-таки знаком. Когда поем, задумавшись или от хорошего настроения, то иногда выводим: «Ля-ля-ля-ля»… И здесь-то обычно произносим такой согласный: [l], не твердый и не мягкий.

Многие из нас по телефону говорят «алло!» — тоже с таким согласным. Нельзя произносить это междометие так же, как начало слова *Алёна*. (Но можно говорить *алло* с твердым [л], это тоже верно, есть и такая традиция в русском культурном языке.)

Итак, французский звук не похож на русский. А если французская фамилия вошла в русскую речь? Я люблю романы *Золя*… или *Зола?*

Вначале заменили [*l*] твердым [л]. Говорили: *Зо*[л]*а*. Так было в начале нашего века. Но потом пришли к выводу, что французский [*l*] больше похож на русский мягкий согласный [ль]. И стали говорить: *Зо*[ль]*а*.

И сразу же буква А — долой из этого слова! Бегом! Не по нраву ей стоять после согласного, который явно и несомненно мягкий. Место буквы А заняла — заметьте, по праву — буква Я. Стали писать: *Золя*. Так и сейчас пишут.

Буква Л передает мягкий согласный [ль]. Тоже нет совпадения с французским [*l*], но сходства больше.

Вот видите: если нужно указать мягкость предшествующего согласного, нужна буква Я. Если впереди твердый согласный — на посту А.

Тютелька в тютельку

И еще будем так писать:

[тʲу] = ТЮ,

[дʲу] = ДЮ,

[лʲу] = ЛЮ…

И так далее.

Здесь буква У — кружок без серьги. Буква Ю — ее сестра, сережки носит. Можно так ее изобразить:

Но сложно. Нет уж, пусть будет, как принято: Ю.

Жил был Рютютю. Пошел он в лес и там гуляет. Пришла пора его домой звать. Брат ему кричит:

— Рютютю-у-у-у!

Тот не слышит, гуляет себе.

— Рютю-у-у-у… — снова кричит ему брат, так громко, что на все слово дыхания не хватило.

Рютютю в лесу грибы собирает, увлекся, не слышит.

— Рю-у-у-у… — снова завел было его брат, но крика у него хватило только на первый слог…

Что же кричит брат громко-протяжно? Гласный [у]. Длительно он его произносит, чтобы звук был слышнее. И тут-то стало заметно, что буква Ю передает звук [у].

Почему же пишется *Рютютю*, а не *Рутуту*? Только потому, что согласные в имени *Рютютю* — мягкие, и их мягкость надо обозначить.

Мягкий согласный [рʲ] + [у] — это буквенно равно РЮ. И так же: [тʲ] + [у] = ТЮ. А если протяжно сказать, то ведь не букву Ю тянешь — тянешь гласный [у], букву нельзя тянуть, разве вот так (см. картинку).

Неплохой лисенок

Произнесите: *лись*… Потом: О! — громко. Потом — *нак*… У вас получился вполне хороший лисенок. Быстро — одну за другой, все три части: лисенок стал совсем хорош. Особенно, если последний слог у вас — с гласным [ъ]: [лʲисʲонък]. Он же — ЛИСЕНОК.

Значит, буква Е показывает сочетание: мягкий согласный + [о]. Несомненно, так:

[тʲо] = ТЕ,

[сʲо] = СЕ,

[лʲо] = ЛЕ…

Пёс, нёс, вёз, тёс; произнесите протяжно. Что слышится? То-то. А вы не верили.

Ленивая буква

А теперь так: дан отрезок [эс]. Что надо прибавить, чтобы получились слова: *вес, лес, бес?* Согласные [в], [л], [б], отвечаете вы. И неверно: [в] + [эс] будет «вэс», [л] + [эс] будет «лэс»… И слов-то таких нет.

Надо в начале слова добавить мягкие согласные: [вь] + [эс] как раз будет *вес*, [ль] + [эс] — получается *лес*.

Итак:

[ть + э] = ТЕ,

[сь + э] = СЕ,

[ль + э] = ЛЕ…

И так далее…

Теперь сравним:

Волк, как известно, *сер*.

Ноги на стол не кладите, *сэр*.

В этой щуке целый *метр*.

Благодарю вас за консультацию, *мэтр*.

Вывеска: «Палата *мер* и весов».

Мэр города был учтив и любезен.

Не *Мэри ли* там — целый вечер танцует?

Да мы и не *мерили* эти платья.

Сравнивая слова *сер* и *сэр, метр* и *мэтр, мер* и *мэр, Мэри ли* и *мерили*, вы убедитесь, что буква Е после согласного показывает мягкость этого согласного, а буква Э — его твердость.

Впрочем, буква Э с ленцой. Послушайте, как вы произносите слова (я, естественно, полагаю, что вы их произносите литературно): *кафе, кашне, туннель, отель, партер, тезисы, дельта, шоссе, пирожное безе*. Пишется буква Е, но согласные твердые. В транскрипции: [партэ́р]. Буква Э просто не вышла на работу. Буква Е на нее ворчит: «Экая лентяйка… Приходится из-за нее перерабатывать…»

Такие написания часто отражают колебания в самом произношении — говорят и [тэмп], и [тьэмп], а пишут только *темп*.

Слегка осуждая букву Э за лень, будем считаться с этой особенностью русского письма.

Это вам не удастся

Быстро произнесите после твердого согласного [т] гласный [и]. Например, начните: *цвет*… и без паузы прибавьте [и]. Это вам не удастся. Вы будете произносить либо *цветы* — после твердого [т] у вас пойдет гласный [ы], либо *цвети* — после мягкого [тʲ] вы произнесете [и].

В русском языке сочетание твердый согласный + [и] не существует. И нет у нас навыка произносить такое сочетание. Каждый, кто изучал английский, или французский, или немецкий язык, помнит, как трудно было усвоить произношение твердых согласных перед [и] — распространенное сочетание в этих языках.

Значит, буква Ы (и звук [ы]) говорят: передо мной согласный твердый! А буква И, если стоит после согласного, восклицает: передо мной — мягкий!

Итак: есть два ряда букв:

А О У Э Ы

Я Е Ю Е И

Верхние — без серьги: они годятся для указания, что согласный перед гласным — твердый. Нижние — с серьгой: они указывают, что согласный перед гласным — мягкий[18].

Слева направо и справа налево

Написано: *том*. Прочтите справа налево, получится *мот*. Те же буквы, но в другом порядке. И те же звуки, но последовательность иная.

Еще: *сядут*. Прочли? Теперь справа налево: «тудяс»… Те же буквы, но в ином порядке. А звуки? Те же звуки? Нет, не те же…

Транскрипция откроет вот что:

сядут = [сʲáдут],

«тудяс» = [тудʲáс].

Читаем первый ряд — буква Я сообщает о мягкости [сʲ], С перед Я. Читаем второй ряд — буква Я сообщает о мягкости [дʲ], Д перед Я. Вот как: буквы место свое меняют, а звуки не только место — и сами меняются. Такие уж это буквы — Я и компания. Всегда-то им дело до предшествующего согласного. Когда они пишутся в середине слова.

Еще одна нужная буква

Знаем, как обозначать мягкие согласные перед гласными. А в конце слова как? Или когда мягкий согласный идет перед согласным?

Вспомним наши квадраты и кружки с серьгами. Там мы ввели знак , помните? И здесь надо ввести что-нибудь похожее. По работе похожее, а не по начертанию, не по «фигуре».

Давайте изобретем мягкий знак. Он работает, как . Будем писать: *коня, коню, конем, о коне, кони*… Согласный [нʲ] перед гласными. А в именительном падеже? На конце слова? *Конь*. А перед согласным? *Коньки*.

Все! Действует Ь правильно, хорошо. Теперь можем мягкие согласные изображать буквами в любой части слова.

Таинственная незнакомка

Кто-то позвонил. Дверь отворилась, и в нее выглянула пригожая, миловидная буква (не скажу — какая, догадайтесь сами).

— Здесь живет такая-то буква?

— Да.

— Не могли бы вы сейчас поработать?

— А как?

— Постоять в начале слова. Слово-то, понимаете, начинается, и надо, значит, в самом его начале постоять, посмотреть, чтобы предыдущее слово на него не наскочило…

— В начале слова не работаю.

— А тогда вот: место есть — между согласной буквой и буквой А, надо там поместиться и, значит…

— Простите, в таких местах не бываю.

— Вот оно как! А если две согласные буквы, между ними постоите? Чтобы они не ушиблись друг о друга?

— Какие это буквы, будьте добры?..

— Первая — Н, а за ней — Ч.

— Нет, туда не пойду.

— А после Ч? Перед Т?

— Если в глаголе — тогда с удовольствием.

— Нет, в существительном.

— Ничем вам не могу помочь.

Дверь захлопнулась.

Какая это была буква? И как понять: в глаголе ей можно, а в существительном — не хочет?

Николай Феофанович Яковлев (1892–1974)

Кажется, чего лучше: один звук передается одной буквой, сочетание двух звуков — сочетанием двух букв. Вот так:

[к у к у р у́ з а]

К У К У Р У З А

Долгое время считали, что это недостаток русского письма: буквы не прямо передают звуковую, точнее, фонемную суть нашего языка. Письмо сеет заблуждения, порождает иллюзии. Даны буквосочетания: ТА и ТЯ. Различие — в согласных, а буквы сочиняют, будто оно в гласных.

Н. Ф. Яковлев первый понял, что «непрямая» передача фонем средствами русского письма — не порок, а достоинство.

Он вывел формулу построения алфавита. Формулу наиболее удобного алфавита. Чтобы для каждого языка строить наиболее удобное письмо.

Суть его открытия можно попросту изложить так: если есть две группы знаков, то можно, слегка увеличив одну группу, сильно сократить другую. Формула Н. Ф. Яковлева показывает, когда это выгодно.

В 20-х, в 30-х годах стали создаваться письменности для народов Советского Союза. Большинство их не имело своего письма. «Стали создаваться» — это легко сказать, не сами же собой они появились! Их создавали ученые, общественные деятели, учителя — просветители народов! И шла напряженная борьба. Выдвигались разные идеи, предложения. Опять стали раздаваться голоса: каждому звуку — особую букву.

Здесь-то и оказалось, что ученый Яковлев в то же время и мудрый, терпеливый просветитель: он доказывал, что можно, следуя его формуле, создавать наиболее совершенные письменности. И сторонники иных мнений соглашались с ним, убежденные его доводами.

Особенно большую роль сыграла формула Яковлева в 30-е годы, когда письменности стали создаваться на основе русской азбуки. Русское-то письмо полностью отвечает формуле Яковлева. Сама формула как раз и строилась на основе русского письма.

Что же, механически применять эту формулу к разным языкам? Нет, нужно понимать их своеобразие. Сама формула этого требует. Каждый язык имеет свою, особую систему фонем. И формулу к нему надо применять с толком, после исследований. Такую работу и проделали советские ученые. Первым среди них был Н. Ф. Яковлев, тончайший знаток многих языков.

Одинокие

Некоторые звуки живут парами:

[д] — [дь],

[з] — [зь].

Твердый и мягкий звук вместе — пара; они всем друг на друга похожи, и только одна у них разница: один — твердый, другой — мягкий…

А есть звуки-одиночки, без пары. Например, согласный <ч> — бобыль, он всегда мягкий, твердой пары ему нет. И в транскрипции он должен обозначаться так: [ч—].

Какие же звуки одиноки?

[чь] — всегда мягкий,

[шь] — всегда мягкий (на письме изображается буквой *щ*),

[ж] — всегда твердый,

[ш] — всегда твердый.

У первых мягкость, у последних твердость — неразличительный признак. Не надо различать [чь] и [ч] по мягкости-твердости. Твердого [ч] нет.

Сказано — нет у нас мягкого [ш], а как же: *сидишь, молчишь, удишь*? Пишется мягкий знак, но мягкости согласному [ш] он не прибавляет. Нет ее. Хорошо рифмуются, точно совпадают: *сидишь — камыш, мышь — крепыш*… Звуки в конце одинаковы. Здесь мягкий знак — грамматический советник. Не более.

У меня пропала собака. Я написал объявление о розыске. Перечислил приметы собаки. Надо ли упоминать такую: четыре

ноги, впереди голова? Нет, это не отличительный признак. У всякой собаки четыре ноги и впереди голова. Собака с четырьмя ногами не противопоставлена собаке с тремя. Эти признаки не помогут найти собаку.

Итак, у согласных-одиночек не надо указывать твердость или мягкость. Какую же гласную букву писать после них: А или Я, О или Е, У или Ю, Э или Е, Ы или И?

Да ту писать букву, которая употребляется в начале слова, для одной гласной фонемы, без всякой предшествующей согласной! Согласного впереди нет — нет и указания на него.

Арбуз. Начальная буква указывает только [а] — и больше ничего. Согласного перед [а] нет. Не может быть и указания на него.

Осень. Утро. Иглы. Все эти буквы употребляются в начале слова и показывают только гласный. Их и надо употреблять после Ч, Щ, Ж, Ш — пусть и здесь не указывают ничего, кроме гласного.

Буква Ы в начале слова не употребляется в русских словах. Она бывает только после согласных и непременно говорит об их твердости. После Ч, Щ, Ж, Ш она не нужна: нет надобности в этцх лишних сведениях. Она говорит о твердости предшествующих согласных — а нам эта излишняя болтливость ни к чему.

А буквы Я, Ю, Е? Ведь и они бывают в начале слова: *яма, юг, ёж, ель*… Бывают. Но показывают не один только гласный. Они еще и согласный в себе затаили. Об этом вот-вот у нас речь пойдет, минуту терпения…

Значит, после Ч, Щ, Ж, Ш желанные буквы: А, У, О, И…

Вы думаете: и еще Э? Нет. Снова ленится. После этих букв работает буква Е.

Полупшённый чуть-чуть изменился…

Полупшённый возмущается:

— Ваше заявление безответственно! Как это нет буквы Ы в начале слов? А вот вам: *Ырбыр. Ылла-атак. Ыхарс-цуу. Ылле-ут*… И много других…

— Это откуда же такие слова? — удивляюсь я. — Что-то я не знаю таких слов!

— А вы знайте! Вы их покрепче запомните! Я вас в среду спрошу. Вот он — списочек. Подучите.

— Зачем же мне их, Иван Семеныч, учить? Это редкие слова. Вы сами-то, Иван Семеныч, их употребляете? Например: *Ылле-ут*. Что это значит?

— Да уж значит! — хитро мне подмигнул Полупшённый. — Я это слово часто употребляю. Я к свояченице в Ылле-ут езжу. Хорошая женщина! Пироги, понимаешь, печет — объядение!

Среди общеупотребительных русских слов нет таких, чтобы начинались на Ы. Все слова, которые разыскал Иван Семенович, — имена собственные, притом редкие. Они — не указ для общеупотребительных слов.

Вы заметили? До сих пор было так: я говорю Ивану Семеновичу «вы», он мне — «ты». И вовсе он меня не старше (да и будь он старше — все равно: зачем же тыкать, слыша обращение на вы?). Просто он не привык следить за своей речью. Как сказалось, так и ладно. Но по мере того, как человек становится культурней, он все более и более требователен к речи, в первую очередь — к своей. И он начинает замечать, как ему говорят и как он говорит.

Раньше, например, Иван Семенович десятки раз слышал: *Мори́с Торе́з*, но сам продолжал говорить: «Я тут живу, где *Мо́рис — То́рез* — институт…» И хоть поправляй его; хоть нет — никакого толку. А теперь, слышу, говорит: «Я живу рядом с Институтом *Мори́са Торе́за*…» (Я боюсь, как бы он теперь не засушил свою речь, не стала бы она канцелярски-серой. Ну, посмотрим.)

Молодец, Иван Семеныч! Улучшается.

Буквы — молодцы

Итак, буквы А, У, О, Э, Ы показывают: определенные гласные и твердость согласных перед ними. Так — в середине слова. После парных согласных.

И эти же гласные в начале слова показывают только гласный. И так же ведут себя после непарных согласных. Хорошо ли?

Очень хорошо. Если рабочий овладел двумя специальностями, его хвалят и ставят в пример. Он умеет и то, и другое. Так и буквы А, У, О, Э, Ы — они умеют работать и после парных согласных (здесь у них одна работа), и в начале слова (у них другая работа). Молодчаги!

В неуказанном месте

Мы поняли, зачем буквы Я, Ю, Е, Е, И. Они — для обозначения мягкости согласных.

Но вот какая странность — эти буквы пишутся и после гласных. *Батарея, шюнь, поёт, уехал, стоит*. Здесь-то они не для мягкости предшествующих согласных. Нет предшествующих согласных!

Видно, здесь они заняты каким-то другим делом. Ау, гласные, вы что здесь делаете? Хитро улыбаются и молчат. Ладно, разгадаем…

Таинственное похищение

Перед нами ряд однокоренных слов, все они — глаголы или образованы от глаголов: *мойся, мой окна, мойка, мойте, посудомойная машина, посудомойка*… Сравнив эти слова, мы видим, что корень у них *-мой-*. Именно эти три буквы неизменно стоят в каждом слове.

Еще слова того же корня: *моясь, моя окна, моют, моющийся, моюсь*… Перед буквами Я, Ю корень стал другим, укоротился: Й нет. Осталось только МО-. Где Ё?

Строй, стройте, стройка, стройконтора, Днепрострой, строю, строят, Днепростроя, Днепрострою, строящий, строя… Перед буквами Я, Ю снова Й в прятки играет.

Здесь какая-то закономерность. Одно с другим связано: когда появляются буквы Я, Ю — перед ними И исчезает. Не иначе, как именно Я, Ю его и похищают.

Следственная гипотеза

Еще пример: *герой, геройский, геройствовать*… Корень — *герой-*. И опять Й перед гласными Я, Ю исчезает: *героя, герою*…

А что, если здесь считать буквы Я, Ю «составными»: в них спрятан [й] или [j] (мы будем считать [й] и [j] равными друг другу) и есть что-то еще. Тогда получится:

герой
герой + ■
герой + ●

Значками ■ и ● мы намекаем на какие-то звуки, спрятанные в буквах Я и Ю. Тогда Я = *й* + ■, Ю = *й* + ●. Подумаем, какие это могут быть звуки.

Сравним слово *герой* со словом *рак* (оба — существительные мужского рода):

рак
рак + *а*
рак + *у*

Те же падежи, что и у слова *герой, героя, герою*. Окончания такие: никакого нет («нулевое»): *рак; -а: рака; -у: раку*… Возникает предположение, «следственная гипотеза»: может быть, ■ = а, ● = у! Тогда:

герой
герой + *а*,
герой + *у*…

— совсем, как в формах *рак, рака, раку*. И выйдет, что *рак* и *герой* — слова, которые склоняются совсем одинаково.

Простая улика

Чтобы подтвердить следственную гипотезу, нам надо найти улику. Надежную, неопровержимую…

Произнесите: *героя*… — и протяните последний звук. Протяжно его пропойте. Что слышится? Гласный [а].

Пойте: *герою*… Последний звук, растянутый пением: [у]. Хорошее, ясное [у]. Вот вам и улика. Самая доказательная.

А что перед гласными [а], [у]? Тоже можно протянуть. Получится звук: [й-й-й-й-й]… Чуть меньше энергии при его произношении — это почти гласный. И тогда для него подходит изображение в фонетической транскрипции: [й]. Он поет, как и положено гласному. А произнесете с большей энергией — он жужжит, явно — согласный. Тогда для него обычно используют другой знак, йот: [j]. Мы не будем вдаваться в эти произносительные тонкости. Букву будем называть «и краткое», звук (и более, и менее энергичный) — «йот».

Потаенные двоегласные

М. В. Ломоносов писал: «Е в *един* произносится, как у немцев *je* в *jeder, ю* в *юношестве*, как *ju* в *Jugend, я* в *яблоко*, как *ja* в *Jahr*, имеют силу совершенных двоегласных». Наблюдение верное. Нелегко, наверное, было прийти к такому выводу первый раз.

М. В. Ломоносов называет «потаенными двоегласными», потому что сочетания двух гласных *й + а, й + у* (и так далее) скрыто буквами Я, Ю (и так далее).

Приставка-сорока

Говорят, сорока — коварная птица. Запрячется какой-нибудь зверь, так что охотники его наверняка не найдут. А сорока скачет над логовом, стрекочет, выдает спрятавшегося беднягу. Не знаю, зачем она так делает.

В роли такой приставки выступает приставка *о-* (*об-*). (Это два вида одной приставки.) Кажется, уж до чего хитро запрятался йот в буквы Я или Ю, а сорока… то есть приставка — ан его и выдала.

Сравним:

об арбузе — о горохе,
об укропе — о дыне,
об изюме — о лимоне,
об орехах — о севере,
об эскимо — о винограде.

Заметили, в чем закономерность? Перед гласным — приставка *об-*. Перед согласным — приставка *о-*. Посмотрим, как будет себя вести приставка *о-* — *об-* перед словами: *яблоко, юг, ёлка, ель…*

Прикинули? Убедились, что в ход идет приставка *о-*?

О чем же это говорит? О том, что слова *яблоко, юг, ёлка, ель* начинаются согласным. Да, именно этим самым: йотом.

Приставка не позволила йоту спрятаться.

Неудачное возражение

Иногда говорят: значит, буква все-таки не совсем фонемна. Смотрите, Я передает сразу сочетание [й + а]. И другие буквы есть — сразу несколько единиц в одной горсти зажали…

Верно: есть буквы, которые сразу передают… две… или два… в том-то и дело: передают две фонемы? Тогда они создают фонемное письмо. Или два звука? Тогда они антифонемны. Мы видели, что единицы, скрывающиеся за буквой, — фонемы. Пишем: *я́сно*. Пишем: *яснée*. Подумайте: если бы наше письмо не было фонемным, могли бы мы писать *яснее* с буквой Я? Звуков [й + а] здесь нет.

Это разные вопросы: какие единицы передаются письмом? И: сколько единиц передается «в один прием»? Если буква может передавать две фонемы, письмо от этого не перестает быть фонемным.

На кусте орешника иногда растут орехи-двойняшки. Одна скорлупа, а в ней два ядрышка. Орех это или не орех?

Конечно, орех.

Полупшённый и арбуз

Иван Семенович говорит:

— А все-таки с этим не согласен. Шутка сказать: букву дают одну, и за нее отдай два звука. Или эти… две фонемы. Вот было со' мной: взвесили арбуз и говорят — он стоит два рубля. Арбуз один, а рубля за него отдавай два! Куда годится? Я бился-бился, разъяснял: если арбуз один, то пусть и рубль один. Так на так… Не поняли. Не дали мне арбуза. Если такую тактику проводить и с буквами… Не хочу.

— Иван Семеныч, вам же за одну букву дают два звука… Два арбуза за рубль.

— Не хочу. Все равно обман.

Хочет он, Полупшённый, чтобы каждый звук выражался отдельно, ходил в собственном своем буквенном мундире. Тогда слово *являющийся* надо было бы писать так: ЙАВЛЬАЙУЩИЙСЬА. Здесь не используются буквы Я, Ю (и так далее), заподозренные в качестве «орехов-двойняшек». Но слово получилось очень длинное. Не слово, а товарный поезд. Обычная орфограмма *являющийся* не такая длинная.

У нас две выгоды от наших букв: во-первых, вместо 39 управились с 33 знаками. Помните — серьгу перенесли на кружки? Чем короче набор знаков, тем удобнее письмо; конечно, при условии, что все фонемы нашли свое отдельное выражение.

Во-вторых, сумели несколько фонем пачкой передавать. Ну, не большой пачкой, а по две. И слова вышли не такие длинные.

Неплохое у нас письмо…

Иван Семенович почесал кончик носа и говорит:

— А зачем ты меня зовешь: Семеныч? И пишешь? Тоже для краткости? Или почему? Я-то ведь Семенович.

— Так принято в литературной речи произносить отчества: *Семеныч, Михалыч, Викторыч*… Это не обидно. Наоборот, не принято говорить по буквам: *Семенович, Викторович*… Режет ухо.

— У всех режет?

— Всем режет. Всем культурным людям.

— Гм. И мне немножко режет. То-то я чувствую: режет. А пишешь так зачем?

— Чтобы подчеркнуть: мы с вами говорим по-дружески, не официально, по душам.

— Это мне нравится. И дальше пишите так: *Семеныч*. Но время от времени объясняйте, что это по-дружески. Не обижай!

Обидеть Ивана Семеновича! Да ни за что!

Улеглось

— Все-таки осталась неясность, — говорит Иван Семенович.— С этими буквами, Я и другими. Как-то они по совместительству: и там, и тут. То мягкость показывают, то йот. Сбивчиво получается. Ты скажи просто, чтобы в голове все легко утряхнулось.

— Иван Семеныч!

— А как надо?

— Чтобы все в голове улеглось. Чтобы было понятно.

— Вот-вот. Именно так. Вы поняли. И я прошу вас: сделайте так, чтобы все в голове у меня улеглось, чтобы все легло и, понимаешь, просто.

— Может, табличку дать?

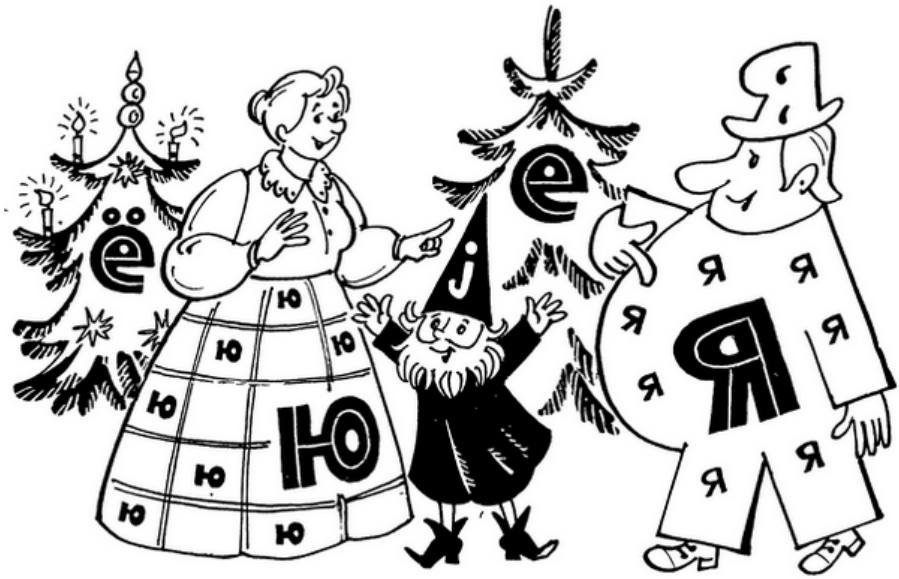
— Давайте. Я люблю таблички.

И я сделал такую табличку:

Если йот находится:	То он обозначается буквами:	Пример
А. После гласного, перед гласным.	Я и др.	*МоЯ. МоЮ.*
Б. В начале слова.		*Яблоко. Юг.*
В. После гласного, перед согласным.	Й	*СтоЙте. МоЙка.*
Г. На конце слова.		*СтоЙ. МаЙ.*
Д. После согласного перед гласным.	ЪЯ	*ПодЪЕхатъ.*
ЬЯ и др.		*ПодЬЯчий.*

— Тут не все понятно. Например, что обозначает: Я и др. Это я, Полупшённый?

— Нет. Это буквы Я, Ю, Е, Е, И — вся их группа.



— А когда йот находится после согласного и перед согласным?

— С йотом такого не бывает…

— Привереда этот йот! Не идет туда, где тесно, — между согласными. Ну, а когда же Я и другие обозначают мягкость?

— Если написаны после согласных букв. Вот вам еще табличка:

Буквы Я, Ю, Е, Е, И

После гласных букв, после Ь, Ъ, в начале слова обозначают йот.

После согласных букв обозначают мягкость согласных.

— Можно еще проще, Иван Семеныч: слева написать — вместо длинного перечисления — просто: не после букв согласных.

— И как же выйдет?

— Вот как:

Буквы Я, Ю, Е, Е, И

Не после согласных букв обозначают йот.

После согласных букв обозначают мягкость согласных.

— Ну, как, Иван Семеныч? Утряхнулось?

— Представьте, как будто улеглось.

Прощание с читателем

Окончилось наше путешествие в русское письмо, дорогой читатель. И. С. Полупшённый шлет вам привет. Он теперь с большим удовольствием, чем раньше, употребляет буквы. Он понял, что русское письмо обладает огромным достоинством: оно целостно, оно построено на едином основании… На каком? Если вы внимательно прочли книгу, вы поняли — на каком.

notes

Примечания

1

В книге в квадратных скобках дается фонетическая транскрипция, в ломаных скобках — фонемная транскрипция; прописные буквы используются в тех случаях, когда речь идет именно о буквах. При отсутствии необходимости подчеркивать различия между звуком, фонемой и буквой примеры приводятся курсивом.

2

А кто-то взял да и прочел: *единица, двойка, тройка, четверка, пятерка, шестерка*… Этими словами называются сами знаки. Вот такой иероглиф: 6, кривая линия с петлей внизу, называется *шестерка*. Тот, кто прочел: *двойка, тройка* и т. д., назвал сами знаки. А ведь просьба была: не «назовите эти знаки», а «прочтите их», то есть превратите в слова, которые они обозначают.

3

Богораз В. Г. Луораветланский (чукотский) язык. — В кн.: Языки и письменность народов Севера. М. — Л., ч. III, 1934, с. 9.

4

А почему же Пастернак писал «С.Я»? Так не изображали этот иероглиф, но он уже забылся, надо было напомнить, как его читать: не «ся», а по буквам: «эс-я». Написание «С.Я» как раз и дает такое чтение.

5

О морфемах и составе слова читайте книжку: Земская Е. А. Как делаются слова. М., 1963.

6

Примеры взяты из книги: Новые слова и значения. Словарь-справочник. М., 1971.

7

Произносится: [шол].

8

Тредиаковский ошибался: русское письмо не будет хорошим, если писать по произношению. Об этом рассказано в другой книжке: Панов М. В. А все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964.

Есть еще такие звонкие: [м], [н], [р], [j], но они остаются и на конце слова. Причина та, что у них нет парных глухих — нет «сменщиков», их некому сменить. И произносятся они не совсем так, как другие звонкие: в них больше «звону», чем в других звонких.

Напомним: это не относится к согласным [м], [л], [н], [р], [j].

11

И здесь надо напомнить: [м], [л], [н], [р], [j] и еще [в] — вне игры. Перед ними могут быть и звонкие, и глухие: *змей — не смей, злить — слить, зной — весной, срезать — разрезать и сват — звать*.

О сильных позициях подробнее будет рассказано потом.

13

Бывает сразу и тем, и тем. Но этот сложный случай сводится к двум простым, о которых и идет речь.

14

Дальнейший материал взят из книги С. М. Кузьминой «Теория русской орфографии» (М., 1981). Оттуда же заимствованы приемы подачи материала.

15

Впервые эту оригинальную проверку нашла С. М. Кузьмина и рассказала о ней в своей интересной книге «Теория русской орфографии» (М., 1981, с. 174).

16

Все, что написано по правилам орфографии, — буква в слове или целое слово, называется орфограммой. Например: *арбуз*. Буква *а* в начале слова — орфограмма, буква *з* в конце слова — орфограмма, и все слово *арбуз* — орфограмма.

17

Этот кодекс называется так: «Орфографический словарь русского языка». Академия наук СССР. Можно пользоваться изданием любого года.

О сочетаниях букв ЖИ, ШИ, ЦИ см. дальше.